
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На тактических занятиях. Командир отличного танкового экипажа гвардии старший сержант Я. Воронич (слева) и мастер вождения танка гвардии старшина С. Саухин.

Фото А. Егорова.

На первой странице обложки: медицинские работники Китайской Народной Республики — аспиранты 1-го Московского ордена Ленина медицинского института Шэн Юй-цзун (слева) и Цзинь Синь-чжун.

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

№ 37 (1370) 13 СЕНТЯБРЯ 1953

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

РАЙОННЫЙ УНИВЕРМАГ

Голодная степь... Где еще недавно шумели камыши, поднялись молодые сады, на железнодорожных станциях громоздятся горы ароматных дынь и арбузов. Новоселы, приехавшие осваивать новые земли, сооружают с помощью государства удобные дома, и на широких улицах шеренгами выстраиваются новые, под серыми шиферными крышами, коттеджи.

Если поинтересоваться в правлении, скажем, сельхозартели имени Тараса Шевченко, Сыр-Дарьинского района, где приобрели они необходимые для строительства материалы, вам ответят: все, от бревен для стропил до последнего гвоздя, куплено в районном магазине.

...Клумбы с яркими цветами соседствуют со складами, где высокими штабелями уложены доски, с навесами, под которыми мастера собирают гнутую мебель — будущую обстановку колхозного дома.

Колхозные машины заправляются горючим из установленной здесь же колонки. Загрузив машину лесом для будущего своего дома, колхозник идет в помещение магазина. Здесь он найдет стекло для окон, провод, лопаты, ведра — да мало ли что нужно в хозяйстве! Вот у двери магазина грузят на полуторку дубовые стулья. Это колхоз имени Сталина приобрел мебель для своего клуба.

Большое строительство идет в районе. Магазину не справиться бы с отпуском материалов, но он организовал отпуск их непосредственно на железнодорожных станциях Сыр-Дарьинская и Велико-Алексеевская. Сибирский лес, шифер, кровельное железо колхозы получают там. Это экономит и время и транспорт

За два последних года магазин хозяйственных товаров продал стройматериалов для двух с половиной тысяч жилых домов, десятков зданий колхозных ферм, клубов, сельских электростанций...

Много хлопот доставляло новоселам изготовление оконных рам, дверных проемов. Колхозные плотники нужны на строительстве животноводческих ферм, складов, отрывать их оттуда не всегда возможно. Теперь детали будущих домов изготовляет созданный при магазине деревообделочный комбинат. Покупай дверь и ставь на место!

Но вот дом выстроен, куплена мебель, домашняя утварь. Пора подумать и об обновах для семьи — доходы у сыр-дарьинских хлопкоробов и шелководов высокие. В магазины едут целыми семьями.

Еще недавно в районном универмаге лежали самые различные товары. Рядом с приемниками — утюги, на одной и той же полке были свалены штуки тканей, обувь, книги. Вместе с велосипедами стояли ведра и лопаты.

Ныне универмаг, объединяющий несколько специализированных магазинов, расположившийся на главной улице районного центра, занимает немалую площадь. В строгом порядке, по сортам разложены товары. Продавец не мечется от полки к полке, а спокойно спросит, что нужно, посоветует, какой ситец, сатин или шелк лучше взять.

Вот к Хаят Тагировой, заведующей обувным отделом, подходят две девушки.

— Есть красивые босоножки, — приветливо говорит Хаят. — Примерьте, думаю, вам подойдут...

Хаят Тагирову хорошо знают на базах облпотребсоюза в Ташкенте, и там не очень-то рады ее приезду: много «беспокойства» доставляет им эта молодая женщина. Ей не скажешь, что нет такой обуви в ассортименте. Она сама проверит и возьмет только то, что нужно ее покупателям. Нашла дорогу Тагирова и на Ташкентскую обувную фабрику. Как-то нескольким ее покупательницам понадобились туфли большого размера. На базах их не было, и Тагирова поехала на фабрику. «Не примете заявку, — шутя, пригрозила она, — приведу всех восьмерых женщин». Шутки шутками, а заказ пришлось выполнить.

Раз в неделю все продавцы собираются у Султана Гулямова — директора универмага. Они сообщают о требованиях покупателей, о том, на какие товары бо́льший спрос. После этого составляется заявка поставщикам. В результате товарооборот магазина с 1950 года вырос в два с половиной раза, и много месяцев подряд сыр-дарьинцы удерживают переходящее Красное знамя.

Однако требования сельских потребителей все время растут, и продавцам приходится выслушивать немало претензий.

— Почему так мало красивых узбекских атласов? — спрашивают в отделе тканей.

— Ситцы в Ташкенте можно найти лучше.

— Мало у вас и нарядных шелковых платков и шалей.

— Приемник купил давно. Батареи уже разрядились, а запасных никак не достанешь. Без радио в доме стало скучно.

— Книг новых совсем мало в магазине. Каждый раз, как бываю в районе, захожу в магазины, а там все то же, что и полгода назад...

Много таких жалоб слышат продавцы. Конечно, нередко виновны облпотребсоюз и другие организации, снабжающие сельские магазины товарами.

— Мы добиваемся, — говорят в магазине, — чтобы колхозник мог купить все, что ему нужно, у себя в районе.

Н. НЕСТЕРОВА

Узбекистан.

Хаят Тагирова помогает подобрать туфли.
Фото Г. Графкина.

Из колхоза имени Сталина приехали за стульями для клуба.

Какой выбрать велосипед?

Техника изобилия

М. АРЛАЗОРОВ,
Д. ПОЛОНСКИЙ

Фото Я. Рюмкина.

Наши старые знакомые

Ранним утром, когда над городом еще властвует тишина, на улицы выезжают первые автомобили. Шурша стальными щетками и разбрызгивая фонтаны воды, неторопливо катятся механические мойщики и подметальщики. А рядом, обгоняя машины чистоты, движутся белоснежные цистерны с надписью «Молоко», фургоны с лаконичным «Хлеб», маленькие «москвичи», развозящие сосиски, баранки, колбасу, мороженое...

Так ежедневно с точностью часового механизма в магазины вливается тот поток продуктов, который встречается здесь с многомиллионным покупателем.

Все эти продукты — наши старые знакомые. На первый взгляд они слишком обыденны, чтобы рассказать о них что-либо новое и интересное. Ведь мысленно увеличив кухню, имеющуюся в квартире, нетрудно вообразить себе печь, где зарумяниваются не три каравая хлеба, а триста, или котел, в котором варятся сотни литров компота.

Однако, заметим сразу, попытка представить себе пищевые предприятия большого города обычной кухней, увеличенной в сотни и тысячи раз, обречена на неудачу. Она не даст никакого представления о гигантских фабриках продуктов, где «умные» высокопроизводительные машины ежедневно готовят десятки тысяч килограммов различной пищи.

Вспомните Рабле, который четыре столетия назад столь красочно описал приготовление обеда Гаргантюа. Бараны и быки жарились на вертелах, шипело масло, неутомимо работали повара и поварята. Какими сочными мазками нарисовал Рабле эту картину! И все же его яркие страницы меркнут перед исполинскими масштабами действительности наших дней.

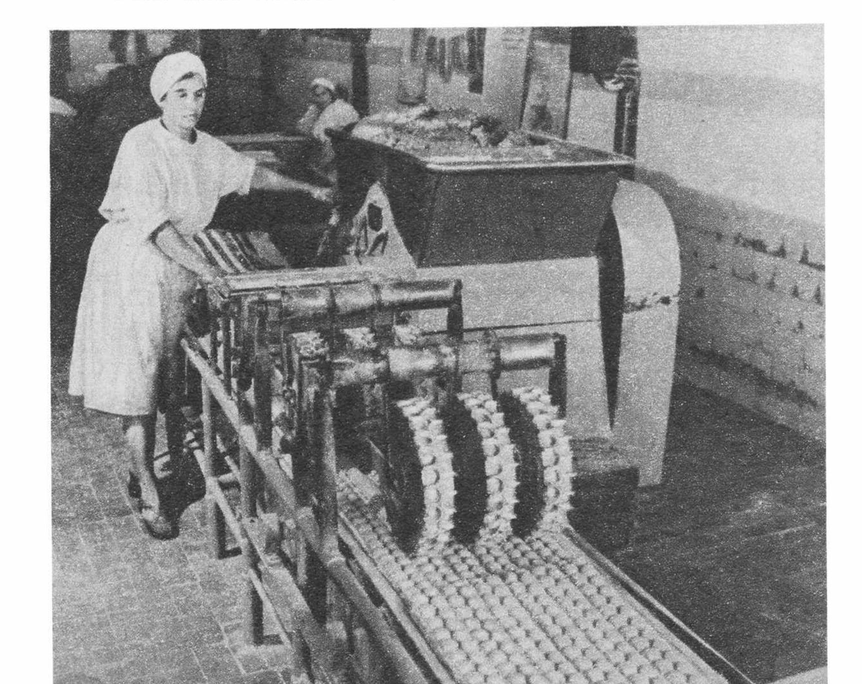
В одной лишь Москве ежедневная выпечка хлебо-булочных изделий измеряется миллионами килограммов. Развозя их, машины пробегают многие тысячи километров, совершая более 5 тысяч рейсов за сутки.

Хлеб выпекается на специальных заводах-автоматах. Десятки тонн муки, поднятые на верхний этаж, смешиваются с закваской и соленой водой. Стальные рычаги за считанные минуты перемешивают тесто. Острые ножи машины режут его на порции, автоматы наполняют формы и гонят их в печь, из которой выходят тысячи румяных буханок-близнецов.

Всего 36 человек обслуживают цехи такого завода, выпуская за смену 80 тысяч килограммов хлеба.

Посетив один из первых хлебозаводов-автоматов, А. М. Горький записал в книге отзывов: «Это самое замечательное из того, что я видел в Ленинграде. Ничто не говорит так красочно о революции быта».

Двенадцатью стройными рядами движутся из-под штампов автомата пельмени, направляясь в камеру замораживания. Москва. Мясокомбинат имени Микояна.

По своей технической оснащенности советские хлебозаводы-автоматы не имеют себе равных во всем мире. Но первоклассная отечественная техника — характерная черта не только заводов хлеба. Все шире распространяется она на пищевых предприятиях страны. Только на мясокомбинатах за годы этой пятилетки будет установлено более 1 500 разнообразных автоматически действующих машин.

«Пельменемет»

Со сказочной быстротой работают машины на мясокомбинатах, и в этой скорости залог отличного качества, той безукоризненной свежести, которой законно гордятся советские пищевики.

Вот, например, «московские котлеты». Они не залеживаются на прилавках магазинов, ожидая покупателей. Котлет нужно выпускать много, и, отвечая возросшим требованиям потребителей, конструкторы пищевой промышленности создали машину, шутливо прозванную «котлетным комбайном».

Под потолком цеха протянулась подвесная дорога. По ней непрерывно движется фарш. Приготовленный мощной электромясорубкой и тщательно перемешанный, он поступает к машине, а из многочисленных ячеек автомата одна за другой выдавливаются сотни котлет. Короткая встреча с сухарной мукой — и транспортер увозит лотки, заполненные готовой продукцией. «Комбайн» изготовляет за час 20 тысяч котлет — почти полмиллиона в сутки!

Не менее популярен и другой полуфабрикат — «сибирские пельмени». Они вкусны и питательны, но приготовление пельменей в домашних условиях требует долгой и хлопотливой работы. Ведь каждую порцию мясного фарша приходится тщательно обертывать листочком теста.

Производство этого блюда удалось перенести на мясокомбинаты. Лет пятнадцать назад в магазинах появились первые пачки пельменей, быстро завоевавших себе отличную репутацию. Однако пельменей явно не хватало. Нужно было резко, в десятки раз увеличить их выпуск, автоматизировать производство. Решением этой задачи занялся А. В. Скрыпник, один из конструкторов Ленинградского мясокомбината.

Бесшумно работает автомат. По своим размерам он лишь немногим превосходит обычный токарный станок. Машина жадно поглощает фарш и тесто. Они входят в него через разные «ворота». Вошли они порознь, а выходят вместе бесконечно длинной желтоватой трубочкой теста, нафаршированной мясом. Запудрившись на своем пути мукой, трубка попадает под штампы. Двенадцатью стройными рядами движутся по транспортеру отштампованные пельмени, направляясь в камеру замораживания.

Удивительный «пельменемет» выбрасывает ежеминутно свыше пуда пельменей, а за сутки — 24 тысячи килограммов.

Пельмени заморозили, и они готовы к употреблению, но впереди еще большая работа. Продукцию, приготовленную автоматом, надо точно развесить и упаковать. Сделать это вручную столь же безнадежно, как пешеходу догнать стремительно мчащийся автомобиль. «Пельменемету» нужны не менее быстрые помощники. И к работникам Московского мясокомбината имени А. И. Микояна пришел на помощь Научно-исследовательский институт мясной промышленности. Под руководством кандидата технических наук Б. Х. Телешевского была сконструирована новая, оригинальная автоматически действующая машина. Ковши автоматических весов, каруселью двигаясь под транспортером, вбирают в себя порцию пельменей в 350 граммов. Крышка захлопнулась. Весы продолжают свое движение по кругу, направляясь к шеренге пустых пачек, чтобы наполнить их пельменями.

Механические руки

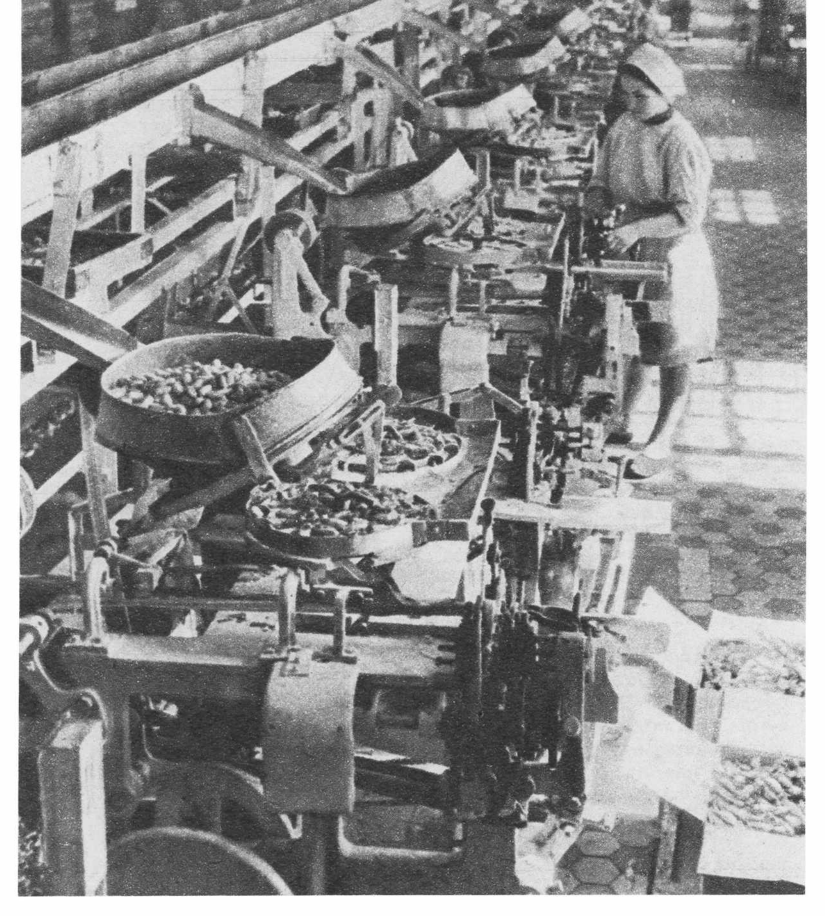
Карамельный цех кондитерской фабрики — это «горячий» цех. Быть может, не такой горячий, как доменный, но все же достаточно жаркий. И не случайно дореволюционные кондитеры называли свой труд «сладкой каторгой». Иная картина теперь. Горячую карамельную массу обрабатывают машины. Они раскатывают ее в тонкую трубочку и наполняют эту трубочку начинкой. Под давлением штампов трубка превращается в непрерывную цепочку карамелек, блестящих и твердых, как стекло.

Задержавшись на несколько секунд в ловких руках продавца, пакетик с конфетами перекочевал к покупателю. Как аккуратно завернута каждая конфета! А сколько их приходится заворачивать ежедневно, ежечасно! Тут непригоден даже счет на тысячи. Речь идет о цифрах с головокружительным количеством нолей.

Более полутора тысяч работниц еще совсем недавно завертывали карамель на одной лишь московской фабрике «Красный Октябрь». Руки людей заменили механические руки автоматического станка. Каждую минуту они заворачивают 500 конфет. Это такая скорость, что процесс становится почти невидимым.

Механическим рукам, завертывающим конфеты, подстать и машины, разливающие разнообразные напитки. Они составляют целую линию. Прежде всего посуда ныряет в недра моечного автомата. И в течение одной смены 48 тысяч чисто вымытых бутылок осторожно выносятся на узкие транспортерные ленты. Им предстоит совершить целое путешествие, в котором нет остановок для отдыха

Горлышки бутылок открыты. И в тот момент, когда головка нажимает на кран, в посуду вливается точно отмеренная порция наливки. Но закончен лишь первый этап путешествия по дороге автоматов. Теперь пересадка. Бутылки переходят на другой круг, где

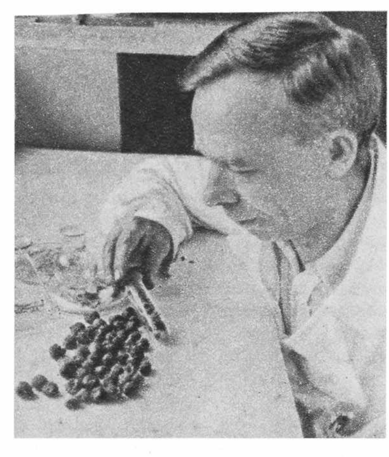
Обертка конфет происходит без участия человеческих рук. Ящики быстро наполняются карамелью. Москва. Фабрика «Красный Октябрь».

автоматы со снайперской точностью закупоривают горлышки пробками.

Путешествие продолжается. Бутылки проходят перед светящимся молочно-белым экраном и переворачиваются горлышком вниз. Это контрольный пункт. Работнице надо проверить, нет ли в наливке осадков, а в стекле трещин.

И вот проверенная продукция вышла к последней в машине линии. Протянулась металлическая рука. Подхватив этикетку с надписью «Вишневая наливка», она наклеила ее на стенку посуды. Тут же две небольшие щетки разгладили этикетку на стекле.

Только здесь, у конца линии, мы с вами могли увидеть, как с нижнего этажа специальный элеватор подает порожние ящики. В них надо установить бутылки. И эту операцию совсем недавно автоматизировали. Заполненный ящик уходит обратно на первый этаж. Вкусная, ароматная наливка готова покинуть завод.

Кандидат технических наук И. М. Хохлов высыпал ягоды на стол. Трудно поверить, что малина высушена, а не только что сорвана с куста.

Секрет неувядаемой свежести

В каждой машине, в любом новом технологическом процессе скрыты настойчивые поиски новаторов — передовых рабочих, инженеров, ученых. В научно-исследовательских институтах пищевой промышленности неутомимо изучаются разнообразнейшие проблемы. Создаются новые методы сушки, обработки продуктов глубоким холодом, инфракрасными лучами, токами высокой частоты. И все это делается для того, чтобы продукты были отличного качества, чтобы изготовлялись быстро и в больших количествах.

Сталинской премией отмечен труд профессора А. В. Лыкова «Теория сушки». Этот труд стал для советских пищевиков ключом, открывшим секрет сохранения свежести в... обычных сушеных плодах, которые в процессе сушки не утрачивают своих питательных качеств. Теория профессора Лыкова раскрывает законы сушки пористых тел. К числу таких тел относятся фрукты, овощи и многие другие продукты питания. При нагреве их вода бежит от тепла, но не наружу, чтобы уйти прочь, а внутрь. Эту особенность «переломил» профессор Лыков. Он предложил вести нагрев «небольшими порциями» — кратковременно. Когда продукты в промежутках между нагревами будут остывать, влага испарится.

Однако кратковременный нагрев должен быть сильным. И было решено выполнять его теплом невидимых инфракрасных лучей. Четырех часов вместо прежних 12—18 достаточно теперь для сушки, причем из этих 4 часов лампы горят всего лишь 12 минут — остальное время необходимо для испарения.

Инфракрасная прерывистая сушка была лишь первым использованием теории Лыкова. При помощи этой теории кандидат технических наук И. М. Хохлов решил сушить продукты в условиях безвоздушного пространства — глубокого вакуума. В таких условиях влага испаряется, и продукты, отдавая содержащееся в них тепло, быстро замерзают. Льдинки образуются одновременно во всех клетках. Они теснят друг друга и не дают разорваться оболочкам клеток. Структура плода почти не нарушается. Именно поэтому так непохоже быстро замороженное яблоко на яблоко, просто побывавшее на стуже, которое утратило свою естественную окраску и резко изменило вкус.

Однако для ученых быстрое замораживание стало лишь первой стадией консервирования. Исследователям помогло еще одно обстоятельство — способность льда при нагреве в безвоздушном пространстве переходить сразу в пар. Быстро замороженные продукты, заключенные в шкафу, из которого удален воздух, подвергались нагреву. Температуру в камере несколько повышали, не допуская при этом размораживания. Словно мириады насосов обрушивались на будущие консервы, «откачивая» из них влагу. Процесс перехода льда в пар (сублимация, как называют его ученые) осуществлялся очень быстро. Продукты теряли влагу и становились сухими.

Вот в небольшой пробирке лежат высушенные ягоды. Они выглядят сочными, будто только что сорваны с куста.

На одном из консервных заводов уже заканчивается строительство нового цеха, который будет выпускать рыбу, высушенную этим способом. Этот же метод может быть использован при изготовлении макарон, при консервации молока и фруктовых соков, превращающихся в высокопитательные порошки, сохраняющие все качества свежих продуктов.

Масло инженера Милешина

Наше знакомство с техникой изобилия началось с хлеба, а закончим мы его сливочным маслом, но совсем не тем, к которому мы привыкли.

Новое масло создал ленинградец В. А. Милешин, который отдал поискам технологии его приготовления около двух десятилетий. Милешинское масло заставило отступить вологодское с его мировой славой. Вкус сливок, ощущение какой-то неповторимой свежести возникает, когда пробуешь этот высококачественный продукт советской пищевой промышленности.

На пятнадцать метров растягиваются современные линии маслодельных цехов. Эти полтора десятка метров заполнены громоздким оборудованием, требующим 5—10 часов для того, чтобы выпустить готовую продукцию. В три раза короче оказалась линия Милешина. Поток молока вливается в первую машину — и через 18—20 минут (да, да, минут, а не часов, как раньше!) плотные деревянные ящики, выложенные пергаментной бумагой, заполняются маслом изумительного вкуса. Масло вливается в ящик и затвердевает прямо в нем. За час линия Милешина приготовляет 400 килограммов масла.

Уже в нынешнем году 35 таких линий, работающих во много раз быстрее прежних, отправят свою продукцию на прилавки советских магазинов.

Мы рассказали лишь о небольшой частице той неустанной работы, которую ведут специалисты и рабочие пищевой промышленности. Темпы и масштабы этой работы нарастают с каждым днем.

Все больше новых пищевых предприятий сооружается в нашей стране, все больше машин готовится для этих механизированных и автоматизированных «заводов питания»; решается важная задача: в ближайшие два—три года создать обилие продовольствия для населения.

Шестьдесят тонн сосисок в сутки выпускает Московский мясокомбинат имени Микояна. Очередная партия сосисок уже готова к отправке в магазины.

На фарватерах
ЧУДСКОГО БАССЕЙНА

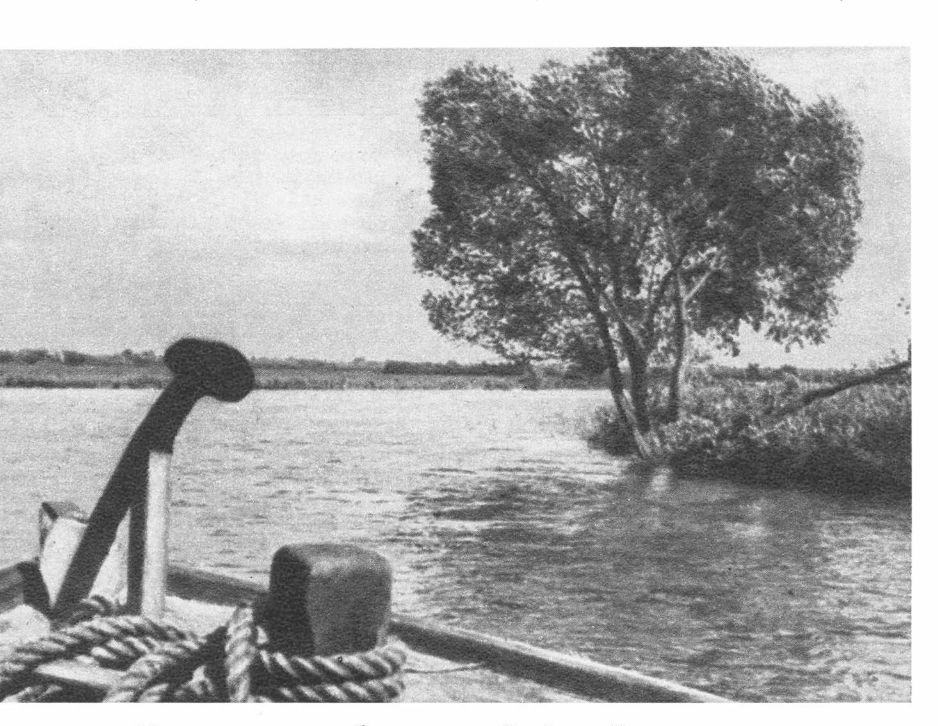
В небольшом озерке рождаются светлые воды реки Вяйке Эмайыги. Изгибаясь почти под прямым углом, она впадает в озеро Виртсьярв и, наполнившись водой, выходит из него уже с именем Суур Эмайыги — Большая мать-река. Петляя, течет она на восток, в Чудское озеро. Здесь образуется целая водная система. Издревле носились по ее волнам струги славян и ладьи эстов. В эту дорогу дружбы входят Нарвский залив, река Нарова, слившиеся в единый бассейн озёра Чудское, Теплое и Псковское, река Великая.

У восточных эстов много сказаний о Чудском озере. О дружбе русского и эстонского народов говорится в этих сказаниях, об их торговых, военных и культурных связях. Воспевают дружбу и поэтические строфы эстонского эпоса «Калевипоэг». В песне одиннадцатой мы читаем, как Калевипоэг

«...Вывез кладь свою из Пскова:
Гору купленных им досок,
Чтоб из них построить город,
Крепость прочную — для старых,
Кровлю мирную — для слабых,
Для сестриц — приветный терем,
Для вдовиц — избу печали, —
Всем на радость и защиту.»

После того, как Эстония была оторвана от Советской России, буржуазия пыталась превратить этот путь дружбы в водную преграду: озера Чудское, Теплое и Псковское были рассечены границей; острову Желачек, где исстари селились вместе эстонские и русские рыбаки, было дано название Пийрисаар — Пограничный остров.

Усиленно разжигалась национальная вражда. Но тот, кто бывал в годы буржуазной власти на берегах Чудского озера, знает, что эти попытки ни к чему не привели. Рыбаки жили здесь на протяжении многих веков в крепкой трудовой дружбе, и ее не могла поколебать даже самая разнузданная шовинистическая пропаганда.

Живописны низкие берега реки Эмайыги. Колышутся высокие шелковые травы поемных лугов. Душистый ветер летит навстречу нашей моторной лодке, несет с берега запахи трав. Приречные ивы под мягкими волнами ветра поворачивают к солнцу то лакированную зеленую, то серебряную сторону листьев. В затонах буйно цветут желтые и белые кувшинки. Над рекой носятся стаи чаек; то и дело камнем ныряя в воду, чайки ловят рыбу.

Ближе к озеру, впитав воду многих притоков, Эмайыги делается полноводной и прямой. Невдалеке от устья мы сворачиваем в ее приток Каеванду. На крохотном треугольнике земли между Эмайыги, Каеванду и Чудским озером стоят два маленьких домика. Один, приземистый, построен здесь пятьдесят лет тому назад рыбаком Яном Конза. Другой, на сваях, над самой рекой, — под крылечком-причалом журчит и плещется вода, — принадлежит его сыну Аугусту. Здесь живет и трудится знаменитая на чудских берегах бригада каевандуского отделения Государственного лова. План первого полугодия рыбаки выполнили на 150 процентов, сдав государству 70 тонн рыбы и заработав за шесть месяцев по 12—14 тысяч рублей на каждого члена бригады.

Не в малой мере секрет успеха каевандуских рыбаков — в механизированном неводе, изобретенном Аугустом Конза (на снимке справа, посередине). Это простое и дешевое приспособление заключается в том, что подключенная к мотору лодки трансмиссия приводит в движение четыре ворота, установленных на палубе. Вороты наматывают бечеву невода и избавляют рыбаков от самого тяжелого труда — подъема наполненных рыбой сетей.

От причала Каеванду моторная лодка вынесла нас в Чудское озеро. Так вот оно какое, легендарное Пейпси — Чудь-озеро! Летнее солнце щедро рассыпало по воде золотые блестки. Свежей влагой дышат бескрайние просторы.

На горизонте полоска земли. Это остров Пийрисаар. На нем три деревни: Желачек, Тони, Межа, — всё вместе зажиточный рыболовецкий колхоз «Сяде» («Искра»). Островок низкий, маленький, нет и десяти километров в окружности. Хлеба здесь не растут, рыбаки исстари сеют лук. Уютные островные деревушки со всех сторон окружены длинными грядками усатого лука, укропа и пышноцветного махрового мака. Над островом стоит вкусный запах созревших овощей и копченой рыбы.

Мы познакомились с Иваном Ивановичем Манчжурцевым. Он стоял в группе стариков (в центре на нижнем снимке). Рыбак побывал на русско-японской войне, вернулся оттуда с двумя ранениями и двумя георгиевскими крестами. Ему скоро восемьдесят лет, но Иван Иванович еще крепок и бодр, ходит с рыбаками на озеро и считается лучшим на острове каменщиком.

Долгие годы этот островок был одним из самых заброшенных уголков в Эстонии. Вместе с организацией колхоза сюда пришла новая жизнь. Снабженный большим флотом и прекрасными орудиями лова, колхоз «Сяде» из года в год остается одним из передовых в Причудье. В дома колхозников нынче проведено радио, через день здесь бывает пароход; ежедневно уходят в Тарту моторные лодки с рыбой; раз в неделю приезжает кинопередвижка; самолет привозит почту.

Утром на пароходе «Иоала» мы пошли в южную часть озера. Слева по борту гряда низких зеленых островов. «Лежниха, Городец, Костель, Сиговец, Вороний», — пересчитывает их наш спутник, полковник, который едет в родные места на время отпуска.

Вороний остров... С ним связана память о великом Ледовом побоище. Полковник рассказывает об этом сражении так живо, будто сам был его очевидцем...

Целый день пароход то причаливал к пристаням, то к нему швартовались лодки, привозя и увозя десятки пассажиров.

Кончились желтоватые воды Псковского озера, и пароход вошел в реку Великую, широко и плавно вьющуюся меж холмистых берегов.

Вот и Псков. Глубокой стариной веет от его Кремля, Гремячей башни, колоколен — редчайших памятников древнего русского зодчества. Рядом с ними целые кварталы новых многоэтажных домов, выросших на месте развалин, оставленных фашистскими полчищами. Особенно хороша утонувшая в зелени улица — аллея Октябрьская. Рядом со светлыми блоками уже обжитых, но еще пахнущих свежей штукатуркой домов леса новостроек. Псков восстанавливается, вернее, отстраивается заново.

В северной части Чудского озера от ледохода до ледостава идет сплав леса. Плоты из Васкнарвы, Лохусуу, Раннапунгерья, Омеду доставляют в Тарту строительный материал из северных лесных массивов. Здесь же движется крепежный лес для сланцевых шахт.

На озерной дороге мы обогнули буксир «Комсомол». Его экипаж держит первенство на грузовом транспорте Чудского бассейна. Двадцатидвухлетний капитан буксира комсомолец Вальтер Оямяэ пришел на Эмайыги рулевым. В течение нескольких лет он учился без отрыва от производства и к началу навигации этого года стал капитаном. Все остальные члены экипажа — помощник капитана Михаил Мурумаа, радист Александр Нежинский, матросы Геннадий Паппель и Виктор Виноградский — тоже комсомольцы.

— Один я не комсомолец, не подхожу по возрасту и очень сожалею об этом,— шутит механик Александр Калев.

Машинное отделение буксира в образцовом состоянии и поддерживает честь комсомольского экипажа.

Экипаж «Комсомола». Слева направо: Михаил Мурумаа, Александр Калев, Вальтер Оямяэ, Александр Нежинский, Геннадий Паппель и Виктор Виноградский.

На северных берегах Чудского озера много рыболовецких колхозов. Чудские рыбаки осваивают новое для них дело — траловый лов. Нынешней весной получены одиннадцать траулеров. Этот способ лова особенно оправдывает себя в июле — августе, в «мертвое время», названное рыбаками так потому, что в жару рыба ищет глубокие и холодные места и ловить ее трудно. Траулеры находят ее в отдаленных от берегов глубинах. В это время ловится ценная и вкусная озерная рыба ряпушка. Траулеры, работающие в Муствеской гавани Государственного лова, выполнили июльский план на 300 процентов.

Мы покидали Чудское озеро перед закатом солнца. Оно было тихое и спокойное, будто чуть сморщенное ветром полотнище серовато-голубого блестящего шелка. У берегов на легкой зыби качались сытые чайки. Шелестели и, казалось, тихо плыли тростники...

Н. ХРАБРОВА

Фото С. РОЗЕНФЕЛЬДА.

ТРУДНЫЕ ДНИ ПАВЛА ЩУКИНА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

I

Ожидая возвращения мужа с ночной смены, Екатерина Николаевна не спала. Самой хотелось отворить дверь, когда послышатся знакомые тяжеловатые шаги в коридоре.

За окном давно уже растаял сумрак. К причалам фабричной пристани скоро начнут подходить лодки с ткачами, живущими на заволжской стороне. Свежий ветерок зарябит воду на реке. Потянутся цепочки рабочих и с берега, и с Верхней Устинихи, и с Нижней Устинихи — много народу работает на Красноволжском комбинате. Начнется новый день. Только бы Павел опять не замешкался, сдавая смену...

Раньше-то он не задерживался. Но теперь много у него дел — забота не только о станках.

Весь текстильный край знает его. Портрет в «Правде» напечатали. Едут к Павлу в бригаду за опытом делегации ткачей из Иванова и Вичуги, Ярославля и Калинина; почтальон приносит письма со всех концов страны.

Недавно вызывали мужа в Москву. Накануне поездки ночь целую готовился к докладу в министерстве. Вместе с инженером Куликовым подсчитывали, какую выгоду принесло Красноволжскому комбинату соревнование, начатое по инициативе Павла после XIX партийного съезда. Спорили. Шуршали планами, чертежами...

Екатерине Николаевне показалось, что она снова слышит бумажный шорох, приглушенные голоса. Или это ветер зашумел в деревьях за окном? Она открыла глаза и увидела мужа.

— Ты?.. А я и не услышала.

Широкое лицо его в розовых рубцах давнишних фронтовых ранений было хмурым. Стоя посреди комнаты, он молча стягивал с плеч майку.

Она спустила ноги с кровати, заколола волосы.

— Сейчас поесть разогрею.

— Не надо.

Екатерина Николаевна удивленно взглянула на мужа.

Обычно, возвращаясь из цеха, Павел Иванович рассказывал жене, какие новости на комбинате, кто из ткачей вернулся из отпуска, а кто только собирается в дом отдыха, с кем он поспорил, поругался, какая будет завтра лекция или кинокартина в клубе. Ведь для нее все это было близким, родным. Она и сама раньше работала на комбинате. Там и познакомилась с Павлом. Только после войны, когда семья разрослась, вынуждена была Екатерина Николаевна временно оставить производство.

— Что невеселый?

Павел не ответил. Лег и отвернулся к стене.

II

Собственно, ничего худого с помощником ткацкого мастера коммунистом Павлом Ивановичем Щукиным не случилось. Просто его, инициатора нового движения — движения за освоение производственных мощностей каждой единицей текстильного оборудования,— обогнал товарищ по фабрике Михаил Голенищев.

Щукин хорошо знал этого разговорчивого, общительного человека. Голенищев тоже воевал,— правда, не артиллеристом, как Щукин, а летчиком. Сколько раз ездили вместе на рыбалку! Когда в Кинешму приезжали на состязания футболисты из Иванова или Вичуги, оба «болели» за команду Красноволжского комбината.

Собеседник он занятный, человек вообще веселый, но что касается производства... Нет, никак не ожидал Щукин, что именно Голенищев окажется вдруг впереди него. Впрочем, это было неожиданностью не только для Щукина.

Жил Голенищев на заволжской стороне в собственном маленьком доме с палисадником и огородом. Человек он домовитый и хозяйственный. В огороде у него клубника, капуста, помидоры. В летние дни, бывало, Голенищев с утра возился у себя на участке, а в цех являлся усталым. Ткачихи тогда возмущались:

— На ходу спит!.. Кто же нам станки наладит?

Дошло до того, что на одном из производственных совещаний ткачихи потребовали, чтобы Голенищева сняли с комплекта; едва он тогда остался в бригадирах.

Или этот печальный случай заставил Голенищева взяться за ум или повлиял долгий вечерний разговор с глазу на глаз с секретарем парткома Владимиром Сергеевичем Таракановым,— как бы там ни было, но Голенищев вдруг переменился.

На переправе теперь знали, что никто из ткачей не переправляется на правый берег раньше Михаила Голенищева.

Техника вообще давалась Голенищеву легко: сказывалась наука, полученная в авиационном полку. «Почему же я не могу?» — думал он, когда слышал о Щукине.

Несколько раз приходил он к Щукину на комплект. Наблюдал, как неторопливый и аккуратный Павел Иванович проверял станки на легкость хода.

— Главное, следи за сцеплением ходовых шестерен,— пояснял Щукин.— Потом, брат, смазка...

Все сорок два станка комплекта Щукина — одной заводской марки. Одинаково поднимаются и опускаются их длинные рычаги — «вожаки»; одинаково раскачиваются вверху гребенчатые «журавли», приводящие в движение механизм переплетения нитей. Кажется, в этой железной чаще абсолютно невозможно отличить один станок от другого. Однако мимо одного Щукин проходит спокойно, над другим склоняется озабоченно. В записной книжке помощника мастера проставлены номера станков и рядом заметки напамять: «Заменить батан», «Сменить шкивы», «Поднять скорость».

Михаил Голенищев завел такую же записную книжку, скопировал таблицу учета выработки. Перед тем как переправляться на левый берег — домой, он теперь забегал в библиотеку, брал свежий номер журнала «Текстильная промышленность», книги о ткачестве...

Самой интересной книгой была сама фабричная жизнь. Голенищев теперь все чаще думал о Щукине. В чем его сила? Не только отлично владеет техникой. Умеет анализировать. Вникает и в экономику. Ведь у него, черта этакого, ничего не пропадает! Смотри ты, даже изношенный буферный ремень использовал, чтобы поделать козырьки для боевого механизма. А на гонки, погонялки и другой подсобный материал истратил всего 31 рубль 92 копейки вместо положенных на одну тысячу станкочасов 83 рублей 19 копеек. То-то у него и себестоимость ткани ниже, чем у всех других бригад.

А все-таки на щукинском комплекте не все ладно. Как-то Голенищев разговорился со сменщиком Щукина — Геннадием Головановым. «Плохо мы смены передаем,— признался Голованов.— Раньше проверяли друг друга. Мы Щукина критиковали, а он нас. А теперь он о сменщиках забыл. Будто один за весь комплект отвечает. Ты пойми, разве не обидно? Разве мало и моего труда здесь вложено и третьего сменщика — Вишневского?..» Рассказала о своей досаде на Павла Ивановича и ткачиха Анна Кручинина: «Выступил вчера на техсовете, взял новые обязательства, а мы о них даже не знаем. Что же мы, пешки?»

Нет, Голенищев решил действовать по-другому. Все чаще он просил профорга Нину Абрамцеву:

— Давай собирай бригаду. Есть отстающие. Надо поговорить.

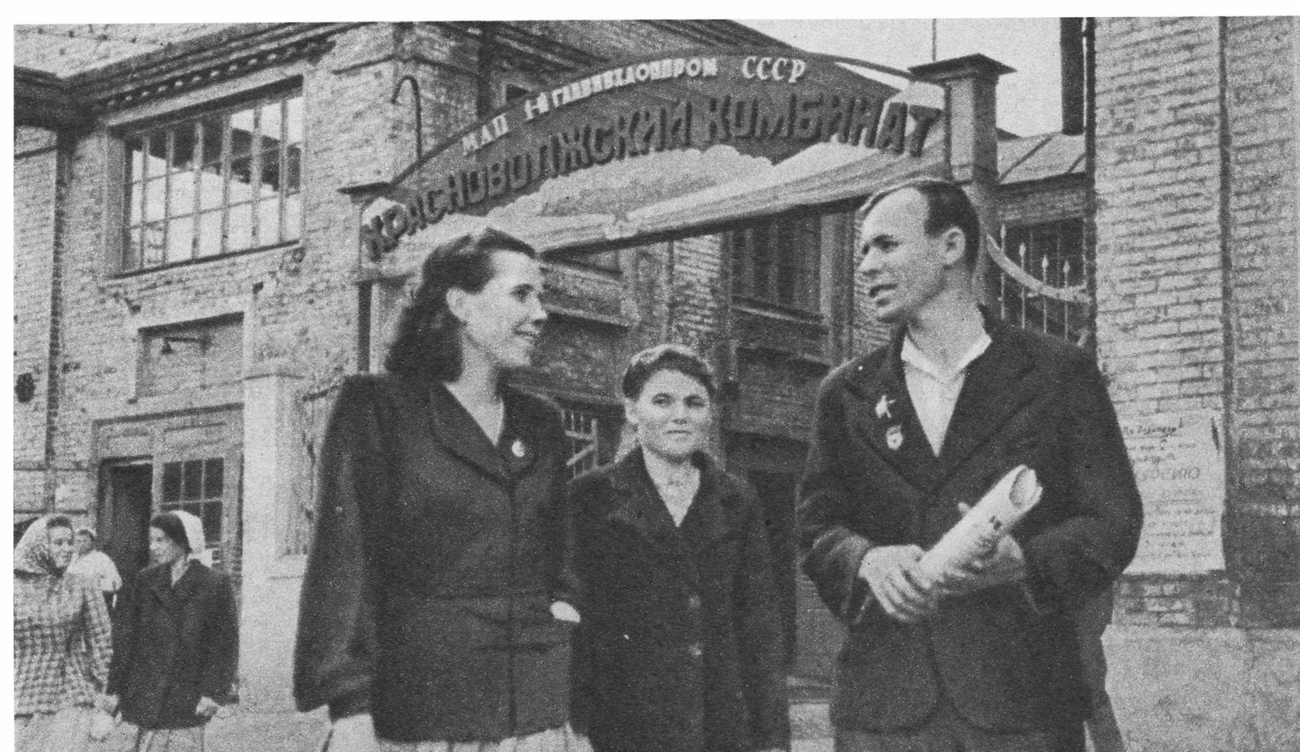
Он побывал на квартирах и в общежитиях, посмотрел, как живут его ткачихи. И он знал теперь, отчего одна бывает грустна и рассеянна, а другая — весела и беспечна. Он знал, с кого можно строго потребовать, а с кем надо мягко, осторожно побеседовать с глазу на глаз.

Когда бригада добилась первого большого успеха, получила премию, он предложил:

— Давайте пойдем сфотографируемся. Всей бригадой!

Во время съемки все шутили, подзадоривали друг друга, а потом долго сидели на высоком откосе над Волгой, провожая глазами белые пассажирские пароходы и темносерые, низко сидящие в воде работяги-самоходки с длинным караваном барж. Люди и грузы безостановочно двигались по великому пути от Москвы до Ростова...

Этот вечер еще больше сблизил бригаду.

После смены. Ткачиха А. Н. Кручинина (первая слева), заряжальщица А. А. Лаврова и помощник мастера П. И. Щукин.

Фото Б. Вдовенко.

Теперь не один Михаил следил за тем, чтобы станки не простаивали, чтобы полотна обязательно проверялись ткачихами не только сверху, но и снизу, чтобы ткачихи расправляли запутанные, затянутые, склеенные нити, снимали с них шишечки, пух, «непропрядки». И если кто-либо нарушал эти требования технологии, тотчас же раздавался предупреждающий голос товарища:

— Смотри, брак у тебя.

Раз как-то Щукин сидел у секретаря парткома Тараканова. Вошел Голенищев:

— Владимир Сергеевич, хочу съездить на первую фабрику.

Фабрика № 1 расположена на другом конце Кинешмы. Недавно местная газета писала об образцовом порядке на рабочих местах у ткачей этой фабрики.

— Дело,— сказал Тараканов.

— Посмотрю, нашим расскажу.

— Это ты неплохо придумал!

Когда Голенищев вышел, Тараканов повернулся к Щукину:

— Старается он, а?

— Языком-то можно работать...

Секретарь парткома нахмурился:

— Языком!.. Ты что же думаешь, в одних станках дело? Поучился бы у него, как с людьми разговаривать.

Когда кончился месяц и плановики подвели результаты соревнования, переходящее красное знамя фабрики передали бригаде Михаила Голенищева. У него проектные мощности были достигнуты на всех сорока станках, а у Щукина из сорока двух — только на двадцати шести. И по качеству гладкой белоснежной бельевой ткани, так нужной людям в городах и селах, бригада Голенищева была теперь впереди.

Попрежнему на имя Щукина приходили письма из разных городов Советского Союза. Попрежнему приезжавшие на Красноволжский комбинат делегации текстильщиков первым делом торопились на его комплект, над которым висел транспарант:

«Здесь работает бригада поммастера Щукина П. И.— инициатора соревнования за освоение проектных мощностей каждого станка».

Но все эти знаки почета и уважения не радовали больше Павла Ивановича. Впервые с тревогой подумал он о том, что какое-то важное качество своей бригадирской работы он утратил за дни своей славы...

III

Следующую неделю Щукин работал с утра.

День начался неудачно. Он недоглядел — поставили на нескольких станках недоброкачественные, закрещенные основы: нити поминутно рвались. Ткачиха Кручинина нервничала, металась от станка к станку. Расстроилась и заряжальщица Лаврова, на которую Щукин сгоряча резко прикрикнул.

Порой Павел Иванович ловил на себе косой взгляд Анны Кручининой. «Эх, завалил ткачихе смену! Нехорошо. Лучшая мастерица на фабрике...»

После гудка, когда вышли из проходной, Щукин нагнал Кручинину.

— Ты знаешь, я сердитая,— неохотно отозвалась она, когда Щукин попросил ее быть откровенной.— Может, этот разговор на партгруппу перенести?

— Говори сейчас. Как на партгруппе.

Она повернула к нему свое круглое, доброе лицо в веснушках, опечаленное сейчас горькой мыслью:

— Дело-то дрянь! Сам не видишь, что ли? Раньше работали в ладу, а теперь... Где твоя скромность, Павел Иванович? Как ты Лавровой нынче ответил, когда она про основы сказала: «Больно много говоришь. Еще ты мне будешь указывать!» Обидел человека. Ну, коли не хочешь, чтобы указывали, так и не надо. Пусть тебя хоть за облака несут, нам все равно.

Кручинина замолчала. Они медленно поднимались по пыльной крутой дороге.

— Говори,— снова попросил Щукин.

— Знамя у нас отняли. Думаешь, не обидно? А собрал ты бригаду? Посоветовался, как дальше быть? Подняли тебя высоко, Павел Иванович. Не свалился бы...

Вечером ему никуда не хотелось идти. Босой, взлохмаченный, он слонялся по комнате. То брал на колени трехлетнего сынишку, то курил, облокотившись на подоконник, вглядываясь в ту сторону, где за старой березовой рощей катила свои волны тихая, позлащенная закатом Волга.

Екатерина Николаевна сидела за столом и читала. Несколько раз она отрывалась от книги, поднимая глаза на мужа. Наконец сказала:

— Слушай, я тебе выдержку почитаю. Хорошая книга. Это про кузнецов... Тоже была у них на заводе неприятность... И тоже сначала не поладили.

Он обеспокоенно подошел к жене: откуда она знает?

— Мне Аня Кручинина все рассказала. Я, говорит, с твоим Павлом крепко поругалась. Спрашивает, не серчаешь ли.

И вдруг Щукину стало легко. Впервые легко за эти трудные дни. Он и сам не знал, откуда явилась эта внезапная освежающая легкость — то ли от голоса жены, в котором звучали и укоризна и ласка, то ли от благодарной мысли о Кручининой, то ли от внезапно пришедшей уверенности, что он вернет бригаде потерянное место.

Утром, собираясь в цех, Щукин захватил с собой толстую пачку писем.

В этой пачке было и приветствие от литовских ткачей с фабрики «Кауно Audиняй», и приглашение ивановских меланжистов приехать к ним обменяться опытом, и запрос из Москвы, из Научно-исследовательского института хлопчатобумажной промышленности. Эти листки будили мысль, открывали новое. Как мог он держать эти драгоценные листки дома!

— Сегодня почитаю на бригаде,— сказал Щукин жене.— Понимаешь, Катя... Не мне ведь одному пишут.

Екатерина Николаевна ничего не ответила и только чуть-чуть кивнула головой, но он понял по этому движению, что она уже догадывается, что́ он скажет сегодня товарищам по бригаде, и заранее одобряет эти слова.

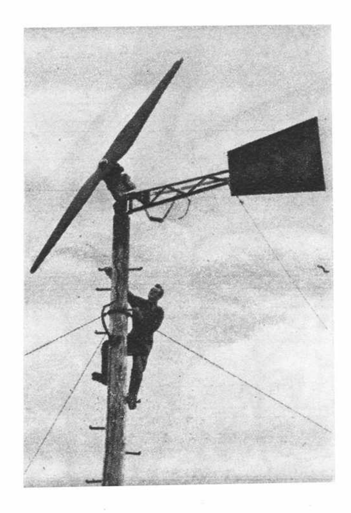
* * *

Через два месяца после событий, о которых рассказывает наш очерк, бригада Павла Щукина снова взяла верх в социалистическом соревновании.

Днем у станков они соперничали — Павел Иванович Щукин (слева) и Михаил Александрович Голенищев. А вечером на Волге идет дружеский разговор.

МЕТЕОСТАНЦИЯ В ЕРЕМЕНЬ-ТАУ

На метеостанции Бостал в горах Еремень-Тау.

Фото Я. Рюмкина.

Крылья ветродвигателя ни минуты не бывают в покое. Влекомые воздушными потоками, они вращаются то медленно, то с такой бешеной скоростью, что от мелькания их в прозрачном горном воздухе над домиком метеостанции непрестанно дрожит серебристый нимб. Сила ветра, преобразованная в электроэнергию, питает аккумуляторы, радиостанцию и освещает тесные комнатки метеорологов. Каждое утро в девять часов радист Василий Павлович Сидоров нажимает на ключ, и в эфир врывается настойчивый писк морзянки:

— Говорит Бостал.

К позывным Сидорова прислушиваются радисты Ардабая, Баян-Аула, Карасюра. Метеостанция Бостал, расположенная на восточных склонах хребта Еремень-Тау, регулярно сообщает условия погоды штабам отгонного животноводства в окрестных районах.

Слово «штабы» в применении к скоту может показаться неуместным, но как иначе назвать органы, руководящие выпасом десятков тысяч лошадей, коров, овец... Табуны и отары круглый год кочуют по степи и склонам гор. Колхозы Акмолинской и Павлодарской областей Казахстана, дающие стране много молока и мяса, кожи и шерсти, должны постоянно быть в курсе всех изменений погоды.

«В ближайшие дни ожидаются дожди»,— сообщает метеостанция. Значит, нужно отложить намеченную по плану стрижку овец. Если ожидаются сильные ветры, чабанам предлагается держать стада неподалеку от баз. В столицу республики Алма-Ату с метеостанции передают сводки о состоянии трав на горных пастбищах, уровне воды в горных речках и об условиях выпаса скота.

За всем этим наблюдают сотрудники метеостанции. Кроме В. П. Сидорова и его помощницы Л. П. Лаптевой, в маленьком домике живет семья метеорологов Ильинских. Начальник метеостанции Иван Яковлевич Ильинский более четверти века ведет наблюдение за атмосферой. Сын его Николай Иванович — гидролог. Жена сына Прасковья Андреевна — агрометеонаблюдатель. Третий год трудится этот небольшой дружный коллектив в пустынных горах Еремень-Тау.

С. МЕСЯЦЕВ

В семье Ильиных все любят заниматься садоводством.

Сады города Горького

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото Н. Капелюша.

Садовое кольцо смыкается вокруг индустриального Горького. В весеннюю пору, подлетая на самолете, видишь огромный волжский город окаймленным белой пеной цветочного прибоя. В разгар лета синий дым поднимается с окраин города: тысячи бабушек, колдуя вокруг медных тазов, готовят усладу семейных чаепитий — домашнее варенье. Осенью ароматом аниса, шафрана, антоновки наполняются заволжские и заокские ветры, приносившие прежде лишь запахи степного и лугового разнотравья.

В часы, когда кончается работа в учреждениях или смена на заводах, город Горький являет картину массового центробежного движения: на трамваях и автобусах, пешком и на собственных машинах люди устремляются от центра к окраинам, где на землях, еще недавно пустовавших, разбиты сады.

Более четырех с половиной тысяч садов вырастили горьковчане за последние шесть лет. Каждый из садов занимает площадь всего в 500—600 квадратных метров. Это сад одной семьи. Но когда сотни семей объединены в коллектив, в садовое товарищество, то их общие владения лежат сплошным многогектарным зеленым массивом, где границы между участками можно отыскать лишь по особым приметам.

Пять соток — невелика площадь. Но если каждое дерево, каждый куст выпестован твоими руками в часы вечернего отдыха и в воскресные дни, сад не кажется тебе малым.

Первый коллективный сад горьковчане разбили в 1947 году. Шесть лет назад городские жители еще только ровняли землю, а теперь здесь пышно цветут и щедро плодоносят деревья самого старого в городе садового товарищества «Заветы Мичурина».

Среди пятисот его членов есть и токари, и врачи, и бухгалтеры, и педагоги. Товарищество это смешанное: оно объединяет рабочих и служащих различных предприятий и учреждений города. Но есть сады, целиком принадлежащие коллективу одного завода, института или учреждения. Сорок семь товариществ города взрастили вокруг Горького около 300 гектаров. Самый обширный массив у автозаводцев — 70 гектаров.

Вот она открывается взору, панорама коллективного сада. Небольшие дачные домики то почти скрываются в кущах деревьев, то высятся над молодыми саженцами. В Горьком их называют павильонами. Одна — две комнаты, веранда, мансарда с балкончиком — вот небольшое владение дачника и его семьи, находящих «и стол и дом» под сенью кустов и деревьев своего сада.

Сегодня субботний вечер, и вся семья мастера цеха опытных конструкций автозавода Михаила Филипповича Ильина выехала на свою дачу. У Ильиных все любят заниматься садом: и старшая дочь, Олимпиада, конструктор автозавода, и младшая, Фаина, лаборант биологического кабинета средней школы. Фаина окончила сельскохозяйственный техникум, однако отец часто вступает с ней в агрономические споры: в вопросах садоводства Михаил Филиппович считает себя более компетентным. Ильины живут в городке автозавода, но Михаил Филиппович почти каждый вечер совершает трехкилометровую прогулку в полюбившийся сад. Отпуск Михаил Филиппович, как и многие другие садоводы, проводит на своем участке.

В садах автозаводцев есть улицы литейщиков, кузнецов, токарей, сборщиков с главного конвейера — здесь разместились по цеховому признаку. В литейном цехе серого чугуна работают вагранщик Иван Иосифович Чернов, начальник участка Федор Никитович Киселев, мастер Дмитрий Тимофеевич Махров. Они только что обошли соседние участки, установили, что лучшие виды на урожай у Киселева.

— Сто килограммов планирую сварить варенья высших марок, а у тебя и пятидесяти не будет. Отстаешь, Дмитрий,— сказал на меже двух участков Киселев.

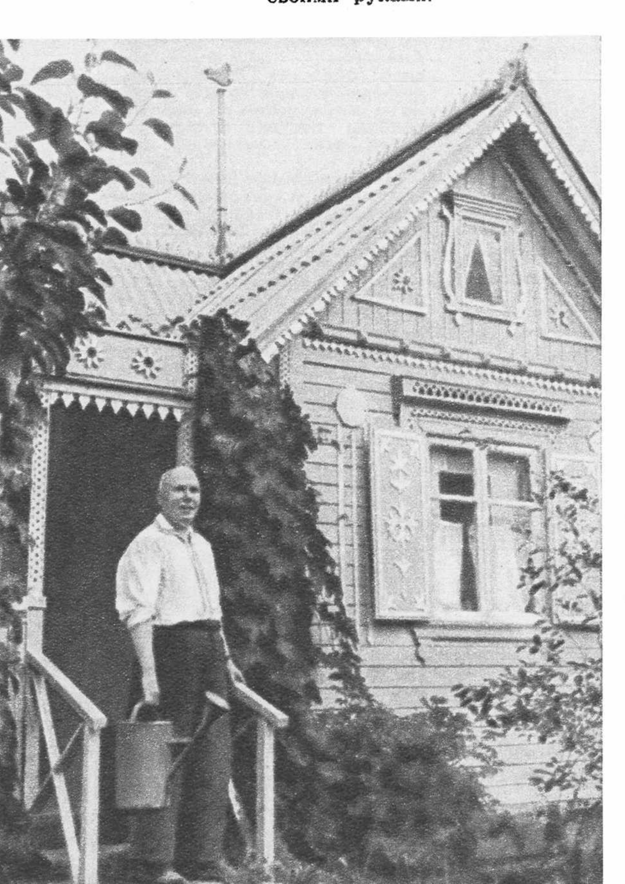
Все делать своими руками — таков принцип горьковских садоводов. Вот один из домиков, где все, вплоть до петушка на флюгере,— дело рук его владельца, Михаила Игнатьевича Декабруна. В свое время он был главным инженером строительства Сталинградского тракторного завода, первой очереди Горьковского автозавода имени Молотова, строил бумажный комбинат в Балахне и текстильные фабрики в Иванове. На седьмом десятке жизни знатный строитель занят педагогической работой. Михаил Игнатьевич — профессор политехнического института. Дача — последний «объект», который занесен в титульный список выстроенных им зданий.

Акклиматизацией южных садовых растений, переделкой их природы по Мичурину занимаются многие горьковчане. Главный бухгалтер торфотреста Иван Петрович Дубенко ведет опыты по акклиматизации абрикосового и персикового деревьев, японской айвы, винограда. Но больше всего Иван Петрович и его жена Надежда Георгиевна увлекаются пчеловодством. В их саду три улья. Не только медосбор интересует супругов Дубенко — пчелы способствуют опылению сада.

...Труд в саду приносит полновесные плоды. Одна из бабушек, Софья Васильевна Колчина, занята варкой варенья. Миша, ее внук, занят «пенкоснимательством».

Неподалеку мы застали за чаепитием большую семью токаря Ивана Арефьевича Кадеева. В семье и рабочие, и врачи, и педагоги — все они умеют ценить эти часы досуга.

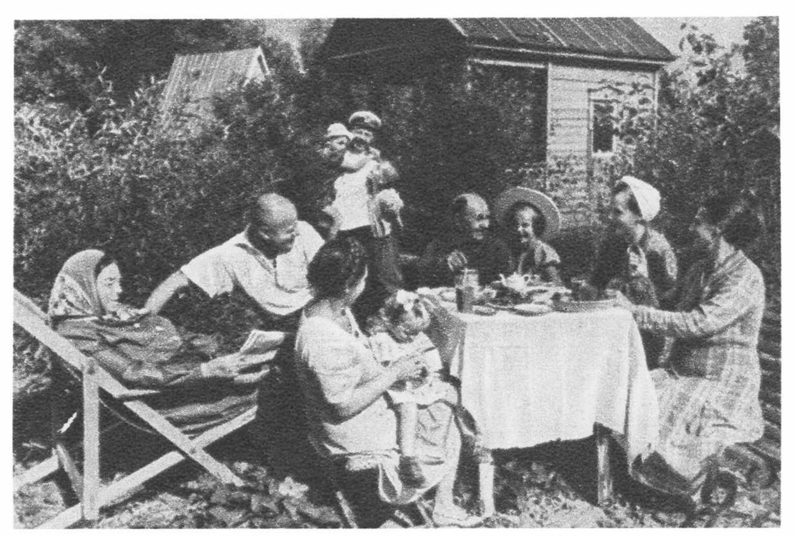
Массовое коллективное садоводство — новое явление последних лет. В маленьком будничном этом факте советской нови видны коренные свойства советского человека — его стремление сделать краше родную землю и жизнь на этой земле.

Михаил Игнатьевич Декабрун все выстроил своими руками.

Софья Васильевна Колчина и ее внук Миша за важным занятием...

Чаепитие в семье токаря Ивана Арефьевича Кадеева.

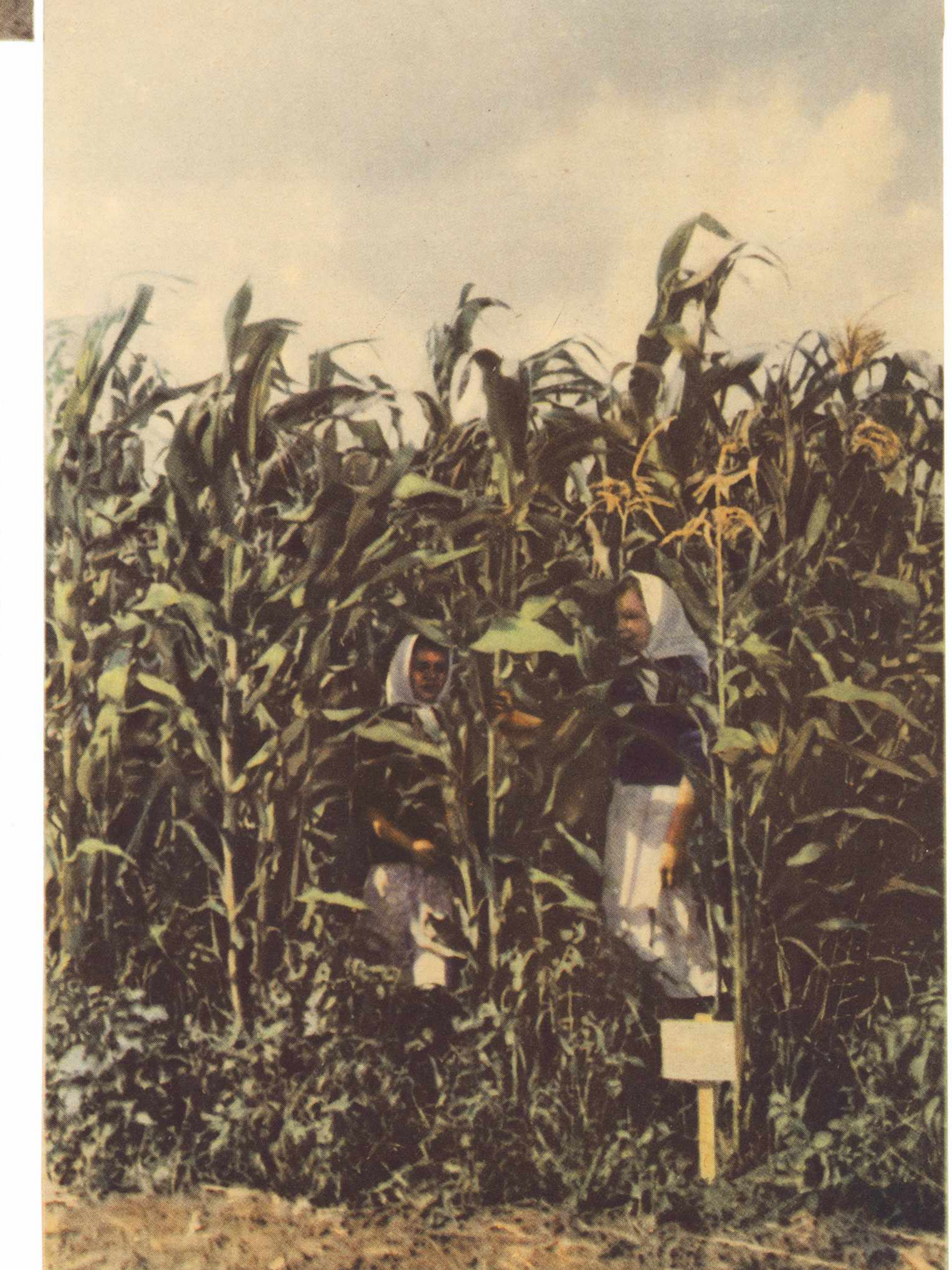
Кукуруза в Подмосковье

Фото К. Владимирова.

Может показаться, что перед нами поле, занятое кукурузой, где-нибудь на юге. А это — поле подмосковного совхоза «Горки-2» в Кунцевском районе.

Стремясь как можно лучше разрешить кормовую проблему, значительно повысить удои молока, совхоз посадил 4 гектара перспективным сортом кукурузы «Партизанка», выведенным на Украине М. Озерным. Агроном совхоза Полина Николаевна Колосова говорит, что кукуруза, посаженная квадратно-гнездовым способом, дает богатый урожай — до 80—90 тонн питательнейшей силосной массы с гектара.

Скептики утверждали, что под Москвой южанке-кукурузе не расти, а практика доказала, что советским людям под силу решать еще более смелые задачи в любой области сельскохозяйственной науки и практики.

Бывший дворец одного из последних хивинских властителей. Теперь в нем помещается Музей революционной борьбы и истории.

Минарет и купола старой мечети. Это архитектурный памятник старины в Хиве (Узбекистан).

Фото Б. Кузьмина.

Вид в районе добычи олова в провинции Гуанси.

В краю героев

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**

Рисунки китайского художника Сюй Бэй-хуна (Жю Пэона).

II

Мы сели на катер и помчались вдоль берегов, покрытых бамбуковыми зарослями, мимо островов, на которых возвышались древние сторожевые башни, построенные тысячи лет тому назад для борьбы с морскими пиратами. Эти башни в не столь давние времена служили складами для опиума, который привозили сюда на американских и английских судах люди, еще более жестокие, чем морские пираты. И приходили они сюда, пользуясь морскими картами тех военных кораблей, которые били из своих пушек по городу в дни Кантонской коммуны.

Могучая река несла на себе десятки тысяч джонок, которые везли строительный камень, рис, золотистый арахис, прессованные бобовые выжимки для удобрений, гигантские кипы хлопка, тюки сахарного тростника, горы фруктов и овощей.

После истории с Шэнь Хун-хуа я решил не оставлять ни одного человека без расспросов, чтобы снова не попасть впросак. Извинившись, я попросил Яо Хуа, если он не считает это нескромным с моей стороны, рассказать, при каких обстоятельствах он получил этот страшный рубец на своем лице.

Яо Хуа, улыбаясь своей доброй улыбкой, сказал, что если его слова не будут мешать мне любоваться рекой, то он готов объяснить, как это с ним случилось.

— Это было в первые месяцы после освобождения,—начал он.— Профсоюзная организация поручила мне поднять рыбаков на борьбу с бандитами, которых наши разгромленные и изгнанные враги стали забрасывать с моря.

На рыбацкой джонке я выехал в море. Экипаж ее состоял из восьми человек. Капитаном джонки был старик Чжоу Бин. Я знал, что он арендовал ее у помещика Чи. Чжоу Бин страдал болезнью людей, постоянно живущих на воде. Суставы у него были распухшие и толстые, а все тело — худое и высохшее. Последние годы Чжоу Бин ни разу не выходил на берег, так как не мог ходить по земле, как ходят все люди. Но по джонке он передвигался с необыкновенным проворством и цепкостью, словно морской паук...

У себя на груди Чжоу Бин носил в мешочке из рыбьего пузыря древний компас. Но он почти никогда не вынимал его из мешочка. Он так хорошо знал море, что многие рыбаки считали его не то колдуном, не то святым. Он и в самом деле иногда предсказывал события... Гоминдановский полицейский застрелил в день Первого мая рыбака за то, что тот вывесил на мачте свою головную красную косынку. И вот Чжоу Бин велел передать полицейскому, что он видел его во сне и что у полицейского изо рта торчал морской еж, а из живота — острога, которой бьют акул... Спустя несколько дней труп полицейского нашли в канале, и все было так, как предсказал Чжоу Бин.

Не так легко было сейчас уговорить Чжоу Бина войти в ряды рыбацкого ополчения. Оказывается, он стал владельцем джонки, за которую выплатил помещику ее стоимость в течение двадцати лет. Чжоу Бин лежал животом на румпеле и, сощурив умные и хитрые глаза, слушал, как я агитировал его. Когда мои слова иссякли, он сказал: «Я никогда не был трусом. Но когда я почувствовал, что эта посудина стала моей собственностью, я стал трусом. Я не хочу рисковать джонкой и драться с бандитами, у которых есть зажигательные гранаты,— им ничего не стоит спалить ее».

Я был очень взволнован его словами и резко заявил, что он становится классово чуждым человеком.

На вторые сутки, когда мы уже шли обратным курсом, нас нагнали две моторные джонки. По оснастке их, по лицам людей, которые стояли на палубах, я понял, что это враги. Нам не удалось уйти от преследования. Джонки подошли и стали борт о борт. К нам перепрыгнули вооруженные люди.

Враги обыскали джонку, изрезали ножами паруса, сломали весла. Так как я не походил на рыбака и по моим черным рукам и

Портрет руководителя ирригационных работ в провинции Шаньдун Чжан Цзиня, удостоенного звания образцового работника.

замасленной куртке они догадались, что я рабочий, меня одного забрали на вражеское судно.

Ночь я простоял, привязанный к мачте. Утром мне стали через воронку наливать в рот морскую воду, а потом били по вздувшемуся животу мокрыми веревками.

Окончание. См. «Огонек» № 36.

Мне казалось, что от ударов у меня лопаются кишки. Но я молчал, как полагается молчать перед врагами родины представителю рабочих.

Наконец им надоело возиться со мной, и они бросили меня за борт, привязав веревку к ноге. Через некоторое время я увидел плавник акулы, следующей за джонкой. Я был неплохим пловцом, но, измученный пытками, да еще привязанный веревкой к джонке, что я мог сделать?

Столпившиеся на корме враги с увлечением следили, как акула атакует меня. Но в последнюю минуту, когда я уже не мог увернуться от ее пасти, один из матросов бросил гарпун, который вонзился в акулу, но при этом рассек лицо мне. Меня вытащили на палубу, и я лежал, истекая кровью, и думал о том, как я ошибся в Чжоу Бине. Меня невыносимо мучила мысль, что враги скоро высадятся на наш берег и будут убивать людей, а я ничем не смогу предотвратить убийство.

От тяжелой раны я впал в беспамятство и очнулся, услышав выстрелы. Когда я открыл глаза, то увидел, что сотни рыбачьих лодок приближаются к нам в строгом порядке, как солдаты, которые атакуют врага. Я не могу сказать, сколько длился этот бой наших рыбаков с бандитами, снабженными американскими автоматами и пулеметами. Полностью сознание вернулось ко мне в больнице, куда меня доставили рыбаки, перевязав мои раны тряпками, обильно смоченными целебным жиром рыбьей печени.

Только много дней спустя я узнал о том, что сделал Чжоу Бин, которого я так поспешно назвал классово чуждым человеком.

Враги изрезали паруса на его джонке и поломали весла. Когда бандиты ушли, Чжоу Бин решил зажечь на палубе сигнальный огонь, чтобы привлечь внимание рыбаков. Сначала он сжег палубное перекрытие, потом мачты и паруса, потом приказал ломать и бросать в огонь бортовые доски. Словом, когда рыбаки подходили к сигнальному огню, от джонки Чжоу Бина уже мало что осталось.

Во время боя с врагами он метал в них гарпуны с такой меткостью и силой, что сейчас я не сомневаюсь, от чьей руки получил возмездие гоминдановский полицейский, убивший рыбака в день Первого мая.

Выйдя из больницы, я решил навестить Чжоу Бина и поблагодарить его за самоотверженность. Но когда я отыскал в порту отремонтированную джонку Чжоу Бина, меня не пустил на нее здоровенный молодой рыбак. Он сказал, что на джонке идет совещание начальников рыбачьих патрулей и он не имеет права никого пускать туда.

Впоследствии я узнал, что Чжоу Бин пытался получить страховую премию, заявив в страховом обществе, что на джонке у него тогда случился просто пожар. Я думаю, он не заслуживает большого осуждения за такой поступок. Ведь он не знал, что союз портовых рабочих возьмет на себя все расходы по ремонту его лодки...

Так окончил Яо Хуа свой рассказ о происхождении шрама, пересекавшего его лицо.

Наш катер круто свернул к берегу. Тинистое болото опоясывало на огромном пространстве всю прибрежную полосу.

В коричневой воде плавали яркозеленые листья лотосов и шевелились бледные и дряблые, длинные, как лианы, водоросли. На этом болоте я увидал людей, каким-то чудом державшихся на его поверхности. И только когда катер подошел ближе, я понял причину этого чуда. Люди шагали по болоту, надев на ноги, как лыжи, плоские, широкие, продолговатые корзинки.

Река выносит в океан миллионы тонн почвы. Густо растворенная в воде, почва оседает в мелководье и создает бесконечные илистые отмели, болотные пустыни. Эти болота кишат пресмыкающимися и выделяют ядовитые испарения гниющих водорослей. Во время летних тайфунов, когда рычащие потоки плотного воздуха врываются внезапно с океана на материк, сгибая долговязые пальмы в дугу, тяжелые ливни обрушиваются на землю с такой силой, что кажется, это вздыбленные воды океана, брошенные сюда ураганом, низвергаются на сушу. И воды реки, затопляя все вокруг, идут вспять. Подгоняемая ураганом вода уносит даже трехмачтовые тяжелые джонки в пустыни прибрежных болот.

Потом, когда тайфун, так же внезапно, как начался, стихает, сотни лодок, заброшенные в болота за многие десятки километров от реки, снова вобравшей в себя свои воды, остаются посреди черной, бездонной, илистой хляби.

К катеру подошел легкий сампан, и с него к нам на борт вскочил полуголый мускулистый человек, весь забрызганный болотной тиной. Я с трудом узнал в нем долгожданного товарища Ли И.

Озорно улыбаясь, Ли И сказал:

— Здесь совершено нами первое нападение на природу! Правда, не так скоро, но здесь будут расти апельсиновые и лимонные деревья. А пока мы провели сев бамбука. Бамбуковые леса — это первый шаг к осушению. Они заработают, как миллионы насосов, укрепят корнями почву, дадут народному хозяйству древесину. А потом мы пророем каналы, построим дамбы. И не по огням маяков, а по запаху цветущих деревьев моряки будут узнавать, что они находятся вблизи новой китайской провинции!

И так радостно, так задорно говорил Ли И, что я, невольно увлекаясь, в тон ему сказал:

— В старину смелые люди открывали новые земли, а теперь они создают их из растворенной в воде пыли.

Скрывшись в каюте и появившись потом в обычной своей одежде, Ли И сел в привинченное к палубе кресло и сказал мне, озабоченно рассматривая какие-то бумаги в своем портфеле:

— Вы знаете о том, что партия решила дать жителям плавучих селений землю. Тысячи семей уже стали крестьянами, получили наделы. Тысячи людей мы устроили работать на различные предприятия, и там они получили новые жилища. Но еще много людей живут на воде. Я хочу, чтобы вы познакомились с их жизнью...

И вот мы пришвартовались к плавучей армаде лодок и отправились в путешествие по их палубам. Это не было простое скопище лодок, случайно притулившихся друг к другу. Они были выстроены в шеренги улиц, кварталов. На каждом судне имелся номер, как на доме. Благодаря этой недавно проведенной планировке жители плавучих селений впервые в жизни обрели свои почтовые адреса.

Мы заходили в плавучий клуб, поликлинику, детские ясли, в плавучие школы и плавучий районный совет. Мы проходили по палубам джонок, где под навесами из бамбуковых циновок работали у старинных станков ткачи. У наковален, поставленных на пеньки от спиленных мачт, мы видели кузнецов, у горнов — мастеров художественной эмали, у гончарных кругов — творцов тончайшей посуды. Мы видели медников и жестянщиков, слесарей и прядильщиков шелка, изумительных мастеров художественных изделий из кости, бамбука, лака, бумаги, соломы. Все эти люди владели каким-нибудь ремеслом и занимались им из поколения в поколение. Столетиями их, не имевших земли, не пускали на землю.

Народная власть изменила жизнь этих «земноводных» людей. Ремесленники объединились в кооперативы. Они теперь работали на себя, и новая жизнь их родины полновластно вторглась сюда.

На джонке, где жила семья Гао, нас пригласили отдохнуть и поесть. Ли И был старым приятелем Гао. Пока хозяин готовил на жаровне ужин, Ли И успел мне коротко рассказать о нем.

Во времена гоминдановцев Гао ходил в море за жемчугом. Как-то ему посчастливилось, и он нашел несколько очень ценных розовых жемчужин. На деньги, вырученные от продажи, можно было купить джонку. Но Гао добрался до Макао и там купил старый ручной пулемет. С этим пулеметом он всей семьей партизанил в горах, нападая на патрули и обозы гоминдановцев.

Потом, когда Народно-Освободительная армия пришла в Кантон, Гао вернулся на свою джонку. Он не считал нужным никому рассказывать о своих подвигах.

Но все-таки ему пришлось рассказать о них после того, как он явился в районный совет и потребовал, чтобы его отправили в Корею помогать корейскому народу сражаться против агрессоров. Председатель районного совета вынужден был отклонить просьбу Гао в силу его слишком почтенного возраста. И тогда Гао показал всем выжженный на его плече рубец. Это был след одного боя с гоминдановцами: сын Гао, ведя огонь по врагу, положил для упора ствол пулемета на плечо отца. И Гао держал на своем плече раскалившийся ствол до тех пор, пока враг не был отбит.

Он рассказал также о том, как сына его поймали враги. Палач сдирал кожу со лба сына. Гао, лежа на крыше фанзы с пулеметом, видел это, но он не открывал огня до тех пор, пока не был дан сигнал командиром партизанского отряда к общему штурму деревни, где укрепились враги.

И вот, сидя сейчас в джонке под коричневым тростниковым навесом, я расспрашиваю Гао о его дальнейших планах на жизнь.

И Гао, улыбаясь всеми коричневыми морщинами своего лица, говорит мне:

— Много, много лет тому назад в Кантоне в самый холодный зимний месяц выпал снег. Люди не знали, что это такое — снег, и стали собирать его, думая, что это небо послало беднякам небесный хлопок, из которого можно сделать одежду. Тысячи полуголых людей собирали этот небесный хлопок, думая, что небо подарило им спасение от холода, и многие из них замерзали на улицах.

Тысячи лет китайские крестьяне засевали землю, не жалея сил. И после каждого урожая думали, что вот наступил день счастья, и благодарили небо. Но приходили помещик, чиновник, полицейский, солдат — и от урожая ничего не оставалось, как от кучки снега. И люди умирали от голода.

Много кантонцев погибло в освободительной борьбе, погиб и мой сын, но они сражались за то, чтобы больше никогда плоды труда человека не обращались для него в кучу снега.

Товарищ Ли И хочет, чтобы я оставил свой старый станок и пошел работать на новую ткацкую фабрику. И я пойду туда потому, что народная власть хочет только одного: чтобы каждому человеку жилось лучше. Значит, скоро я буду жить еще лучше.

И Гао поднял над головой крохотную глиняную чашечку с вином и сказал:

— Пусть исполнится все то в нашей стране, что исполнилось в вашей великой стране!

Сиреневые горячие сумерки сгущались над рекой. Гао зажег фонарь и поставил его на стол.

На корме, возле бамбуковой клетки, где шипела облезлая выдра, дрессированная для ловли рыбы, маленький внук Гао, в коротеньких, разрезанных сзади штанишках, с привязанной к спине сушеной тыквой — на случай, если свалится за борт,— крошил ножом на деревянной дощечке корм для выдры, и лицо его было сурово и озабоченно.

Огромная река несла свои могучие воды к океану, мерно колебля кварталы и улицы плавучего селения.

Когда я встал и стал прощаться с Гао, из темноты появился его внук. С тем же насупленным и суровым выражением на круглом личике он стал настойчиво совать мне в руки конец мокрой веревки. Я взял веревку и потянул ее; к моим ногам с шипением подползла выдра, похожая на черную саламандру.

— Он дарит вам ее,— сказал Гао.— Он просит вам передать, что ему стыдно за столь скромный подарок для человека из страны, которую так сильно любит весь китайский народ.

Мне стоило большого труда уговорить юного Гао подарить мне вместо выдры сушеную тыкву...

Вернувшись в город, я договорился с Ли И встретиться для беседы на следующий день. Но наша беседа с ним так и не состоялась. Он повел меня на строительство нового рабочего поселка и показывал котлованы, леса, склады стройматериалов. Вконец изнуренный от зноя, я вернулся в гостиницу и вечером уехал из Кантона, терзаемый мыслью о том, что так и не собрал материала, чтобы обстоятельно написать об этом замечательном человеке, деятеле нового Китая.

Кантон.

Страницы героической жизни

8 сентября народ Чехословакии отдал дань глубокого уважения памяти чешского писателя-коммуниста, пламенного патриота Юлиуса Фучика, казненного гитлеровцами десять лет тому назад. Печатаемые ниже заметки, составленные по воспоминаниям друзей Фучика, раскрывают одну из страниц его героической жизни.

После установления фашистской диктатуры в Германии в 1933 году чехословацкая буржуазия начала проводить в жизнь политику, известную под фальшивым названием «демократия сильной руки». Реакция стремилась и в Чехословакии загнать в подполье революционную рабочую партию, как это сделал у себя Гитлер. Полицейские органы масариковской республики запретили в те времена 38 революционных рабочих газет и журналов. В их числе были и газета «Руде право» и журнал «Творба» — органы, где постоянно сотрудничал Юлиус Фучик.

После долгих проволочек было разрешено издание нового органа — «Алло-новины». Редактором его был Юлиус Фучик. Но это было известно только товарищам по коммунистической партии. Для читателей в ходу были псевдонимы Иозеф Павел, Карел Войян и другие. Для всех же прочих он был доктор Мареш.

Юлиусу Фучику угрожал тогда арест, и жил он на нелегальном положении. С товарищами и сотрудниками он обыкновенно встречался в пражском кафе «Роксы» на Длоугой улице. Посреди зала стоял биллиард: целыми днями посетители гоняли шары. Сотрудник Фучика по газете «Руде право» Иозеф Рыбак вспоминает:

«Трижды или четырежды в неделю нас ожидал, сидя за мраморным столиком у окна, пан доктор Мареш. Иногда случалось, что мы приходили, когда его еще не было. Тогда официанты приветливо говорили нам:

— Извольте присесть, господа. Пан доктор Мареш наверняка придет с минуты на минуту...

Через некоторое время он действительно приходил. Мы не успевали допить кофе, как в дверях появлялся мужчина неприметной наружности. Конечно, от нас он разительно отличался своей внешностью: у него был вид солидного чиновника какого-нибудь банка. Ни следа в нем не оставалось от той неприхотливости в одежде, которая отличала нас, сотрудников газеты «Руде право». Пан доктор Мареш приходил всегда в аккуратно отутюженном костюме, с тщательно повязанным галстуком, всегда чисто выбритый, с усиками под носом и прилизанным пробором. Его живые глаза смеялись под роговыми очками. Иногда в петлице у него торчал цветок, что делало его совсем франтом.

Но, как правило, мы приходили тогда, когда пан доктор Мареш уже ожидал нас, погрузившись в чтение свежих газет или какой-нибудь книги. Иногда он что-то густо писал на четвертушках бумаги.

— Пан доктор, не хотите ли партию в биллиард? — окликали его в нашем присутствии ресторанные завсегдатаи.

Пан доктор Мареш улыбался, захлопывал книжку или откладывал газету, смотрел на нас и, словно провинившийся, пожимал плечами. Потом мы наблюдали, как ловко орудует он кием,— в нем скрывался недюжинный игрок. Он как-то особенно вкусно проделывал все эти приемы игроков в биллиард: умел, например, с неповторимым изяществом натирать мелом кончик кия или с ухватками знатока выбирать себе кий по вкусу. А сколько спокойствия было в его игре!

Потом, исполнив этот небольшой долг, он подсаживался к нам, и мы долго обсуждали политические события и рассказывали ему обо всем, что он должен был знать».

Юлиус Фучик страстно ненавидел ложь буржуазной печати, воспитывающую в людях равнодушие, пассивность, и предостерегал против недооценки этой лжи. На своем опыте журналиста-борца Фучик не раз убеждался в том, что не так-то легко донести до людей правду: не говоря уже о рогатках буржуазного законодательства, о преследованиях полиции, эта правда натыкалась на множество препятствий в самих людях, потому что это была трудная правда.

Коммунистическая печать не успокаивала слабых. Она открывала глаза, учила заглядывать в завтрашний день, действовать, бороться.

Юлиус Фучик умел бороться с ложью буржуазной печати. В 1937 году он выступает в газете «Руде право» с разоблачением бульварной чехословацкой газеты «А-Зет».

Фучик публикует рядом две фотографии. Одна из них — перепечатка из «А-Зет», под которой в этой газете от 11 февраля 1937 года была сделана следующая подпись:

«Чехословак Карл Минаржик, жертва коммунистов, умер на мостовой у дверей одной испанской больницы, где никто не внял его последней просьбе».

Другая фотография — перепечатка из официальных материалов мадридского министерства иностранных дел. На ней — труп молодого матроса, погибшего при фашистской авиабомбежке города Картахены.

Обе фотографии, как доказал Фучик, были совершенно одинаковы. Фальшивка была разоблачена. Фучик раскрыл гнусный «рецепт» подобных фальшивок, кстати сказать, широко применяемый буржуазными газетами и в наши дни,— достаточно вспомнить антисоветский подлог с фотовставкой, состряпанный христианскими демократами в Италии накануне выборов в парламент.

Разоблачая фальшивки, Фучик писал:

«Этот документ мы публикуем не только для того, чтобы нанести клевете «А-Зета» последний удар, но прежде всего для того, чтоб поднять общественность Чехословакии против всех обманщиков и лжецов, которые ежедневно своими бесстыдными вымыслами пытаются разложить и ослабить фронт решительной борьбы против фашизма».

Борьбу против лжи и клеветы буржуазной и социал-фашистской печати Фучик расценивал прежде всего как борьбу за мир. Он посвящал ей все силы, всю свою огромнейшую энергию.

«Правда победит,— говорил Юлиус Фучик,— но необходимо ей решительно помогать!»

Н. НИКОЛАЕВА

Юлиус Фучик в 1934 году.

Юлиус Фучик — доктор Мареш.

Валентина Большинская за работой.

Фото А. Гостева.

Укрепляя Родину, укрепляешь мир

С каждым днем все шире развертывается движение за мирные переговоры, начатое по призыву Всемирного Совета Мира.

На митингах, которые проходят по всей стране, советские люди одобряют решения Будапештской сессии Всемирного Совета Мира, а также решения пленума Советского комитета защиты мира, подтверждают свою готовность поддержать их практическими делами.

Митинги, посвящённые борьбе за мир, состоялись на прошлой неделе на многих московских заводах и фабриках, в том числе на кожевенно-обувном комбинате. Это не совсем обычное предприятие: около тысячи студентов обучается и работает в его лабораториях, кабинетах и цехах.

Митинг на комбинате прошел под лозунгом: укрепляя Родину, укрепляешь мир. Одной из первых выступает молодая заготовщица Валентина Большинская. Война помешала Валентине во-время закончить школу. Сейчас она работает и учится.

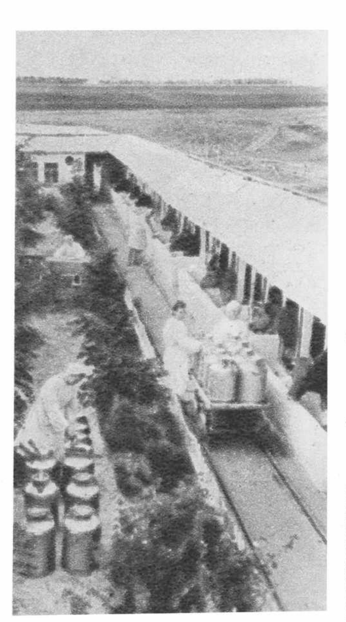
— Люди доброй воли всех стран,— говорит молодая работница,— от всей души поддерживают Декларацию Всемирного Совета Мира. Что касается нас, советских людей, то наша линия ясна, мы знаем, что надо делать! Мы будем помогать своему правительству в его борьбе за мир, мы будем еще лучше и больше работать.

В тот же день Валентина Большинская выполнила почти две нормы и на следующий день столько же. Новые задачи, которые партия и правительство поставили перед легкой промышленностью, были восприняты всем коллективом комбината с большим удовлетворением.

— Мы можем давать больше обуви и лучшего качества, мы можем быстрее осваивать новые изящные модели обуви,— говорили на комбинате.

Валентина Большинская, как и ее подруги по конвейеру, как и весь коллектив, работает горячо, с сознанием, что труд на благо Родины — это вклад в дело борьбы за мир.

К. ЕФИМОВ

В передовом колхозе

Большую заботу о развитии животноводства проявляют в колхозе имени Сталина, Селидовского района, Сталинской области.

На фермах колхоза — триста племенных коров, свыше двух тысяч овец и свиней. Животным обеспечен хороший уход, обильные корма. На лето крупный рогатый скот был переведен в специальные помещения.

На снимке: летние помещения для коров.

Фото С. Гендельмана (ТАСС).

ЛУЧШЕ РАБОТАЕТСЯ,

С 1 сентября для учреждений и организаций союзного и республиканского значения, находящихся в городе Москве, начало работы установлено с 9 часов утра и окончание работы в 6 часов вечера с часовым перерывом на обед.

Новый режим рабочего дня улучшает деятельность государственного аппарата, делает его более четко работающим. Наряду с этим советские служащие получают достаточно времени для культурного и политического роста, могут больше внимания уделять семье, воспитанию детей.

Наш фотоочерк показывает новый режим рабочего дня в действии, так, как он складывается у многих служащих государственного аппарата.

→

Утро... Пора выходить из дому. Наташа прощается с отцом. С некоторым недоверием она переспрашивает его: «Неужели ты вечером придешь рано?..»

←

Два фотографических кадра слева сделаны около станции метро «Дворец Советов». Мы видим, как многолюдно на площади в 8 часов 45 минут и как выглядит эта площадь после 9 часов.

Обеденный перерыв в Министерстве здравоохранения РСФСР. Шестидесяти минут хватило на обед и тому, кто ходит в столовую, и тому, кто захватил еду из дому. Есть еще время подышать воздухом, посидеть на скамейке, обменяться новостями. Кое-кто даже успел сходить в магазин и вернуться на работу с полной сумкой. Явная выгода: вечером можно не думать о покупках.

Вестибюль Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР. Так же дружно, как пришли на работу, расходятся по домам служащие. Несколько непривычная картина: в 6 часов одновременно окончив работу, по лестнице спускаются, начальники главков, руководители отделов и машинистки...

Так же непривычно видеть здание министерства опустевшим спустя каких-нибудь двадцать пять минут.

↓

ЛУЧШЕ ЖИВЕТСЯ...

←

Говорят, что привычка — вторая натура. Один из работников, по старой памяти, задержался. Но товарищи не дают ему засидеться. «Пошли домой!» — поторапливают они его.

→

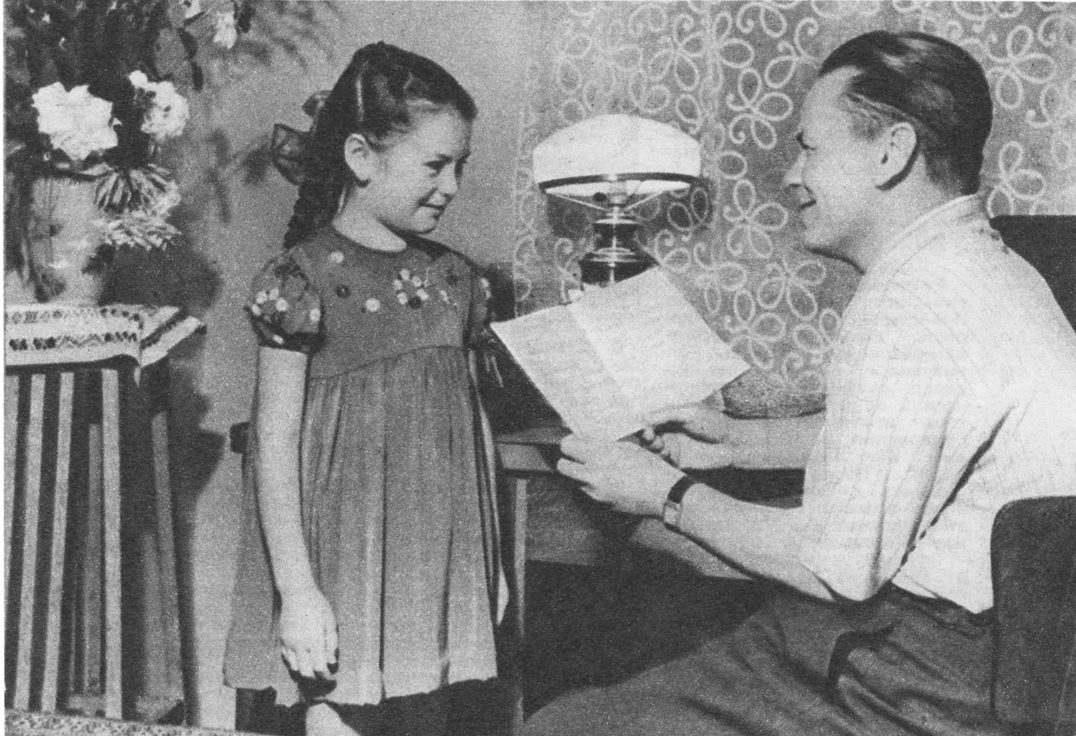

Теперь вполне достаточно времени, чтобы степенно, с толком постоять у прилавка, выбрать именно ту вещь, которая тебе по душе. Для этого не нужно ждать воскресенья.

→

Есть возможность попасть на семичасовой сеанс в кинотеатр.

Напрасно Наташа выражала недоверие. Отец не только рано вернулся с работы, но и занялся делом, на которое раньше у него не хватало времени. «Посмотрим, как ты подготовила свои уроки...» Судя по тому, как спокойно восприняла Наташа неожиданную «ревизию», у нее все в порядке.

Каждый использует свободный вечер по своему усмотрению. Пообедав и отдохнув, можно, например, посидеть над книгой в Доме инженера и техника имени Ф. Дзержинского.

←

Пол-одиннадцатого... Почему бы не послушать спокойно последние известия по радио у себя дома: никто не вызовет тебя на запоздалое совещание, никто не выразит удивления, что в такой «ранний» час ты сидишь в пижаме, в кругу семьи.

Мы спрашивали десятки людей, как им нравится новый режим рабочего дня.

— Лучше работается, лучше живется! — вот общее мнение.

Фото О. КНОРРИНГА,
Г. САНЬКО,
Е. ТИХАНОВА.

МАГАЗИНЫ, СТОЛОВЫЕ, РЕСТОРАНЫ

В городах Советского Союза значительно расширяются торговая сеть и сеть общественного питания. Начальник Главного управления капитального строительства Министерства внутренней и внешней торговли СССР С. Васильков рассказал корреспонденту «Огонька» о том, как осуществляются указания партии и правительства в этой области:

— Москва, Ленинград, столицы союзных республик, промышленные центры получат новые, превосходно оснащенные, вместительные торговые предприятия. В этих городах за первую половину нынешнего года прибавилось около 900 магазинов. К концу года эта цифра увеличится до 1 450. Помимо того откроется 900 столовых, ресторанов, кафе.

В ноябре в Москве вступит в эксплуатацию крупнейший в стране Государственный универсальный магазин, по своим размерам втрое превосходящий Центральный универмаг. В эти дни здесь идут отделочные работы, к участию в которых привлечены метростроевцы. Ассортимент товаров в магазине будет включать 30 тысяч наименований.

В высотном доме на площади Восстания создан огромный продовольственный универмаг — «Гастроном» № 15, в несколько раз больше известного «Гастронома» № 1 по улице Горького.

Мрамор, бронза, хрусталь, красное дерево, цветное стекло нашли широкое применение при меблировке и отделке нового магазина. Промышленность изготовила совершенные холодильники — от громадных, вмещающих тонны продуктов, до маленьких, предназначенных для одного продавца. На каждые 4—5 рабочих мест приходится подъемник, доставляющий к прилавку продукты со склада. Общая протяженность прилавков составляет несколько километров.

В ожидании открытия этого магазина 700 продавцов проходят специальную подготовку.

В первом этаже дома на площади Восстания в ближайшее время откроются парфюмерный и обувной магазины. В высотных зданиях на Котельнической набережной, Комсомольской площади и у Красных ворот также оборудуются магазины.

Если ГУМ будет самым крупным магазином промышленных товаров, а «Гастроном» № 15 — продовольственных, то новый ресторан в Останкинском парке — самым крупным в столице предприятием общественного питания. Расположенный вблизи Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, он сможет одновременно принять сотни посетителей. На его белоснежной, выстланной глазурованными плитками, напоминающей обширную лабораторию кухне блестят никелем десятки всевозможных механизмов. Богато, со вкусом оформлен обеденный зал.

В 1954 году в Москве приступят к строительству двух универмагов, по размерам приблизительно равных Центральному. Внутренняя планировка новых магазинов исключает встречные людские потоки. Покупателям не придется подниматься на верхние этажи по лестницам — их обслужат быстроходные лифты. Не будет тесно и продавцам: каждый из 300 сотрудников такого универмага получит в свое распоряжение прилавок длиною примерно в 3 метра.

Одновременно в столице начнется сооружение многоэтажного детского универмага.

Принято решение о постройке в Москве, на Хорошевском шоссе, монументального здания для Посылторга. 20 тысяч посылок в течение рабочего дня — такова пропускная способность этой торговой организации.

Советские архитекторы заняты сейчас разработкой проектов красивых и удобных торговых помещений. Инженеры и строители воплощают эти проекты в жизнь. Две цифры дают яркое представление об объеме предстоящей работы. Страна должна получить в ближайшие годы 22 тысячи новых магазинов и 11 тысяч столовых, кафе, ресторанов. Таково одно из проявлений заботы партии и правительства о благе советского человека.

Памятник сооружен пионерами

Ежегодно в Угодско-Заводском районе, Калужской области, располагается пионерский лагерь Метростроя. Наряду с обычными развлечениями ребята занимаются художественной обработкой камня. Под руководством Н. И. Тринюка здесь работает специальный кружок.

В прошлом году пионеры задумали своими силами построить памятник защитникам Родины, погибшим в декабре 1941 года в этом районе, близ деревни Алопово. После долгих поисков был найден огромный валун, послуживший пьедесталом для памятника. Все отдыхавшие в лагере по очереди шлифовали камень, пока не придали ему необходимую форму. Затем пионеры принялись за обработку глыбы известняка. С одной стороны они высекли фигуру коленопреклоненной пионерки с приспущенным знаменем и венком в руках. С другой стороны высечена фигура бойца, идущего в атаку.

В нынешнем году перед окончанием лагерного сезона состоялось торжественное открытие памятника, сооруженного детскими руками.

Фото Е. Умнова.

Дневник ОГОНЬКА

Киевские персики

Работы кандидата биологических наук Григория Павловича Рудковского хорошо известны мичуринцам-садоводам Украины. Он энтузиаст продвижения на север различных субтропических культур. Более полутора десятков лет назад Рудковский закладывал первый на Киевщине лимонарий. После войны, вернувшись с фронта, он занялся опытами в акклиматизационном саду Академии наук Украинской ССР.

Прошло несколько лет. В садах «Укрсадвинтреста» Киевской, Полтавской, Харьковской и других областей Украины, а также у колхозных садоводов-опытников появилась новая культура — нежные, теплолюбивые персики.

В массовое государственное сортоиспытание переданы десять сортов персика. Среди них такие, как «краса Киева», «слава Киева», «приднепровский», «оксамитовый», «полесский», «переможець». Эти сорта, дающие на третьем — четвертом году жизни обильный урожай, привлекают внимание садоводов отличным вкусом.

В акклиматизационном саду, которым заведует Г. П. Рудковский, сейчас насчитывается более 3 500 гибридных сеянцев персика.

В. ШУМОВ

Г. П. Рудковский у персика «краса Киева».
Фото Н. Козловского.

ТУРНИР ПРЕТЕНДЕНТОВ

Гроссмейстер Сало ФЛОР

Швейцария — маленькая, красивая страна. Всем известно, что она славится своими часами. Каждый знает и о швейцарском сыре. Куда менее Швейцария знаменита хорошими шахматистами. В стране нет ни одного гроссмейстера, и, может быть, поэтому, их чаще, чем в какое-нибудь другое место, приглашают сюда из разных стран. Так бывало в 1932 и 1934 годах, когда в Берне и Цюрихе состоялись большие международные турниры, в которых первое место занял А. Алехин. Ныне Швейцария снова стала ареной борьбы одного из самых значительных турниров в шахматной истории.

Еще недавно многие газеты писали, что Решевский отказался от участия в турнире. Но не впервые в истории шахматных турниров американский гроссмейстер в самый последний момент успевает удачными маневрами добиться хороших материальных условий. Подвезло Решевскому и на этот раз: нашелся меценат, — и за 8 дней до начала турнира в «Нейецюрихер цейтунг» появился заголовок, известивший о том, что «Решевский все же едет!» Но «едет» не то слово: Решевский должен был прилететь, иначе он бы опоздал на турнир. В шахматном мире могут быть довольны участием Решевского. Американский гроссмейстер неоднократно заявлял, что он сильнейший. Посмотрим, что произойдет за шахматной доской во время турнира.

Зал, где проходит турнир претендентов в Нейхаузене.

В Швейцарии всегда много туристов, но сейчас что-то их уж слишком много. Неужели все эти туристы приехали, чтобы присутствовать на шахматном турнире? О, нет! Не в турнире дело. Дело в том, что во Франции долго продолжалась забастовка и многие туристы вместо того, чтобы поехать во Францию, направились в Швейцарию. Именно поэтому во многих городах Швейцарии в эти дни довольно трудно получить номер в гостинице.

Турнир претендентов начался в Нейхаузене. Кто знал об этом городе до 29 августа? Город — это звучит несколько преувеличенно. В Нейхаузене всего 8 тысяч жителей. Городок лежит на германской границе, у прекрасного Рейнского водопада. И вот теперь в Нейхаузене трудно пройти несколько шагов, чтобы не наткнуться хотя бы на одного гроссмейстера, в крайнем случае на международного мастера. Если считать участников и секундантов, то сейчас в Нейхаузене собралось 20 гроссмейстеров. Это значит, что на каждые 400 жителей приходится один гроссмейстер!

Если еще 28 августа никто не знал, где искать на карте мира Нейхаузен, то с 30 августа Нейхаузен вызывает по телефону Москва, вызывают Нью-Йорк, Буэнос-Айрес и многие другие столицы и крупные города мира. Радость жителей Нейхаузена, особенно мэра города, описать трудно. Им есть чем гордиться: Нейхаузен в течение 14 дней будет в центре внимания всего шахматного мира (здесь будут сыграны первые 8 туров)!

Вместе с 9 советскими гроссмейстерами турнир претендентов собрал все, чем может похвастаться шахматный мир. Многие знатоки и многие газеты подчеркивают, что турнир претендентов будет борьбой между сильнейшими шахматистами СССР (за исключением М. Ботвинника) и лучшими силами остального мира. Кто победит? Все газеты высказывают предположение, что победу одержит один из советских шахматистов. После не очень удачного старта наших гроссмейстеров газеты пишут, что соревнование между советскими и иностранными шахматистами будет протекать в острой форме.

Шахматную партию можно проиграть по-всякому. Один из самых верных способов проиграть шахматную партию — недооценить противника. Так поступил Котов, играя с Эйве. Котов и затем во втором туре Геллер ошибочно полагали, что Эйве «обязан» проиграть потому, что ему 53 года. Оба наши гроссмейстера слишком азартно атаковали экс-чемпиона мира, недостаточно обоснованно пожертвовали некоторое количество шахматного материала. Но Эйве в своей многолетней практике сыграл около 100 партий с А. Алехиным и научился отбивать атаки. В последние годы он овладел и шахматной тактикой. Эйве находится в хорошей форме, и сильной контригрой он наказал Котова и Геллера за азартную игру. В третьем туре В. Смыслову удалось отомстить за своих товарищей и нанести Эйве первое поражение в этом турнире. Сыграно пока три тура. Три тура — лишь десятая часть крупнейшего «шахматного марафона». В этом турнире никогда не поздно догнать и перегнать!

Швейцария проявляет большой интерес к турниру. Зрителей много. Для Москвы 300 человек — совсем немного, но для Нейхаузена это — рекордное количество. Здесь все еще очень жарко. В зале, где проходит турнир, все окна открыты, гроссмейстеры во время игры сидят в летних рубашках. Но пока станет известно имя победителя, даже в Швейцарии наступит глубокая осень — конец октября! Пожелаем нашим гроссмейстерам хорошо выдержать это трудное умственное и физическое испытание! Мысль о том, что советские болельщики переживают за наших гроссмейстеров, придаст им бодрость и уверенность в победе.

Нейхаузен.

Новый гигант промышленного Минска

Минчане так привыкли к огромному размаху строительства, что, кажется, их уже не удивишь ни темпами, ни обилием техники, ни оригинальностью архитектурных форм. Однако стройка, которая развернулась недавно на южной окраине белорусской столицы, привлекает всеобщее внимание. Вместо привычных строительных лесов и кирпичных стен тут быстро возникают огромные, на высоких столбах, железобетонные раковины.

Здесь все на рельсах: и башенные краны и передвижная опалубка. Основные работы ведутся, когда опалубка стоит на месте: на ее выпуклой поверхности плетется из проволоки густая сетка, потом, когда уложенный тонким слоем бетон затвердевает, опалубка передвигается вперед, оставляя после себя очередную раковину, такую легкую и гладкую, что ее хочется сравнить с яичной скорлупой.

Нам довелось побывать на строительстве в то время, когда было сделано лишь несколько таких раковин. Всего же их будет сто девяносто две. Они составят корпус, который расположится на шести гектарах.

В этом здании разместится камвольный комбинат. Ежегодно он будет выпускать около девяти миллионов метров бостона, шевиота, коверкота, габардина, трико и других добротных тканей.

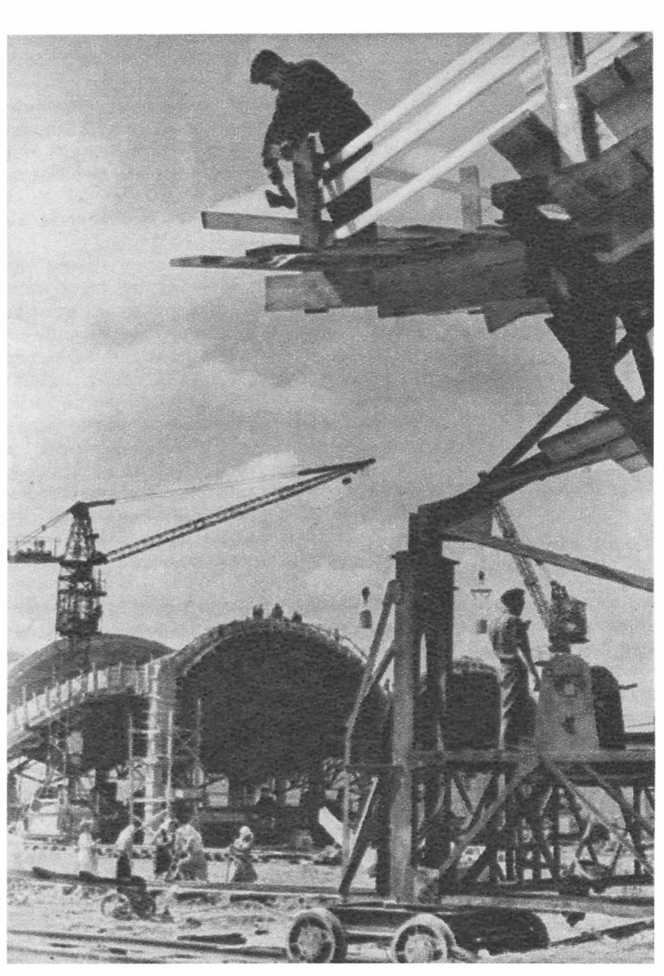
Новая конструкция промышленных сооружений удобна в строительстве благодаря большой экономии материалов, труда и времени, а также и в эксплуатации. Она позволит сосредоточить производство в одном сплошном, полном воздуха и света корпусе, даст возможность организовать непрерывные поточные линии, свести к минимуму внутренний транспорт.

С новых минских предприятий мощным потоком идут тракторы, автомобили, радиоприемники, мотоциклы, канавокопатели, станки. По окончании строительства комбината этот список пополнится отличными камвольными тканями.

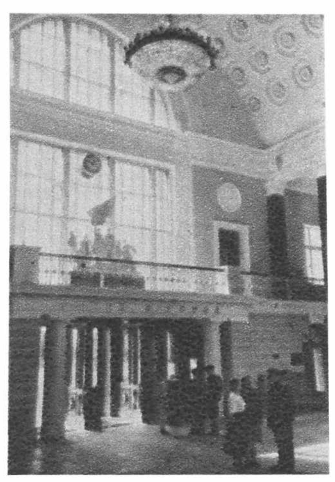
В. ПОНОМАРЕВ

На снимке справа: строительство Минского камвольного комбината.

Фото М. Савина.

ПОСТРОЕН ВОКЗАЛ В ВЫБОРГЕ

В центре темносерого здания, отделанного мраморной крошкой, застекленная арка, поддерживаемая двумя портиками с фронтонами. По обе стороны — высокие колонны. Таков внешний вид вновь отстроенного вокзала в Выборге.

Дубовые двери ведут в просторный вестибюль с широкой лестницей, связывающей между собой два этажа здания. Для пассажиров созданы удобства: два просторных зала, почта, телеграф, телефон, парикмахерская, ресторан. Оборудованы комнаты матери и ребенка.

Фото Я. Барского.

Пассажирский водометный катер

С силой выбрасывается водяная струя.

Фото С. Малобицкого.

Год назад судостроители Красноярской верфи Министерства лесной и бумажной промышленности СССР построили новое буксировочное судно: мелкосидящий водометный катер с движителем конструкции инженера М. Д. Хренникова.

Сейчас на Енисее появилась еще одна, более совершенная модель того же конструктора. Главное достоинство нового катера заключается в том, что, сохраняя свои буксировочные качества, он с успехом может быть использован и для перевозки пассажиров. На катере имеются удобные, хорошо отделанные каюты, в вечернее время здесь обилие электрического света, проведено паровое отопление, что имеет немалое значение в условиях Сибири.

На пассажирском водометном катере можно перевозить жителей отдаленных районов по мелководным сибирским рекам. Дело в том, что водометный катер системы Хренникова имеет малую осадку, а винт и рулевое управление установлены у него выше днища. Винт помещается внутри корпуса судна, в специальной трубе, переходящей в носовой части в четырехугольный канал, всасывающий воду и с силой выбрасывающий ее за корму. Этот непрерывный «толчок» и придает катеру силу движения, регулируемую числом оборотов винта.

Если на пути катера встречается мель, огромной силы водяная струя размывает грунт и углубляет дно. Стóит катеру пройти по одному и тому же месту несколько раз, как образуется канал глубиной до метра.

«Содружество» — так назвали новый катер конструктор, судостроители и эксплуатационники, создавшие в коллективном творческом труде пассажирское водометное судно.

А. ШЕВЕЛЕВ

Искусство цветоводов

На московской выставке цветов. Слева стоят М. Ф. Шаронова и В. И. Скворцов.

Фото Г. Санько.

Лиловые, сиреневые, белые, красные... Гладиолусы, георгины, бегонии, розы... Глаза разбегаются от обилия цветов, от неожиданных сочетаний красок на выставке в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Эта выставка организована Обществом содействия озеленению Москвы.

Вот стенд любителя-садовода Василия Ивановича Скворцова. Несколько десятков новых сортов гладиолусов вывел Василий Иванович всего за восемь лет. Каждый имеет свое название, на первый взгляд неожиданное. Вот, например, гладиолус, названный Василием Ивановичем «Запорожец за Дунаем». Окраска цветка яркая, броская, лилового тона.

Мария Федоровна Шаронова вывела более двухсот новых сортов георгинов. Их мы находим на стендах многих садоводов-коллекционеров.

Столько сортов у Шароновой, что не все они еще имеют названия, и Мария Федоровна просит посетителей выставки помочь ей. Красивый георгин темной окраски тут же получает имя: «Бодрая старушка».

— Это в честь Марии Федоровны, — поясняют нам, улыбаясь.

Шароновой за 70 лет, а она все еще трудится на своем небольшом участке, выводит все новые и новые сорта.

С любовью, тепло говорит о своих цветах Лидия Александровна Миронова. Она тоже вывела немало новых сортов георгинов. Лидия Александровна шефствует над районной больницей и школой, школьники — ее частые гости. Под ее руководством они научились опылять цветы, скоро и у них будут свои собственные сорта георгинов. Миронова ведет обширную переписку. Пишут ей садоводы и с Дальнего Востока и из Петрозаводска, а весной приезжают из близлежащих городов за клубнями.

Многие садоводы-любители, селекционеры и коллекционеры награждены дипломами.

Работы садоводов-любителей очень интересны. Но еще интересней и значительней то, что делают цветоводы фабрик и заводов, школ, больниц, домоуправлений. Их стенды выглядят скромно, здесь нет необыкновенных сортов, поражающих величиной или окраской. Но эти цветы радуют глаз рабочего за станком, освежают воздух в цехе, украшают дворы и улицы.

Над озеленением столицы немало потрудились школьники. 201-я школа Тимирязевского района уже свыше 15 лет разводит плодовый сад, овощи и красивые цветы. Кружком юннатов руководит учительница Зинаида Ивановна Динченко.

Озеленили свой двор, разбили красивые аллеи и клумбы ребята из домоуправления № 2 (Палиха, дом 7/9). В Кировском районе кружок юннатов «Золотые руки» озеленил целый квартал (Пятницкая и Новокузнецкая улицы).

Выставку в Центральном парке культуры имени Горького посетили тысячи москвичей. Многие цветоводы получили здесь добрые советы, которые помогут им озеленить свой двор, улицу и район, ознакомились с препаратами, предназначенными для борьбы с вредителями цветов и деревьев.

Т. КОНЮШКОВА

В Ярославском художественном музее

В русском искусстве первой половины прошлого столетия было немало даровитых художников, творчество которых почти не изучено в наши дни. Мы мало еще знаем их биографии, их учителей, творческий путь. К таким «загадочным» мастерам относится и ярославский живописец Николай Мыльников: до сих пор остаются неизвестными подробности его жизни и даже то, где он преимущественно работал. Его произведения есть и в Иванове и в Ростове-Ярославском, поступили они и в Государственный исторический музей. Созданные им портреты представляют интересную и своеобразную страницу в нашем портретном искусстве.

Заказчиками Н. Мыльникова были почти исключительно местные купцы, подрядчики, торговцы из крестьян. И на его полотнах, собранных в Ярославском художественном музее, как живые, встают отцы и деды будущих кабаних, хлыновых и курослеповых, обитателей «темного царства», которых вывел впоследствии на сцену Островский. Современник Венецианова, Н. Мыльников близок к нему по своему умению подметить и подчеркнуть в человеке типические черты, дать острую и подчас беспощадную характеристику изображаемому лицу. И среди соседствующих с ними в музее портретов кисти Тропинина, Кипренского, Зарянко, Мокрицкого работы ярославского живописца сохраняют всю свою значительность и своеобразие.

«Посмотрите в нашем музее наших художников»,— эту фразу можно часто услышать от ярославцев. «Наши художники» — это не просто земляки, уроженцы города и края, но и те, кто создал на Ярославщине свои лучшие произведения.

Мало кто знает, что именно в Ярославле была написана широко известная картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели» — один из первых и лучших образцов реалистического передвижнического пейзажа. Недолгие месяцы пребывания в полюбившемся ему городе стали самым плодотворным периодом в творчестве художника. В музее А. К. Саврасов представлен поэтичным пейзажем «У колодца».

Если «Грачи прилетели» были ликующим гимном родной природе, ее пробуждению после зимнего сна, то картина «У колодца» писалась под иными впечатлениями. Вечерние сумерки. На гаснущей полоске зари темным силуэтом рисуются ветхая изба, крытая перепревшей соломой, ветлы на берегу пруда и высоко взметнувшийся в небо журавль над старым колодцем, около которого виднеется одинокая фигурка. Щемящей тоской веет от этого уголка, кажется, выхваченного из некрасовской «Забытой деревни»: так все в нем неприютно и бедно. Даже покров ночи не может скрыть безысходной крестьянской нищеты.

Разительна по контрасту с пейзажем Саврасова помещенная рядом сияющая яркими, сочными красками, вся пронизанная светом и воздухом «Степь» А. И. Куинджи — одна из выдающихся работ живописца. Мотив картины прост и безыскусственен. Широко раскинулись бескрайние зреющие хлеба, вьется среди них степная дорога, да вдали рисуется на небе ветряная мельница, чуть виден за холмами далекий лесок. Все дышит покоем и привольем.

Ярославский музей богат пейзажными картинами. В нем есть работы И. К. Айвазовского, Р. Г. Судковского, почти всех мастеров-передвижников. Очень красив по краскам большой пейзаж передвижника И. И. Ендогурова «Белый мох» с его сочетанием седого северного мха, темной до черноты сосновой хвои и низко нависшего свинцового неба, словно разорванного на горизонте полосой неярких, белесоватых солнечных лучей, которые только подчеркивают и усиливают общую сумрачную гамму.

Подлинная гордость музея — огромное полотно Аполлинария Васнецова «Старая Москва».

Тонкий и проникновенный пейзажист, много работавший над видами Севера, А. Васнецов бывал в Ярославле. Здесь в числе других им написан находящийся в музее красочный и живописный этюд «Коровники (Ярославль)» — вид на часть города с известной церковью — замечательным памятником древнерусского зодчества. Могучей и величавой твердыней рисуются на холме на фоне зимнего, затянутого тяжелыми облаками неба башни и соборы кремля. У кремлевских стен, где сбились в тесную кучу деревянные постройки, кипит обычная городская жизнь. Сушится на протянутых веревках белье, бредут с веселыми прибаутками скоморохи, вышел из кузницы посмотреть на них кузнец, остановились ребятишки с салазками.

Ярославский музей расположен в здании так называемого Соборного дома, построенного более 250 лет назад и относящегося к числу старейших архитектурных памятников города. Как многие музеи нашей страны, Ярославский возник в 1919 году. Положенное в основу музея небольшое собрание картин местного художественного общества к настоящему времени значительно увеличилось. Музей насчитывает ныне свыше 6 тысяч произведений живописи, графики и скульптуры, которые позволяют составить достаточно полное представление об истории русского искусства. Работы иконописцев XIV—XVII веков и среди них мастеров самобытной ярославской школы, известной своими реалистическими тенденциями, сменяются произведениями живописцев XVIII века — Рокотова, Дрождина, Боровиковского, картинами академиков XIX века и, наконец, полотнами передвижников.

И. Е. Репин. КОСАРЬ.

Глубоким сочувствием к обездоленным, к тем, кого жизнь лишала и хлеба и крова, проникнута картина В. Г. Перова «Мальчик, готовящийся к драке». Этот мальчуган, с младенческих лет узнавший нужду и труд, не даст себя в обиду и сумеет постоять за себя. Уверенностью и силой веет от другой картины, «Косарь» И. Е. Репина, рисующей замечательный образ молодого крестьянина.

Скудно убранная холодная комната. На полу раскрытый чемодан, разбросанные в беспорядке книги, брошюры. Склонившись над поставленной на пол свечой, их поспешно перебирает молодая женщина, только что вскочившая с постели, которая виднеется в глубине. У окна, пристально всматриваясь в мутный свет едва забрезжившего утра, в напряженном ожидании стоит мужчина. Кажется, с первыми дневными лучами в комнату проникает тревога. Минута, другая — на пороге появятся жандармы, и жестокой ценой придется заплатить обитателям комнаты за то слово правды, которое несли они народу. «Перед обыском» назвал свою картину Н. А. Касаткин.

«Поддержать и развить искусство может только одно,— писал в свое время Репин по поводу организации первого провинциального музея в России,— народные музеи, которые следует основать во всех больших городах. Пока их не будет, не будет и настоящего искусства». Сейчас такие музеи созданы по всей стране, и в их ряду немаловажную роль играет Ярославский художественный музей — культурный центр большого индустриального города.

Н. РУСОВА

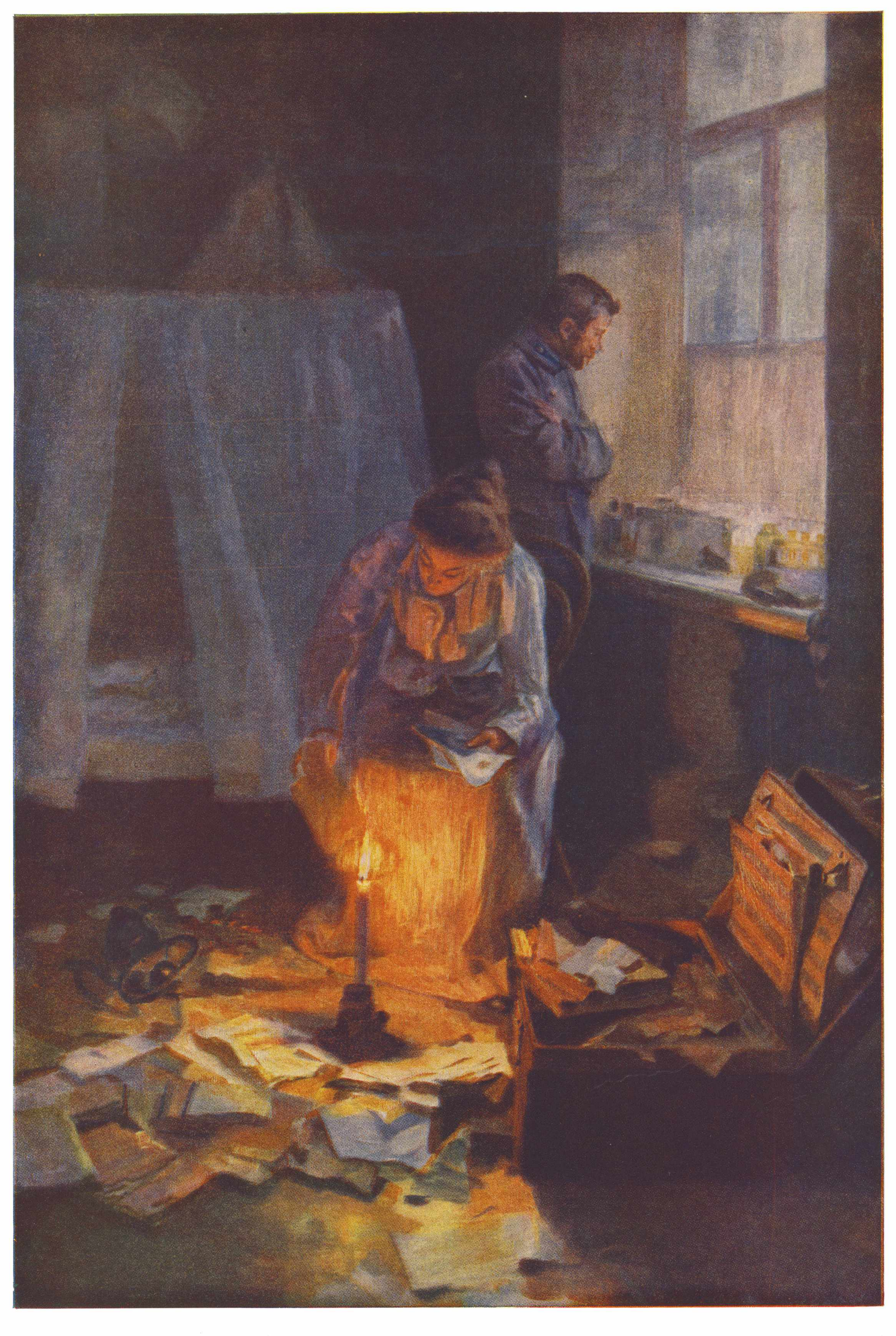
г. Ярославль.

И. К. Айвазовский. КАВКАЗ.

А. М. Васнецов. СТАРАЯ МОСКВА.

Ярославский областной художественный музей.

Н. А. Касаткин. ПЕРЕД ОБЫСКОМ.

Ярославский областной художественный музей.

А. И. Куинджи. СТЕПЬ.

Ярославский областной художественный музей.

А. К. Саврасов. У КОЛОДЦА.

Ярославский областной художественный музей.

И. И. Ендогуров. БЕЛЫЙ МОХ.

Интервью «Огонька»

СТИМУЛЯТОРЫ ЖИЗНИ

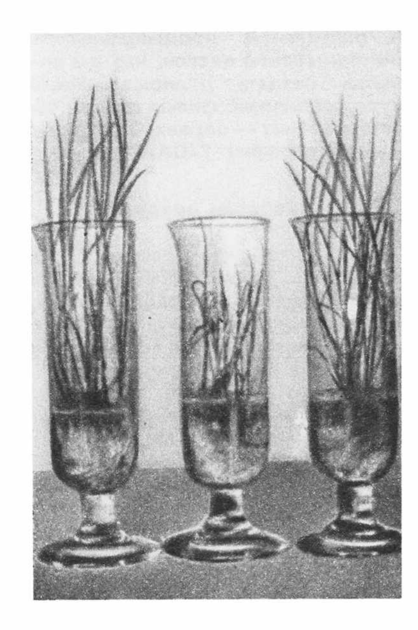
Академик Методий ПОПОВ,
директор Биологического института Академии наук Болгарии

Недавно в Советском Союзе гостил старейший болгарский ученый академик Методий Попов, директор Биологического института Академии наук Болгарии. Выдающийся биолог, он посвятил свою жизнь глубокому изучению растений и средств, которые повышают их жизненные функции. Настойчиво и упорно сочетая теорию с практикой, ученый в своих полувековых плодотворных исканиях ставил благородную цель — найти вещества-стимуляторы, ускоряющие рост и развитие растений, повышающие урожайность сельскохозяйственных культур, увеличивающие их продуктивность.

Развивая идеи русского ученого В. А. Тихомирова, Методий Попов почти сорок лет назад опубликовал труд, где закладывались основы учения об искусственном стимулировании деятельности живой клетки.

Исследования М. Попова и его школы, созданной в последние годы в демократической Болгарии, увенчались крупным успехом. Предложенные им стимуляторы — химические вещества — побуждают и усиливают уже в семенах растений их жизненные функции, а значит, заставляют их приносить больше плодов и зерна.

Опыты, проведенные академиком Методием Поповым совместно с учениками, открывают заманчивые перспективы перед сельским хозяйством Болгарии.

Слева и справа — стимулированный рис, в середине — контрольный экземпляр.

— Общепризнанный метод селекции с последующей высокой агротехникой возделываемых сельскохозяйственных культур не единственный, по моему мнению, путь повышения урожайности и улучшения растений,— сказал академик Попов.— Другой путь — а мой полувековой опыт дает мне право утверждать это — стимулирование семян различного рода химическими соединениями. Таких стимуляторов органического и неорганического происхождения и их комбинаций обнаружено мною свыше шестидесяти, и число их с каждым годом возрастает.

Сотни, тысячи опытов, поставленных в лабораториях и на делянках, неопровержимо свидетельствуют, что эти вещества — мощное средство, которое дает возможность усилить жизненные процессы. Предпосевная обработка семян стимуляторами помогает вырастить более здоровые и жизнеспособные растения, лучше противостоящие неблагоприятным условиям внешней среды.

Полученный ими толчок, как показали наблюдения, не угасает на протяжении всего вегетационного периода, вплоть до окончания плодоношения; они приносят много больше зеленой массы, много больше плодов.

Немало труда и сил пришлось положить, прежде чем удалось определить потребное количество вещества и воды и установить время нахождения семян в стимулирующем растворе.

Стало ясно, что для каждого вида растений, а иногда и для сорта, эти условия различны. Зато соблюдение их дает наивысший эффект. Всякие отклонения отрицательно сказываются на дополнительном урожае.

Что происходит в растении, подвергнутом стимуляции?

В зародыше семени, как бы подстегнутом, усиливается обмен веществ. В пору прорастания он, как установлено опытами, потребляет примерно на 30—35 процентов больше кислорода, чем посеянные одновременно контрольные растения.

Стимулированное растение лучше и быстрее развивается, оно мощнее, в нем больше хлорофилла, шире и крупнее его листья, оно растет отлично, опережая контрольные экземпляры.

Эксперименты ставились нами не только на маленьких, тесных делянках, но в последние два года — в 1951—1952 годах — в широких производственных масштабах, на значительных площадях в трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах и в государственных земледельческих хозяйствах Болгарской Народной Республики.

В обширные эти опыты на десятках гектаров были включены различные зерновые, технические и бахчевые сельскохозяйственные культуры, такие, например, как рис, пшеница, ячмень и рожь, кукуруза, подсолнечник, сахарная свекла, хлопчатник и табак, а также виноград. Все опыты показали, что стимуляторы могут иметь высокое практическое значение: на их воздействие откликается каждое растение; надо только знать, что оно больше «предпочитает».

Рис, особенно его корневая система, лучше всего отзывается на слабые растворы танина, гидрохинона с бромистым калием и на другие. Образно говоря, у него нет твердо выраженных «симпатий». Во многих пунктах страны на общей площади 295 гектаров были посеяны семена, которые перед этим в течение 48 часов размачивались в растворе. Урожай на этих участках оказался почти на 20 процентов выше, чем на соседних землях.

В разных пунктах были заложены посевы сахарной свеклы. И здесь применяли водные растворы гидрохинона вместе с бромистым калием и диастазой. Результаты получились пестрые, но прибавка была не ниже 10 процентов сверх обычного. Отдельные участки втрое превосходили эти данные.

Кукуруза заняла в 8 пунктах 128 гектаров. И, несмотря на засуху, во всех случаях урожай был превышен. Правда, это превышение резко колебалось в широких пределах от 10 до 48 процентов. Но даже и 10 процентов, выраженные в тоннах, дают огромную цифру прибавки урожая этой важной культуры.

Любопытные итоги получены при производственных опытах с подсолнечником и табаком. Стимулированный табак занял 74 гектара. Неожиданно сорт «Виргиния» оказался самым восприимчивым к раствору глицерофосфата кальция: урожай листьев был на 25 процентов выше. Кроме того табак рос и поспевал быстрее.

Как показали опыты, тот же глицерофосфат кальция способствует лучшему укоренению виноградных лоз. Обычно лишь около одной трети черенков при пересадке дает хорошие корни. Остальные гибнут. Раствор оказал самое благотворное действие: из ста посаженных черенков принялись все сто! Ни одного процента отхода!

Хорошие показатели достигнуты также с хлопчатником и зерновыми культурами. Неизменно и постоянно стимуляторы дают прибавку урожая по сравнению с посевами, которые в остальном находятся в равных условиях. Кроме того ускоряется развитие и созревание, что позволяет начать уборку раньше обычных сроков. Другими словами, сокращаются сроки вегетации, а это значит, что некоторые культуры можно продвинуть на север.

Исследования говорят, что, помимо всего, улучшается качество продукции, например, увеличивается сахаристость корнеплодов свеклы.

Следует сказать, что в этом году мы от сотен гектаров перешли на тысячи. Десять тысяч гектаров земель отведены нам для опытов с различными растениями. Весной этого года были посеяны пшеница, рис и другие зерновые, а также технические культуры. Сейчас рано подводить итоги, однако можно сказать, что состояние посевов отличное и результаты должны быть выше прошлогодних.

В лабораториях нашего института продолжаются изыскания новых стимуляторов, исследуются возможности более широкого использования старых, уже зарекомендовавших себя стимуляторов, с тем, чтобы охватить ими побольше различных видов растений.

Весной этого года к нам в Софию прибыли специалисты из Чехословакии и Венгрии, чтобы познакомиться с нашими методами повышения урожайности сельскохозяйственных растений. С той же целью к нам обратились представители великого Китая. Мы охотно передали нашим друзьям все «секреты» стимулирования. Они просты и доступны, не требуют больших затрат и могут дать значительный эффект.

Я счастлив, что советские ученые высоко оценили мои труды в этой молодой отрасли современной биологической науки.

Академик Методий Попов (первый слева) в вегетационном домике Института физиологии растений имени К. А. Тимирязева Академии наук СССР.

Фото С. Фридлянда.

ПОВЕСТЬ О МУЖЕСТВЕ АМЕРИКАНСКИХ ГОРНЯКОВ

Г. ДАНИЛИН

За хлеб насущный

Три года тому назад в Соединенных Штатах мало кто знал о существовании небольшого горняцкого поселка Бейарда, расположившегося в юго-западной части штата Нью-Мексико. Но в 1950 году здесь, на цинковых рудниках, начались события, которые заставили говорить о себе не только рабочих Америки, но и трудящихся многих других стран. Началась героическая, длившаяся восемнадцать месяцев забастовка горняков против хозяев «Эмпайер цинк компани». Скромное и справедливое требование горняков, в большинстве выходцев из соседней Мексики, сводилось к тому, чтобы ставки их заработной платы были уравнены со ставками белых рабочих.

«Эмпайер цинк» наотрез отказалась пойти на уступки. Ведь у нее был легион союзников: деньги и голод, шериф и его помощники, судья и наемные громилы. У горняков были лишь мужество, организация и солидарность других американских рабочих.

Потянулись долгие месяцы неравной, изнурительной, кровопролитной, героической борьбы. К каким только средствам не прибегала компания, чтобы заставить бастующих сдаться!

Штрейкбрехеры не прошли

Чтобы сорвать стачку, агенты компании наняли в окрестных городах и привезли в Бейард группу штрейкбрехеров. С первых же дней стачки бейардские горняки выставили пикеты вокруг рудников. Восемь долгих месяцев в зной и стужу пикеты бастующих преграждали штрейкбрехерам доступ к рудникам. Компания добилась, чтобы местный судья издал постановление, запрещающее членам профсоюза выставлять пикеты. Бастующие отказались выполнить это незаконное постановление. Пикеты стояли на постах.

Тогда районный прокурор, сын местного ростовщика, приказал шерифу силой убрать пикеты. Пикетчиков схватили и отправили в тюрьму. Судьба стачки была поставлена под угрозу. Но тут в борьбу включились матери, жены, сестры, дети бастующих. Круглосуточно, в шесть смен по четыре часа, женщины и дети несли вахту на линии пикетов.

Против безоружных женщин и детей шериф бросил банду вооруженных гангстеров, специально привезенных для разгрома забастовки. Пикеты продолжали стоять. Гангстеры применили бомбы со слезоточивым газом. Но когда рассеивались клубы газа, цепь пикетов попрежнему преграждала дорогу к рудникам. И тогда бандиты начали кровавую расправу с женщинами. Грузовики на полном ходу врезались в линии пикетов. Упала с переломленными ногами жена бастующего горняка, мать пятерых детей, под колесами погибла еще одна пожилая женщина. Изувечена грузовиком четырнадцатилетняя девочка. Гангстеры начали беспорядочный обстрел пикетчиц.

В знак протеста против диких зверств фашиствующих молодчиков горняки Нью-Мексико провели всеобщую забастовку, продолжавшуюся несколько дней. Напуганные грозно развивавшимся движением солидарности с борьбой бейардских горняков, владельцы рудников стали бить отбой — они отозвали наемных головорезов. Через пикеты не прошел никто, «кроме ветра да птиц», как сказал один из бастующих.

Только в январе 1952 года цинковые магнаты капитулировали. Требования рабочих были удовлетворены.

На языке передового искусства

Прогрессивный Межнациональный профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности США решил создать полнометражный художественный фильм о героической бейардской забастовке. В условиях оголтелого реакционного террора, господствующего в Соединенных Штатах Америки, создать фильм, рассказывающий о жизни и повседневной борьбе рабочих,— дело нелегкое, даже героическое. «Если вы рабочий и время от времени ходите в кино,— писала недавно газета «Пиплз уорлд»,— попробуйте составить список просмотренных вами за последние пять лет голливудских фильмов, в которых организованные рабочие показывались бы в дружественном свете или с симпатией рассказывалось бы о забастовках. Как бы вы ни старались, лист бумаги у вас останется чистым...»

Замысел рабочей организации увлек группу кинодеятелей. Сценарий написал прогрессивный кинодраматург Майкл Уильсон. Сценарий, получивший название «Соль земли», был прочитан участниками бейардской забастовки. Они внесли в него свои поправки. Затем сюжет фильма обсуждали на собрании членов бейардского отделения профсоюза. Снова автор внес изменения, учтя замечания, высказанные рабочими. После этого горняки пришли к единодушному убеждению, что сценарий фильма «Соль земли» полностью соответствует жизненной правде.

Шел январь 1953 года. Группа прогрессивных киноработников, изгнанных из Голливуда за «подрывную» деятельность, прибыла в Бейард. Среди них был Поль Джаррико — постановщик будущего фильма,— он был занесен в Голливуде в «черный список». Приехал Герберт Биберман — второй режиссер,— один из «голливудской десятки» прогрессивных кинорежиссеров и сценаристов. Биберман отсидел в тюрьме шесть месяцев за «неуважение» к бывшему председателю комиссии по расследованию антиамериканской деятельности казнокраду Парнеллу Томасу. Эта группа кинодеятелей и приступила к съемкам фильма «Соль земли».

Роль главного героя фильма — рабочего цинковых рудников Рамона Кинтеро — исполняет Хуан Чакон, горняк, недавно избранный председателем местного отделения профсоюза в Бейарде. Чакон играет с большим чувством и правдивостью, и его игра восхищает режиссеров и профессиональных актеров кино. Только два профессиональных актера заняты в фильме: известная мексиканская актриса Росаура Ревуэльтас — она играет роль жены Рамона Кинтеро — да киноактер Уильям Гир, изображающий шерифа. Остальные персонажи фильма — рядовые рабочие, их жены и дети, которые сами прошли сквозь восемнадцать бурных стачечных месяцев.

Актриса Росаура Ревуэльтас в роли Эсперанзы Кинтеро — жены горняка и Хуан Чакон в роли Рамона Кинтеро — главного героя фильма.

Прогрессивная печать Соединенных Штатов приветствовала инициативу независимого профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности. Многие газеты писали, что эта попытка создать полнометражный художественный фильм силами самих рабочих — первая в истории кинематографии США.

Кинобоссы орудуют

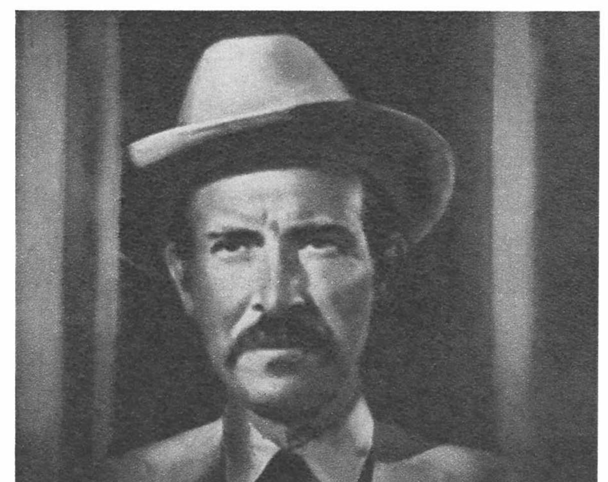
Весть о том, что прогрессивный профсоюз «осмелился» создать фильм о жизни и борьбе рабочих, повергла в смятение, а затем и в ярость киндельцов Голливуда и кое-кого в правящих кругах США. Кинобоссы увидели в фильме «Соль земли» серьезную угрозу своей монополии на поставку духовной пищи (точнее, духовной отравы) американскому народу. Поэтому союз кинопромышленников Голливуда потребовал, чтобы власти помешали съемке фильма «Соль земли».

Член палаты представителей Дональд Джексон выступил в конгрессе и заранее нагло оболгал будущий фильм, заявив, что постановщики преследуют цель... возбудить чувства расовой ненависти в стране. Все более распаляясь, он добавил, что фильм «Соль земли» — это «дьявольская атака на Соединенные Штаты», «кошмарное предприятие международного коммунистического заговора». Джексон истерически настаивал на «расследовании».

Мысль о том, что фильм «Соль земли» может появиться на зарубежных экранах и рассказать без прикрас об «американском образе жизни», вызвала у Джексона такой припадок страха, что он, по свидетельству корреспондента агентства Ассошиэйтед пресс, потребовал от государственного департамента, министерства торговли и министерства юстиции «разыскать надлежащие законы» или, если таковых не окажется, прибегнуть к административным мерам, которые предотвратили бы экспорт фильма в другие страны.

Нет нужды говорить о причинах этого припадка истерии у конгрессмена Джексона и ему подобных. Одна из американских газет писала: «Правдивый фильм может повествовать лишь о неприкрашенной правде, а это, по мнению людей, которые стоят за войну и

Актер Уильям Гир в роли шерифа. Остальные роли исполняют рядовые горняки.

расизм, поистине опасно. В фильме «Соль земли» говорится о том, что американские рабочие мексиканского и англо-саксонского происхождения могут жить как добрые соседи в дружбе и согласии. В нем рассказывается о том, как компании выжимают пот из рабочих и заставляют их работать в рудниках, которые больше похожи на западню, угрожающую жизни рабочих. В нем показывается, что рабочие люди объявляют забастовку потому, что они и их семьи вынуждены отстаивать свое право на жизнь».

Выступление Джексона в конгрессе послужило сигналом для начала кампании преследований и бандитского террора против создателей фильма «Соль земли». Героическая полуторагодовая борьба горняков Бейарда за хлеб получила продолжение. Теперь они включились в борьбу за право создать правдивую картину о жизни рабочих. «Сама по себе борьба за этот фильм,— писала одна из прогрессивных газет США,— является великолепным сценарием, ибо она дала много образцов нравственной чистоты, героизма мысли и сердца — качеств, глубоко присущих рабочему классу».

Огнем и погромами...

Репрессивная машина была пущена в ход. Как и прежде, против бейардцев и их друзей, художников кино, единым фронтом выступили правительственные органы и предприниматели, местные власти и наемные громилы.

Пытаясь помешать съемкам фильма, агенты министерства юстиции США буквально на следующий день после выступления Джексона арестовали исполнительницу ведущей женской роли мексиканскую киноактрису Росауру Ревуэльтас. Она была арестована, несмотря на то, что у нее имелось официальное разрешение американских властей на пребывание в США в течение года.

Арест Росауры Ревуэльтас вызвал возмущение широких кругов общественности не только в США, но и за рубежом.

Между тем горнорудные монополии штата Нью-Мексико начали оголтелую кампанию травли и запугивания рабочих и группы прогрессивных работников кино, участвовавших в съемках фильма. Ложь, клевета, провокации грязным потоком хлынули со страниц местных газет «Силвер-сити дейли пресс» и «Энтерпрайз», принадлежащих «Эмпайер цинк» и владельцам других рудников. На деньги предпринимателей была сколочена банда «виджилантов» [1]. Наемные головорезы, как об этом провокационно извещала «Силвер-сити дейли пресс», угрожали «вывезти постановщиков в черных ящиках», если они не прекратят съемок. Группа хулиганов совершила ночной налет на ферму, где хранилась киноаппаратура, и пыталась уничтожить ее. «Виджиланты» во главе с мэром города Силвер-сити Элтоном совершили однажды нападение на кинооператора во время съемок и заставили его прекратить работу, повредили кинокамеру, пытались сжечь декорации.

Чем дальше, тем больше распоясывались бандиты, подстрекаемые предпринимателями. Они обстреляли автомашину представителя профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности Клинтона Дженкса, который осуществлял общее руководство съемками фильма. В машине Дженкса было обнаружено пять пулевых пробоин. Потом Дженкс был избит, вместе с ним избили и профсоюзного деятеля Флойда Бостика.

Рано утром 8 марта вспыхнул пожар в здании местного отделения профсоюза в Бейарде. «Тысяча двести членов местного отделения профсоюза, осмотревших пострадавшее от пожара здание,— заявил Клинтон Дженкс представителям печати,— убедились, что пожар был организован намеренно».

15 марта было сожжено другое помещение профсоюза, в Карлсбаде (штат Нью-Мексико).

Одновременно наемные гангстеры предприняли три попытки поджечь дом Флойда Бостика. Руководство местного отделения профсоюза обратилось к шерифу и полиции с просьбой обеспечить охрану семьи Бостика, однако полицейские власти изобразили эти бандитские нападения как «детские проказы».

16 марта Бостик и его жена ушли из дому, чтобы продать кое-что из своего имущества (Бостик остался безработным после закрытия рудников «Америкен смелтинг энд рифайнинг компани»). «Виджиланты» воспользовались этим: дом Бостика сгорел дотла, трое его малолетних детей едва спаслись.

[1] Банды погромщиков, создаваемые из местных реакционеров под флагом «патриотической бдительности».

Фильм будет сделан

Горняки Бейарда с самого начала разгадали, кто организаторы террора против фильма «Соль земли» и его создателей. На митинге протеста рабочие заявили: «Мы рассматриваем нападки на наш фильм как предлог для нападения на наш профсоюз. Но попытки уничтожить нашу организацию безнадежны».

Террор, запугивания, поджоги — все это не помогло. Летом этого года съемки фильма «Соль земли» были уже закончены. Высылка американскими властями Росауры Ревуэльтас помешала завершить съемки нескольких заключительных кадров фильма. Но руководство профсоюза вопреки всем препонам, чинимым американской реакцией, изыскало способ заснять эти кадры. Как писали недавно постановщики картины, провалились и попытки реакционеров сорвать печатание пленки в лабораториях. Сейчас цинковые компании заранее стараются запугать владельцев кинотеатров, чтобы не допустить выхода фильма на экран.

Борьба продолжается. Над головой бейардцев, подобно дамоклову мечу, висит угроза многочисленных взысканий по... искам, предъявленным к ним владельцами рудников. Рабочим грозит всякое беззаконие: штрафы за «нарушение закона», «нанесение ущерба», «неуважение к суду», и т. д. и т. п. Многих рабочих, активистов и руководителей профсоюза, ожидают репрессии и преследования. Но горняки Бейарда преисполнены решимости довести начатое дело до конца. Можно ли сомневаться в том, что эти люди, у которых хватило мужества и силы воли вынести на своих натруженных плечах тяжесть суровой борьбы за хлеб и достойную человека жизнь, добьются в конце концов, чтобы детище их рук рабочие увидели на экране?!

«Наш фильм будет сделан,— заявил Клинтон Дженкс.— Он скоро будет показан американскому народу, и мы уверены, что американский народ скажет, что мы поступили правильно, завершив его съемки, несмотря на весь террор и препятствия, которые воздвигала реакция на нашем пути».

Кадр из фильма «Соль земли»: собрание местного отделения профсоюза.

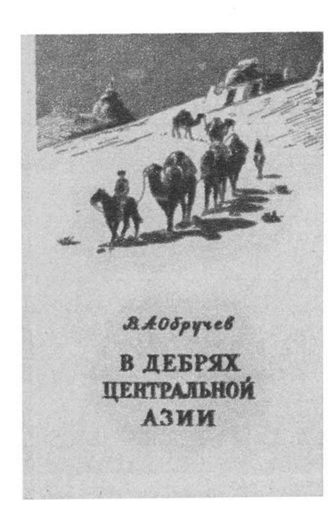
Фото из журнала «Марч оф Лейбор» и газеты «Диспетчер».

Кадр из фильма «Соль земли». День рождения в рабочей семье. Слева — Клинтон Дженкс.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Неутомимый кладоискатель

«Популяризатор непременно должен быть художником слова»,— указывал Писарев. Этому требованию вполне удовлетворяет выдающийся советский ученый Владимир Афанасьевич Обручев. Его научно-популярные и научно-фантастические произведения написаны хорошим литературным языком и с первых же страниц овладевают вниманием читателя, делая понятными самые сложные проблемы современной науки. В то же время В. А. Обручев далек от упрощенчества. Он меньше всего склонен недооценивать своих читателей.

В романе «Плутония» В. А. Обручев знакомит нас с гипотезами о далеком геологическом прошлом нашей планеты. Из романа «Земля Санникова» читатель узнает о загадочной земле, сообщения о которой встречаются у русских полярных путешественников. Обе эти увлекательные книги, выдержавшие уже несколько изданий, принадлежат к научно-фантастическим произведениям и особенно любимы пытливой советской молодежью.

Новая книга В. А. Обручева, «В дебрях Центральной Азии», носит несколько иной характер.

Действие происходит во второй половине прошлого столетия. Рассказ ведется от имени Фомы Капитоновича Кукушкина, старожила небольшого китайского городка Чугучака, расположенного неподалеку от русской границы. Кукушкин — живой человек с отчетливо выраженной индивидуальностью. Мы ясно представляем себе его, старого, несколько сутулого, но все еще бодрого и деятельного, с бронзовым монгольского типа лицом. Интересной, наполненной путешествиями и приключениями была его жизнь. Мы знакомимся с нею по его записям, «литературно обработанным» В. А. Обручевым.

Любознательный, энергичный и настойчивый Кукушкин, изъездивший по своим торговым делам Джунгарию (область Китая, граничащая с СССР и Монгольской Народной Республикой), — самоучка, много читавший, но не имеющий настоящей научной подготовки. И тут ему на помощь приходит автор. А кому же лучше знать геологию и географию Джунгарии, которую В. А. Обручев начал изучать полвека назад, еще в 1905 году! Перу ученого принадлежат, между прочим, интересные труды — «Пограничная Джунгария», «По горам и пустыням Средней Азии», «От Кяхты до Кульджи».

Превосходные авторские примечания объясняют читателю многие удивительные явления природы, проникнуть в суть которых мог лишь глубокий, проницательный ум ученого и объяснение которых от лица Кукушкина выглядело бы фальшиво. Таковы комментарии о «лаке пустыни», блестящем черном слое, покрывающем скалы, о кочующем озере Лоб-нор, о «Долине бесов».

Описывая путешествия Фомы Кукушкина, В. А. Обручев использовал не только собственные наблюдения и открытия, сделанные им во время его знаменитых экспедиций (ученому принадлежит, например, честь открытия фантастического «Золотого города»), но и наблюдения прославленных русских путешественников Пржевальского, Роборовского, Козлова, внесших неоценимый вклад в изучение труднодоступных районов Центральной Азии.

Фому Кукушкина его друг и покровитель русский консул Боков назвал кладоискателем. Действительно, Кукушкин искал и находил золото в заброшенных старых рудниках, древние монеты, утварь, драгоценности — в развалинах древних городов. Ему посчастливилось открыть и нефтяное месторождение. Именно эти опасные подчас путешествия, а не торговля — истинное его призвание.

Становясь как бы спутником Кукушкина, читатель знакомится не только со своеобразной природой Средней Азии — с причудливым чередованием мертвых пустынь и цветущих оазисов, с разрушительными песчаными бурями. Он узнает и ее обитателей — кочевников-монголов, трудолюбивых китайских крестьян, а также их притеснителей — надменных представителей старой китайской администрации и многочисленных лам, пользующихся доверчивостью и религиозным чувством простых людей.

С большим интересом читаются страницы, посвященные храму «Тысячи будд», с его неповторимым своеобразием, красочному описанию Лхасы. Занимательны старинные легенды о городах, ранее цветущих, а ныне погребенных под мощным слоем песка, приносимого ветрами пустыни на протяжении веков и тысячелетий.

Новая книга «старейшины советских геологов», бесспорно, обогатит знаниями любого читателя, будь он даже специалистом — географом или геологом.

Всю свою долгую жизнь (в октябре ему исполнится 90 лет) В. А. Обручев был неутомимым тружеником в науке, и множество драгоценных «кладов» — научных открытий — связано с его именем.

Хочется пожелать замечательному ученому еще долгих лет жизни, здоровья и новых творческих успехов.

А. ИГЛИЦКИЙ

В. А. Обручев. В дебрях Центральной Азии (записки кладоискателя). Географгиз. 1953. 320 стр.

Первый сборник

Молодая девушка, любуясь небом после дождя, думает о том, что слово «радуга» произошло, наверное, от слова «радость». «Пусть не тает радуга... пусть...» — так заканчивается один из рассказов сборника «На большой реке», первой книги молодого писателя Юрия Бондарева. Слова эти можно было бы сделать эпиграфом ко всей книге. Тема немеркнущей радости, которой богата наша жизнь, звучит во многих вошедших в нее рассказах. Автор раскрывает поэзию и красоту жизни тех, кто строит новые заводы, добывает уголь, преобразует суровый Север...

Ю. Бондарев видит своих героев и умеет рассказать о них читателю. Мы взволнованы судьбой Вали («Инженеры»). Нам по душе ее характер — пытливый, настойчивый. «Ты — техник, Валечка, только техник, винтик — и не больше!» — говорит ей муж. Но она не может не вдумываться в то, над чем трудится. Валя подозревает, что в чертежах прибора, над которым она работала, конструктор допустил ошибку, и начинает разбирать прибор. Муж ее отчитывает: «...Не ваше дело, в конце концов, лезть туда, куда не надо!» Но Валя не может так поступать. Равнодушие противно ее натуре. Она доводит дело до конца и находит ошибку.

Молодому врачу Ане («На большой реке»), впервые попавшей на Север, немного страшно плыть на стремительно несущемся плоту по быстрине. Но когда плот выбросило на берег и у Ани на руках оказался тяжело больной человек, она смело идет навстречу самому трудному, не боится ни одиночества, ни ответственности. Мы видим, что ее характеру свойственны властность и решительность. При этом ей присущи и теплый юмор и мягкость. Встретившись с работниками геологической партии, она назвала свое имя, парни заулыбались, смущенно сказали: «У нас руки...» — и стали поспешно вытирать ладони о комбинезон. «У всех руки», — сказала Аня, обмениваясь с ними рукопожатиями. Это маленький штрих, но он хорошо найден и поэтому запоминается.

Хочется сказать о том, что мешает Ю. Бондареву по-настоящему познакомить читателя со своими героями. Нередко кажется, что при малейшей трудности автор стремится поскорее придти им на помощь. Стоит большинству героев попасть в условия, требующие мужества, стойкости, выдержки, Ю. Бондарев спешит свести на нет все препятствия. Мало того, писатель вообще оберегает своих героев от сильных душевных потрясений, от таких обстоятельств, которые потребовали бы смелых решений и напряжения всех душевных сил. Иногда Ю. Бондарев намекает на какие-то события, которые могут произойти и осложнить судьбу действующих лиц, но намеки эти оказываются мнимозначительными, а волнения — напрасными. Так, во время поездки на катере Аня («На большой реке») после длительного молчания спрашивает Кедрина: «Ты... Ты будешь скучать, если нам... ну, если мы расстанемся?» Читатель встревожен вместе с Кедриным: что произошло? Почему они не могут быть вместе? «Кедрин... ты неделя на две должен поехать в город! — немного подумав, твердо сказала Аня...» «Только-то и всего?» — удивится читатель.

Муж Вали Виктор («Инженеры») — равнодушный, эгоистичный, высокомерный — вызывает у читателя враждебное чувство. Но когда он уходит от Вали, мы вскоре догадываемся, что по воле автора он в конце концов поймет свою ошибку и вернется к жене. Так оно и случается. Но читатель этому не радуется. Виктор попрежнему остается для него «непроницаемым, застегнутым на все пуговицы», неприятным человеком, и виноватая улыбка, которая появляется на его лице, не делает Виктора ни приятнее, ни человечнее.

Это стремление избавить своих героев от сложных положений происходит, нам кажется, от боязни подлинной жизни с ее трудностями и противоречиями. Книга перенаселена «хорошими людьми», очень похожими друг на друга. Немногие отрицательные герои оказываются нашими старыми (и порядком уже надоевшими) знакомыми, кочующими из книги в книгу. Это Савин — руководитель, оторвавшийся от масс, которого наставляет на путь праведный» секретарь райкома («Свежий воздух»), это Сергеев — карьерист, не верящий в людей, который едва не срывает работу в лаве («В лаве»).

А между тем Ю. Бондарев умеет создать живые, правдивые образы, когда он идет не от литературной схемы, а от наблюдений над жизнью. Вот, например, Свиридов («На большой реке»). Это несомненная удача. Выразительны и речь, и поступки, и портрет Свиридова. Он рисует себя этаким «таежным волком»: «Я, знаете, пять лет без передышки брожу по тайге! Такая наша профессия! Родной дом — куст, а земля — постель!» Но когда Аня посылает его в тайгу за дровами, чтобы согреть больного Кедрина, он говорит озлобленно: «Уж извините! Я вам не ишак!» И перед читателем встает во весь рост позер, пошляк, себялюбец.

Хочется пожелать писателю, чтобы в следующей своей работе он был смелее, глубже и правдивее показывал жизнь и внутренний мир своих героев.

К. СОНДАК

Юрий Бондарев. На большой реке. Рассказы. «Советский писатель». М. 1953. 238 стр.

Творчество Александру Сахии

...Цех паровозостроительного завода... Грохот, шум моторов, свистки, нестерпимая духота... Этим описанием начинается рассказ «Сердце завода», включенный в сборник избранных произведений румынского писателя Александру Сахии (1908—1937).

В центре рассказа — образ рабочего Базана, влюбленного, несмотря на адские условия труда, в свою профессию. «Если бы завод принадлежал рабочим, если бы все на нем было организовано по пролетарским законам, то этот щуплый Базан стал бы лучшим из лучших,— говорит коммунист Филипп, товарищ Базана, — ...жизнь завода в нас, мы — сердце завода».

В своих произведениях Сахия говорит о бесправном положении рабочего класса, о беспощадной эксплуатации, которой подвергались румынские труженики. Изображению этой «вопиющей повседневности» (так называется один из его рассказов) писатель посвящает многие рассказы, очерки, статьи.

Большое место в его творчестве занимают также темы борьбы против войны и фашизма (рассказы «На кровавом поле Мэрэшешть», «Возвращение с войны», «Смерть вольноопределяющегося»).

Сахия был не только выдающимся писателем, но и активным общественным деятелем. В 1921 году в Румынии возникла коммунистическая партия, и сын крестьянина Александру Стэнеску (Сахия — это его будущий литературный псевдоним) вскоре вступает в ее ряды. В 1932 году партия поручает ему выпускать рабочую газету «Новый век», затем — «Журнал пролетарской литературы».

Здесь и появляются первые очерки Сахии, поднимающие актуальнейшие вопросы и пропагандирующие учение классиков марксизма. Когда же эти издания были закрыты, Сахия сумел, не поступаясь своими взглядами, отвоевать себе место на страницах либеральной прессы. Он постоянно бывает на фабриках, заводах, читает там лекции и доклады. Его рассказы всегда были основаны на жизненных фактах, и это придавало им большую действенность и доходчивость.

В 1935 году, после поездки в Советский Союз, Сахия написал книгу «СССР — сегодня». Эта книга впервые рассказывала трудящимся Румынии о строительстве социализма в нашей стране. В последние годы жизни Сахия задумал повести: «Хулиганы господа бога» — о церковниках — и «Татар-Бунар», где речь должна была идти о восстании крестьян в 1924 году, когда в одном из сел была провозглашена советская власть. Ранняя смерть не позволила этим замыслам осуществиться: Сахия умер в августе 1937 года от туберкулеза.

Трудящиеся Румынской Народной Республики чтут память писателя. Сахия посмертно избран членом румынской Академии наук, его именем названа академическая премия.

В сборник избранных произведений писателя, выпущенный Издательством иностранной литературы, вошли девять рассказов, главы из книги «СССР — сегодня» и публицистические статьи.

Т. ТРОИЦКАЯ

Александру Сахия. Избранное. Перевод с румынского. Издательство иностранной литературы. М. 1953. 119 стр.

Художники одной фабрики

Н. СОЛОВЬЕВА

Фото И. Тункеля.

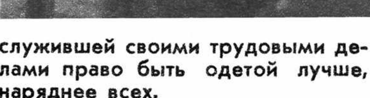

Так выглядит платье из ткани с рисунком «Фестиваль».

Свет из окна падает на небольшой мольберт и стоящий невдалеке от художницы букет гладиолусов. Всматриваясь в густые тона красновато-фиолетовых цветов, С. А. Заславская кладет мазок за мазком, и вот цветы начинают оживать в этюде.

В мастерской художественного отдела московского комбината «Красная Роза» таких этюдов с натуры много. Одни сделаны здесь, другие — в цветниках Парка культуры и отдыха имени Горького или в ботаническом саду. Иной раз уже с первых набросков становится ясен будущий рисунок, который в виде цветов, не увядая, начнет свою жизнь на сотнях метров нарядной шелковой ткани. Иногда радостные краски цветов неожиданно оживают на ткани в геометрическом узоре, красивой полоске, яркой клетке. Чаще всего художник в самой природе ищет и находит краски и формы для воплощения творческого замысла.

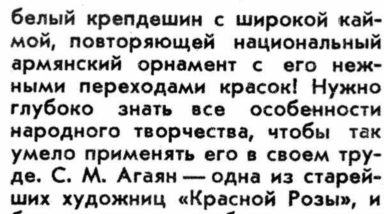
В музеях, на выставках народного творчества можно увидеть людей с альбомами в руках. Подолгу задерживаются они у полюбившейся вышивки, красивого ковра, зарисовывают переплетения узора, запоминают сочетания красок. Искусство народов нашей страны — неиссякаемый источник тем и сюжетов. Благодарна задача художника, возрождающего мотивы народного творчества в ярких красках узорчатого шелкового платка, сочных тонах каймы на платье советской женщины, за-

служившей своими трудовыми делами право быть одетой лучше, наряднее всех.

Стены большой комнаты сплошь задрапированы ниспадающими потоками тканей. Яркие и чистые тона, красота узоров надолго приковывают глаз, и трудно сразу решить, который же самый лучший, — настолько разнообразны и красивы шелка.

Скольким женщинам, должно быть, доставил радость чудесный белый крепдешин с широкой каймой, повторяющей национальный армянский орнамент с его нежными переходами красок! Нужно глубоко знать все особенности народного творчества, чтобы так умело применять его в своем труде. С. М. Агаян — одна из старейших художниц «Красной Розы», и бесконечно разнообразны, неповторимы создаваемые ею рисунки.

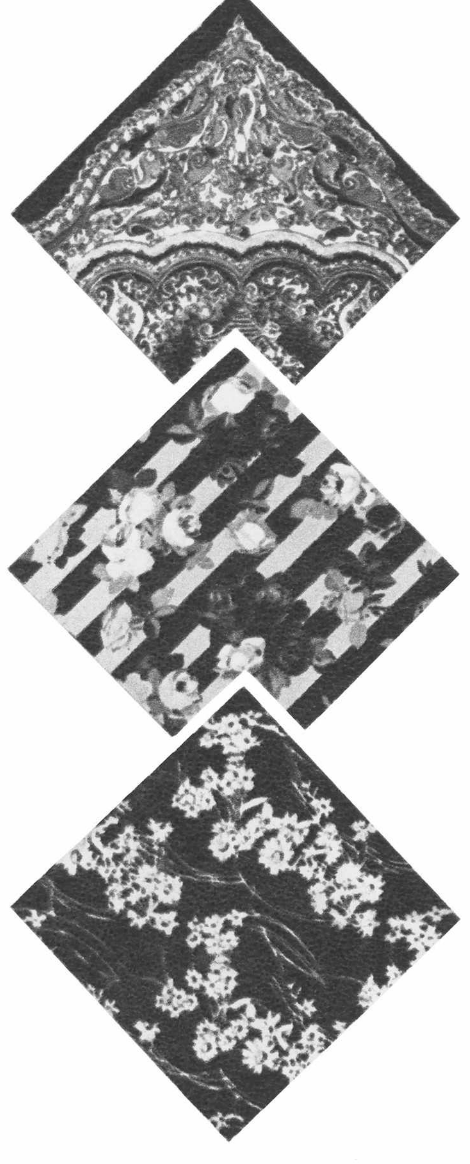
Рядом на тончайшем, почти неощутимо легком шифоне расцвели среди чередующихся темных и светлых полос яркие красные розы. Имя художницы С. А. Заславской, создавшей рисунок, неизвестно девушкам, одевшим платье из этого шелка, но сам-то он очень им по душе. А рядом строгий, но такой нарядный черный шелк с простым и изящным цветным узором. Платье из него будет к лицу и молодой и пожилой женщине. Так и задумала свой рисунок художница А. Л. Забелина.

В минувшем году комбинат «Красная Роза» свои шелка показал на выставке. Отзывы ее посетителей говорили об успехе ткачей и художников «Красной Розы».

«Из всех выставленных материалов выделяются своей красочностью и сочностью цветов шелка фабрики «Красная Роза», «Выставка очень красочна, особенно хо-

На этюдах.

Образцы рисунков на ткани. Работы (сверху вниз): С. М. Агаян, С. А. Заславской, А. Л. Забелиной.

роши расцветки фабрики «Красная Роза» — такие записи найдешь на любой странице книги отзывов. Люди всех возрастов и профессий — студенты и рабочие, инженеры, домашние хозяйки,— мужчины и женщины подтвердили, что продукция комбината, в котором огромную роль играет работа художников, признана советскими людьми.

Многое дали художникам и эти отзывы и личные встречи с людьми — их было немало у любого из мастеров.

На столе заведующей художественным отделом комбината А. Н. Глотовой книга образцов продукции, выпускавшейся комбинатом несколько лет назад. Трудно поверить, что эти образцы были созданы теми же художниками и ткачами, с работой которых мы только что познакомились. Тускловаты краски, чрезмерна пестрота рисунков, почти нет узоров с орнаментом.

— Все это давно снято с производства, — говорит А. Н. Глотова. — Лишь некоторые, наиболее строгие по рисунку ткани выдержали проверку временем. Но не все у нас хорошо и сейчас. Большие требования предъявляет народ к текстильщикам, и требования справедливые.

Иногда хороший по качеству ткани крепдешин долго остается на полках магазинов — блеклые сочетания тонов в рисунке не привлекают покупателя. Потребители обычно требуют больше строгих, скромных расцветок шелка, узор которого подойдет и для платья и для блузки. Жаловались часто и на то, что «совсем нет мелких рисунков», «нет тканей, подходящих для полных женщин».

Многие такие пожелания уже нашли свое отражение в творчестве мастеров рисунка по ткани. В цехе образцов мы увидели изящные, с тонким, красивым узором купоны для платьев, отметили несколько сортов скромных, строгого рисунка темных крепдешинов, веселые, в небольших цветочках креп-жоржеты для летних блузок, нарядные шелковые платки.

Здесь же радует глаз изящный купон «Фестиваль», созданный коллективом для наших участников фестиваля в Бухаресте.

Уместно поговорить сейчас и о том, что еще мешает творческому росту художников «Красной Розы» да и всех других текстильных предприятий.

Вот уже много лет ни одного художника «Красной Розы» не посылали в творческие командировки. В творческом отпуске в минувшем году смогли побывать только двое художников комбината, а за истекшие месяцы 1953 года не был никто. Это серьезная помеха в совершенствовании мастеров.

Художница С. М. Агаян.

Несколько лет назад на текстильных комбинатах страны были созданы свои художественные мастерские, где работают сейчас сотни мастеров рисунка по ткани. У них накопился большой опыт. Естественным кажется стремление обменяться этим опытом, но всесоюзной творческой встречи художников, работающих в текстильной промышленности, не было уже давно. В организации ее не мешало бы проявить инициативу и Союзу советских художников! Творческие отчеты и обсуждения работ художников-прикладников, проводимые Московским отделением союза, были очень плодотворны.

Рисунок обычно проходит большой путь до своего появления в набивном цехе. Эскиз художника обсуждают в мастерской, его оценивает художественный совет комбината, куда приглашаются представители общественных и торгующих организаций, художники других предприятий. И только после утверждения художественным советом главка рисунок получает право на жизнь, поступая к колористу, подбирающему краски для его осуществления.

Главный колорист комбината «Красная Роза» М. И. Луговская работает здесь много лет. Она не только подбирает цвет для рисунка художника, но и сама дает новые варианты расцветок. Чаще всего такие расцветки очень привлекательны. Но представим себе, что колорист ошибся в подборе красок — ведь это может случиться с самым опытным работником. И тогда в магазине продавец услышит: «Рисунок красивый, но цвет мне не нравится». Происходит так потому, что сочетания цветов в рисунке, предложенные колористом, не обсуждаются на комбинате, а сразу идут в производство. Между тем организовать обсуждение образца, специально отпечатанного на небольшом куске шелка, совсем не сложно; до войны «Красная Роза» это практиковала.

В Доме моделей. Авторам рисунка на ткани и художникам-модельерам многое надо обсудить вместе.

Мастера рисунка нуждаются в более тесном творческом содружестве с художниками-модельерами. Правда, и сейчас почти все рисунки купонов для платья создаются в содружестве с Всесоюзным Домом моделей: модельеры советуют, как расположить рисунок на ткани, чтобы задуманные фасоны платья выглядели наряднее. Но ведь этого мало. Надо, чтобы модельер, создавая новый фасон, сам чаще советовался с художником, автором рисунка, тогда общий замысел будет осуществлен лучше. Мечтают художники и о том, чтобы заказчиками торгующих организаций были люди со вкусом. Равнодушный деляга не станет изучать запросы потребителей, а ведь именно о них и надо думать прежде всего.

Цвет и рисунок ткани, фасон платья должны радовать глаз гармоничным сочетанием. В осуществлении этой задачи особенно велика роль мастеров рисунка на ткани, художников наших текстильных предприятий.

Крепдешин. Рисунок И. К. Кулаковой.

МОЛОДЕЖЬ ВЫХОДИТ

Р. Варгашкин на треке.

Фото В. Ростовцева.

НА ТРЕК

И. ИППОЛИТОВ,
заслуженный мастер спорта

В тихие летние вечера жители близлежащих домов собираются на трибунах, у барьеров московского велодрома посмотреть тренировки велосипедистов...

Вот, низко пригнувшись к рулю, проносится гонщик в синей полурукавке, за ним, словно на невидимом буксире, едет второй, а вот берут вираж сразу четверо велосипедистов. Это готовятся к соревнованиям велосипедисты общества «Искра». Сейчас их время. А час тому назад тренировались спортсмены Центрального дома Советской Армии. Московский трек полностью загружен. С наступлением темноты зажигается гирлянда лампочек над цементной дорожкой. Становится светло, как днем, и только тени быстро бегут за гонщиками.

Велосипедный спорт — увлекательное зрелище. Тот, кто впервые случайно побывал на треке, обязательно придет сюда второй раз.

Раньше считалось, что только туляки — настоящие любители и энтузиасты велосипедного спорта: ведь тульский трек существует более 55 лет. Теперь и москвичи стали не меньшими ценителями велосоревнований.

...Гонщик едет по прямому участку дорожки. Но вот начинается поворот — дорожка постепенно из горизонтальной переходит в наклонную. Это дает возможность велосипедисту на большой скорости «вписаться в вираж» примерно так, как это делает самолет при «боевом развороте». Иначе ему не удержать развитую скорость, а скорости наших велосипедистов за последний год заметно увеличились.

Еще в мае 20-летний гонщик Ростислав Варгашкин прошел 1 000 метров с места за 1 минуту 13,7 секунды, установив новый всесоюзный рекорд, а вскоре после этого добился нового успеха. Самую короткую дистанцию, 200 метров с хода, молодой велосипедист прошел за 11,9 секунды, со скоростью более 60 километров в час.

— Кто этот молодой, откуда он такой, где тренируется? — спрашивали «болельщики».

В 1948 году на стадион Юных пионеров пришел мальчик. Он хотел заниматься конькобежным спортом. Тренер школы заслуженный мастер спорта Яков Федорович Мельников принял Варгашкина в группу начинающих. Однако Слава не оказался в числе лучших конькобежцев. Растаял лед, высохли дорожки трека, и Мельников снова вывел своих учеников на стадион. Конькобежцы летом обычно пересаживаются на велосипед, чтобы продолжать тренировки. И на треке Варгашкин проявил значительно бо́льшие способности.

Вместе со своим школьным товарищем Вадимом Бахваловым Слава с увлечением занимался велосипедным спортом. Вадим долго не мог показать хорошего результата: ему не хватало резкости. Зато он обладал большой выносливостью и показывал неплохие результаты на средних и длинных дистанциях.

Когда в 1950 году старый трек сломали и на его месте начали строить новый, с высокими виражами и цементной дорожкой, юные велосипедисты стали соревноваться на шоссе. На одном из таких соревнований присутствовал неоднократный чемпион страны заслуженный мастер спорта Вениамин Батаен. Он заметил двух юных велосипедистов и заинтересовался ими.

Батаен предложил Варгашкину и Бахвалову свою помощь, и с тех пор они стали тренироваться под руководством нового тренера. Через два года воспитанники Батаена были включены в состав сборной команды профсоюзов и приняли участие в первенстве СССР по треку. В борьбе с сильнейшими гонщиками Ростислав Варгашкин и Вадим Бахвалов стали чемпионами СССР в командной гонке. Им было присвоено звание мастеров спорта.

Это было очень радостным событием в жизни молодых спортсменов, но Батаен поставил перед ними задачу — добиться еще более высоких скоростей.

Бахвалов, уже в прошлом году установивший рекорд на 4 километра, решил и в дальнейшем тренироваться на этой дистанции. Для этого нужна выносливость, помноженная на скорость. Ростислав Варгашкин, по своей природе спринтер, должен был развивать силу и быстроту. Он занимался поднятием тяжестей, практиковался на «велосипедном станке». На этом станке спортсмен, вращая педали, остается вместе с велосипедом на месте. Таким образом, на него не действует сопротивление воздуха, столь заметное при обычном движении. Это дает возможность развить огромное число оборотов.

Друзья тренировались вместе на шоссе и на треке. Это помогло им обоим значительно улучшать результаты — одному в скорости, а другому в выносливости.

Недавно в Туле Варгашкин, встретившись в ряде заездов со многими противниками, стал победителем встречи семи городов в спринтерской гонке на 1 километр. Большинство противников не выдержало скорости молодого велогонщика, его стремительного рывка.

Однако не все заезды Варгашкин выиграл. Дважды и он терпел горечь поражения, переоценив свои силы. Варгашкин, увлекшись борьбой, начинал рывок за 300 метров до финишной ленточки, не обращая внимания на то, что его противник следует за ним вплотную, «сидит на колесе», как говорят велосипедисты.

Так действовал велосипедист ЦДСА Василий Работягов в заездах с Ростиславом Варгашкиным. Но почему же тогда Работягов, выиграв у Варгашкина, не стал победителем соревнований?

В розыгрыше спринтерской гонки на 1 километр участники соревнования разбиваются по тройкам. Победители каждого заезда выходят в четвертьфинал, полуфинал и, наконец, в финал. А побежденные снова встречаются в «заезде надежды» для того, чтобы «пробиться в финал». Работягов обыграл первый раз Варгашкина в четвертьфинале, а затем однажды обошел своего сильного соперника в финальном заезде. Почему однажды? Дело в том, что правила соревнований во избежание случайностей предусматривают для участников финала не один, а три заезда. Варгашкин два раза обыгрывал Работягова и только в третий раз проиграл...

Василий Работягов — тоже молодой гонщик, но он более опытен, чем Варгашкин. Когда Ростислав Варгашкин был еще в разряде юношей, Работягов считался уже пятым спринтером страны. Работягов тогда жил в Симферополе, где работал шофером и занимался на местном треке. Там он встречался со многими известными спортсменами и, внимательно присматриваясь к их тактике, заметил, что чаще всего выигрывает тот, кто едет за спиной своего противника и обгоняет его только на последней прямой. Ведь лидер, «рассекая воздух», затрачивает лишнюю энергию и как бы ведет к победе своего противника. «Вот в чем секрет успеха в спринте,— решил Работягов.— Надо только овладеть искусством финишного броска».

С тех пор Работягов постоянно «охотился» за чьим-нибудь колесом. Всегда его можно видеть едущим сзади какого-нибудь велосипедиста, и каждого из них он старался обойти только на последней прямой.

Изучил Работягов и еще один прием: мгновенно выбрасывать машину вперед на ленточку. Это дает ему возможность выигрывать у противника всего только «одно колесо», но разве этого не достаточно?

Для того чтобы проверить свои силы на еще большей скорости, молодой гонщик часто тренируется с мотоциклистом, которого он также старается обойти на последней прямой.

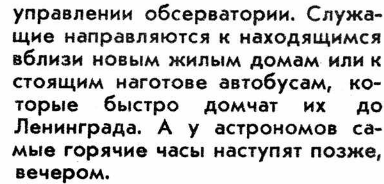
Но вернемся к Ростиславу Варгашкину. В Туле после победы над Работяговым он внес третью поправку в таблицу всесоюзных рекордов. 500 метров с хода были пройдены за 31,7 секунды. Вернувшись в Москву, молодой спортсмен тут же улучшил свой рекорд на 1 000 метров с места сперва на две десятых секунды, а еще через неделю сразу на полторы секунды. Его новый рекорд равнялся 1 минуте 12,0 секунды — это был второй результат в мире, показанный на цементных треках.

А затем на первенстве страны по треку Варгашкин добился двойной победы: он выиграл звание чемпиона СССР в спринтерской гонке и опять улучшил всесоюзный рекорд на 1 000 метров с места. На этот раз он прошел «олимпийскую» дистанцию за 1 минуту 10,4 секунды.

Противник Варгашкина по встрече семи городов Василий Работягов и в первенстве страны был главным претендентом на звание чемпиона. В финале Работягов проиграл Варгашкину всего полколеса...

Приятно нам, старым велосипедистам, следить за появлением на треке новых, молодых спортсменов, видеть, как растут их результаты, как они смело берутся за решение тех задач, которые были не по плечу их предшественникам. Хочется сделать все, чтобы ускорить рост молодежи: ведь в ней завтрашний день велоспорта и, я твердо надеюсь, его слава.

НА ПУЛКОВСКИХ ВЫСОТАХ

Проезжающим по шоссе близ Пулковских высот хорошо видны массивное здание с колоннадой, а около него множество небольших причудливых строений. Иные из них, поблескивающие серебристой окраской, похожи на сказочные теремки, другие напоминают восточные башенки. У башенок нет окон, и на каждом куполе, как на каске пожарного, виднеется продолговатый гребень. Этот комплекс зданий — астрономическая обсерватория.

Когда приблизится ночь, астрономы подойдут к мраморным щиткам, нажмут кнопки, и электрический ток мгновенно раздвинет крыши павильонов. Над нацеленными вверх спектрографами, астрографами, зенит-телескопами и другими приборами раскроется усеянный звездами купол неба...

Знаменитая Пулковская обсерватория была создана в 1839 году. С тех далеких времен снискали себе астрономы нашего Отечества всемирную славу.

...В просторном кабинете у письменного стола сидит, рассматривая снимок звезд, директор обсерватории, член-корреспондент Академии наук СССР Александр Александрович Михайлов. Видный астроном, автор более ста пятидесяти научных трудов, он участвовал в международных конгрессах астрономов, бывал в обсерваториях Швейцарии, Голландии, Германии, Северной и Южной Америки.

— Разрушенное фашистами Пулково вновь становится крупнейшим астрономическим центром, — говорит ученый. — Еще во время войны было принято специальное решение о мерах по восстановлению и реконструкции обсерватории. Закончено строительство первой очереди. Любопытно заметить, что эта первая очередь по своим масштабам превосходит всю Пулковскую обсерваторию довоенной поры.

Пулковские астрономы не только исследователи, но и творцы новейшей астрономической техники.

Неподвижно укреплена на массивном фундаменте в специально сооруженной башне полярная труба, изобретенная А. А. Михайловым. Всегда устремленная своей шестиметровой камерой к северному полюсу, она фотографирует близкие к нему звезды.

Первые в мире снимки звезд в далекой ультрафиолетовой части спектра получены на светосильном кварцевом спектрографе системы профессора О. А. Мельникова.

Большой менисковый телескоп системы лауреата Сталинской премии члена-корреспондента Академии наук СССР Д. Д. Максутова позволяет наблюдать звезды, свет которых в миллион раз слабее тех, что мы видим невооруженным глазом.

Второе рождение Пулковской обсерватории — это победа не только строителей зданий, но и конструкторов приборов, заводских механиков, сборщиков — замечательных умельцев, которых так много на наших советских оптико-механических заводах.

...Заканчивается рабочий день в управлении обсерватории. Служащие направляются к находящимся вблизи новым жилым домам или к стоящим наготове автобусам, которые быстро домчат их до Ленинграда. А у астрономов самые горячие часы наступят позже, вечером.

В сопровождении двух молодых помощников-аспирантов явилась сегодня на ночную «вахту» к зенит-телескопу кандидат физико-математических наук Софья Васильевна Романская. Впервые пришла она в Пулково сорок пять лет назад. Двадцать одну тысячу наблюдений провела на своем веку Романская, подлинный ветеран Пулкова, скромный и беззаветный труженик советской науки.

— Когда я вернулась сюда после войны,— рассказывает она,— и увидела развалины павильона зенит-телескопа, невольно подумалось: когда же удастся его восстановить? Работы начались вскоре же. Мне довелось консультировать инженеров, проектировавших наш павильон. Был и смешной эпизод. Они собирались построить в павильоне стеклянные окна, а это, с точки зрения астронома,— то же, что для каждого из нас обычный дом без окон. Но все обошлось благополучно.

Существует представление, что астроном — это безмятежный созерцатель, сидящий в круглой черной шапочке у приборов и наблюдающий движения небесных светил.

— Мне сказали однажды, что у меня «спокойная профессия» — в ночной тишине созерцать небо,— говорит стоящий у трубы большого вертикального круга Борис Александрович Орлов.— Какое там созерцание! Бывает, что и посидеть некогда! Во время наблюдений надо учитывать каждую минуту и даже секунду.

Сегодня Орлов готовится к встрече с Вегой, одной из самых ярких звезд нашего полушария. Астроном поглядывает на звездные часы. Они совсем не похожи на обычные, и счет времени у них свой.

Прохождение Веги через меридиан приближается... Орлов подходит к прибору. Надо навести едва различимые нити вертикального круга на точку, где пройдет звезда, произвести отсчеты круга, микрометра, микроскопа. Вот уже показалась дрожащая светящаяся точка. Здравствуй, Вега!

В павильоне темно. Взяв карандаш (он зажат в зубах: руки-то были заняты!), Орлов быстро производит записи. Вега уже пересекла меридиан. Астроном резким движением поворачивает прибор вокруг оси. Это позволит ему увидеть Вегу и по другую сторону меридиана. Мгновение — и звезда исчезла в безбрежном океане мироздания.

Казалось бы, напряжение миновало. Но нет! Уже через восемь минут пройдет новая звезда. Она не имеет имени и значится под номером 846.

— У меня тысяча восемьдесят девять звезд,— говорит Орлов таким тоном, каким обычно председатель колхоза сообщает: «У меня тысяча гектаров пашни».

С каждой из этих 1089 звезд Орлов должен встретиться за три — четыре года по восемь раз, провести наблюдения, сделать множество сложных расчетов. Они и позволят составить новый каталог звездных склонений, нужный астрономам, геодезистам, мореплавателям, очередной из пулковских каталогов, известных всему миру.

Орлов был когда-то юнгой, матросом, штурманским учеником. Еще перед войной стал он астрономом, кандидатом физико-математических наук. Покинув в войну вертикальный круг, ушел на фронт, а теперь снова ведет астрономические наблюдения и готовит докторскую диссертацию на тему «Исследование Пулковских каталогов склонений с 1845 года».

Пулково — родина широко разветвленной советской Службы времени. Когда-то отсюда, из глубоких подвалов, раздались на всю страну первые радиосигналы, передававшие точное время. Один из основателей Службы времени, профессор Н. Н. Павлов, открыл новый, так называемый фотоэлектрический метод определения времени. Звезда, пересекающая меридиан, оказавшись в поле зрения инструмента системы Павлова, «сама» с помощью фотоэлемента записывает себя. Это дает возможность с исключительной точностью определять время.

— А требования к нам такие, что лишь поспевай! — говорит Павлов.— Торговым морякам и летчикам гражданской авиации нужны данные о времени с точностью до десятых долей секунды, геодезистам — до сотых долей, а гравиметристам, занимающимся глубокой геологической разведкой,— даже до тысячных долей секунды.

* * *

Еще перед войной был подготовлен научный сборник, посвященный столетию Пулковской обсерватории. Книга была набрана, но выпустить ее в свет не успели. Рукописи пропали, а типографский набор, лишь немного поврежденный, сохранился. Разыскав его после войны, астрономы решили сопроводить книгу предисловием. Они рассказали в этом кратком вступлении к научному сборнику о том, как была разрушена фашистами одна из славнейших астрономических обсерваторий мира, как советские воины держали оборону у Пулкова. Вспомнили ученые и о том, как воины — бойцы, командиры, политработники — спасли немалую часть фундаментальной библиотеки обсерватории.

Так в научный труд, трактующий о прямых восхождениях звезд и физике солнца, о хромосфере и протуберанцах, о Млечном Пути и вращении Юпитера, о замечательных открытиях астрономов нашего Отечества и других стран мира, вошли строки о воинах, насмерть стоявших у Пулковского меридиана и превративших его в меридиан великого мужества.

К. ЧЕРЕВКОВ,
В. КАРП

Директор обсерватории, член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Михайлов рассматривает негатив снимка звезд.

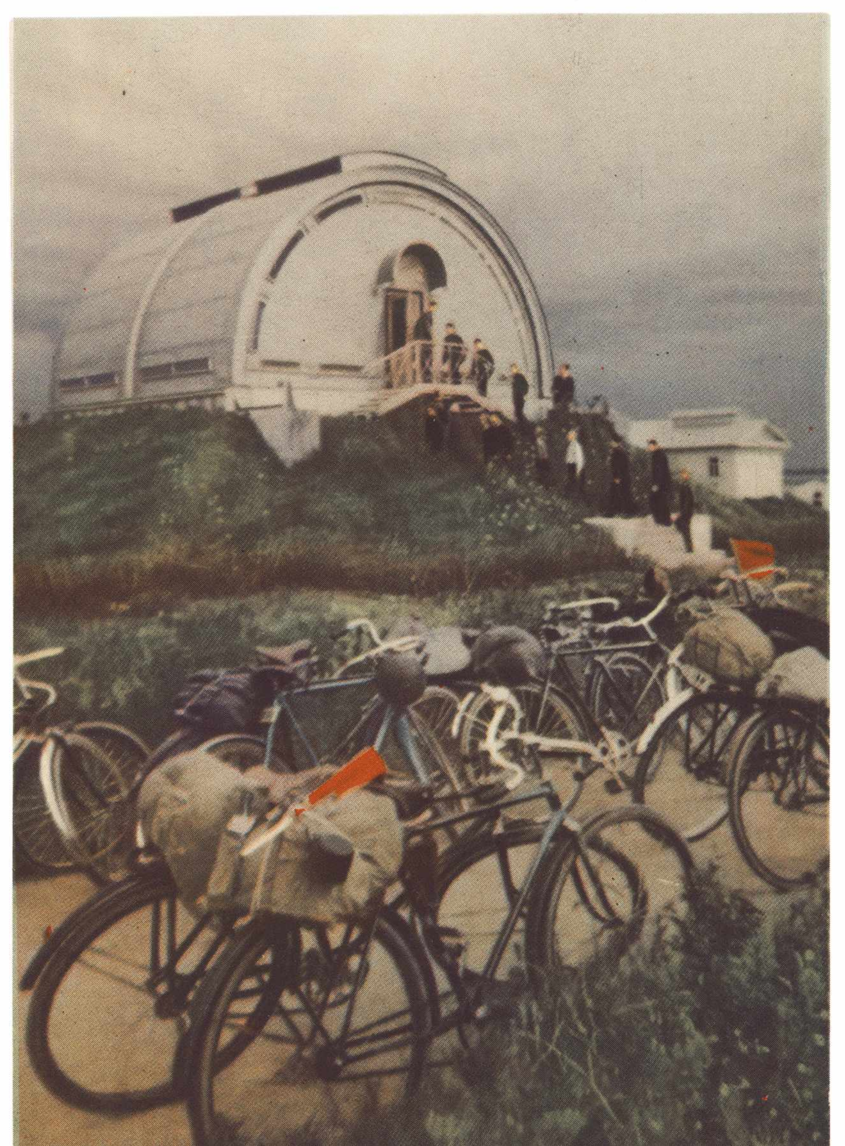
На куполе каждой башни, как на каске пожарного, виднеется продолговатый гребень...

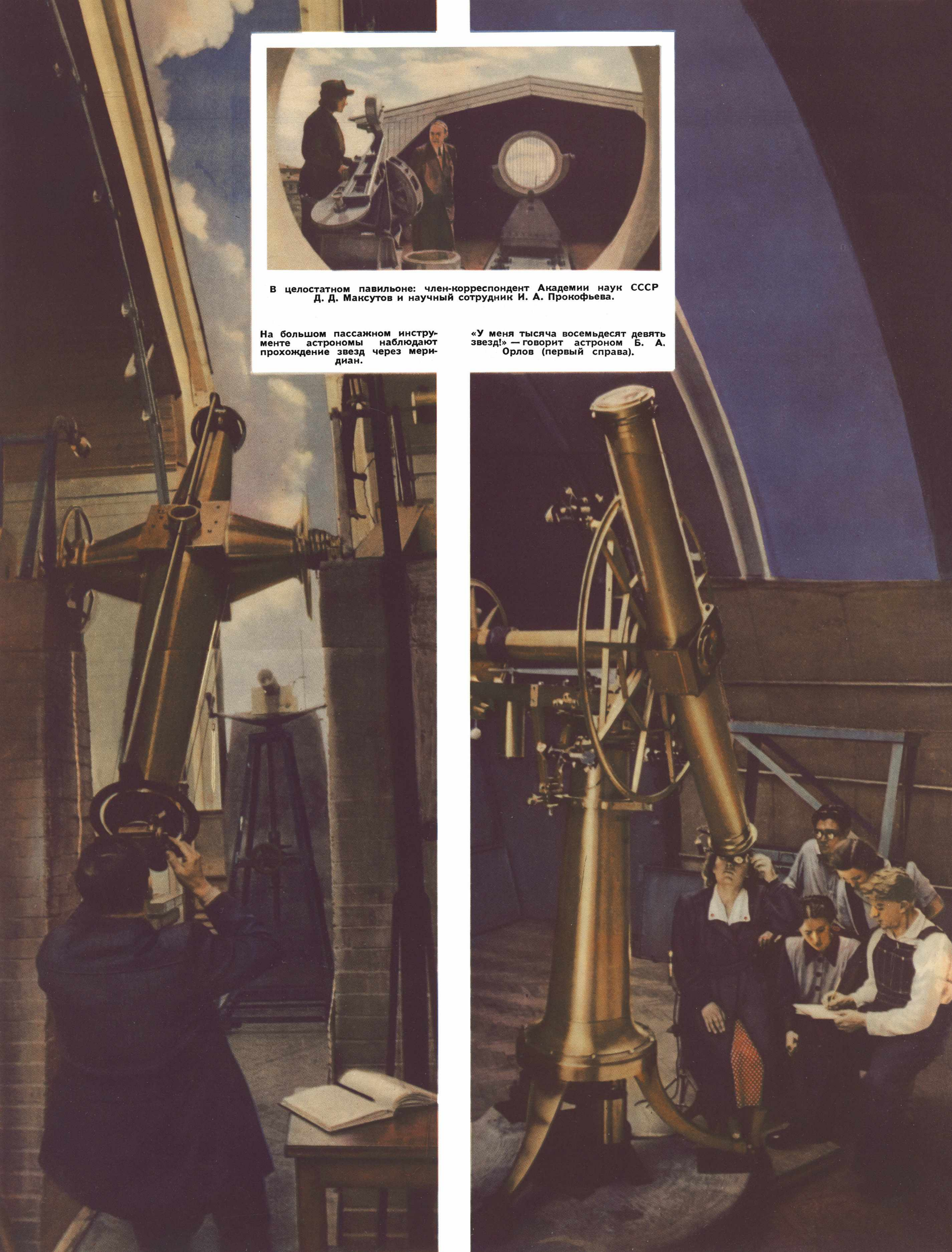
Фото И. Тункеля.

Через Пулково проходит меридиан, почти совпадая с направлением идущего из Ленинграда шоссе.

Школьников-туристов из Красного Села интересует астрономия.

В целостатном павильоне: член-корреспондент Академии наук СССР Д. Д. Максутов и научный сотрудник И. А. Прокофьева.

На большом пассажном инструменте астрономы наблюдают прохождение звезд через меридиан.

«У меня тысяча восемьдесят девять звезд!» — говорит астроном Б. А. Орлов (первый справа).

ПО БЕРЕГАМ *Аму-Дарьи*

Из путевых впечатлений

В. ТИТОВ

Уже который день плывем мы по реке. Пароход «М. В. Фрунзе» спешит с заданием. За собой он ведет на толстом, провисшем до воды буксире две металлические наливные баржи — «Треску» и «Стерлядь». Капитан Кириллин ведет судно по «рисунку воды» — по той особенной ряби, которая возникает сложно и пестро на узком речном «фарватере-быстряке».

На реке «завозно» и людно. Часто видим мы, как с низовий тянутся вереницы барж, груженных белыми кипами прессованного хлопка, накрытыми брезентом. А сверху, глядишь, уже спешит буксир, и баржи точно такие же, но гружены они уже иным добром: грейдерами, бульдозерами, тракторами, экскаваторами, канавокопателями. Обилие «землероев» удивляет.

Куда, зачем идут эти машины?

Кажется, что где-то там, ниже, идет сражение и туда подтягивают технику, резервы. Туда же едем и мы.

В памяти еще свежи воспоминания о реке, а уже земля несет навстречу новые впечатления, радует новыми просторами.

Мы сошли на берег в Чарджоу и теперь едем на машине, оставив город далеко позади.

Раннее солнечное утро. Земля, остывшая за ночь, набирает живительное тепло. Над нею кое-где начинает уже струиться нагретый воздух, сильно пахнет тутовником и дикими цветами. Это последние цветы приамударьинской земли, больше их не будет, весна отшумела, лето на исходе.

Мой спутник Павел Михайлович Савельев, начальник Чарджоуского облводхоза, молча посматривает через смотровое стекло вокруг. Я не впервые на этой широкой, мощной приамударьинской земле. Она пахнет вкусно, сытно, ее можно копать на два, на три метра в глубину, а мощный, добротный лесс ее будто неиссякаем.

Мы идем по дороге между двух полос оголенного тутовника. Поля, засеянные хлопчатником, который выбросил и нежит на солнце закрытые еще коробочки с хлопком, лежат справа и слева от нас. Но что-то непонятно волнует меня. Я не узнаю земли, по которой мы идем, лик ее мне не знаком. Для меня она всегда была землею «миллионов арыков», богатой, но очень трудной землей.

Вот, помню, двадцать лет назад с моим теперешним спутником двигались мы по этой земле, пробираясь, по местной поговорке, «где ишачком, где пешачком». Видимый горизонт ограждали валы земли, выброшенной из арыков. Валы эти делили на клетки и клеточки зримое пространство. Камыши заслоняли ближайшие перспективы, изменяли освещение, суживали видимый мир до комнатных размеров. Среди этих обработанных, засеянных клеток за валами вставали глиняные домики. Они стояли по два, по три, а иногда кучились целыми группами среди оголенного тутовника, воздевшего к небу, как руки, обломанные сучья. Земля «отрубов», земля вековечного «хуторского» пользования.

Вот, помню, кишлак Керрак. Он открылся нам тогда возле какого-то болотца и среди полей, напоминавших блины, в беспорядке уложенные на большом блюде. Одно поле было выше другого, другое ниже предыдущего. На валах и у валов скрипели чигири — водоналивные колеса — с подвешенными к ним глиняными кувшинами. Чигири приводились в движение сонными ослами. Лениво плескалась вода из кувшинов, подававших воду из нижних арыков в верхние.

Готовится новое поле.
Фото В. Кузьмина.

Сносится старый кишлак Керрак.

А страна уже завершала коллективизацию. И вот, помню, как керракская молодежь показывала нам свой первый красный уголок и первые книги библиотеки. Нас водили за какие-то старые, брошенные арыки и показывали «зендан» — яму, куда сажали байских должников. Потом нам показывали тыкву. Это был ветхий, сухой сосуд с двумя отверстиями на тупых концах его — большим и малым. На тыкве была вырезана тамга. Это был сосуд прежнего долготерпения и счастья керракцев. Совсем еще недавно было так: байский мираб, распределитель воды, наполнял эту тыкву водою и подвешивал ее к головной части арыка. Мираб открывал воду из Куль-арыка, и сколько времени капала вода из тыквы, столько времени и пили воду Аму-Дарьи керракские поля.

Но я помню, как тогда керракцы уже смеялись над тыквой. Куль-арык, хоть и старый, кривой, метавшийся невидимо между валов земли на всем протяжении от реки до песков, стал собственностью народа и собственностью керракцев. И уже с истрепанной, старой картой в руках бродил тогда по его рукавам и изгибам молодой студент Ташкентского института ирригации и механизации сельского хозяйства Павел Савельев, мой сегодняшний спутник.

...Я видел поля керракцев и позднее. Повсюду на колхозных приамударьинских землях дехканские руки взялись за невиданную тогда работу. Выравнивались площади мелких наделов, заваливались отдельные, прежде индивидуального пользования, арыки. Вот тогда и появились на берегах Аму-Дарьи поля в три и пять гектаров. На них мог уже развернуться трактор с корпусным плугом.

Но все же казалось, конца и края этой работе не будет. Валы земли, тысячи арыков, «кочующие» по полям дома, непросыхаемые от сбросовых вод болота, изуродованные и заброшенные земли, сухие пустоши — как со всем этим справиться?

И вот справились!

Машина уже полчаса идет полями. Поля лежат просторные, широкие, засеянные хлопчатником, который лопушится, нагретый солнцем. Иногда поля стелются шелковым зеленым ковром — это, благоухая медом и свежестью, бушует люцерна. Выровненная, раздольная земля! Только один раз по высокому, прочному мосту пересекаем мы широкий полноводный поток, который лежит в низких зеленых берегах, как луговая российская речка. И как-то по-особенному, донельзя четко обострено внимание.

— Да скажи же что-нибудь, спутник!

Но спутник улыбается, глядит через смотровое стекло. Он вглядывается вперед, где уже в назревающей жаре, поблескивая металлическими частями, ведут какой-то непонятный хоровод машины. А! Так вот почему земля ровная, вот куда делись арычные валы! Там, впереди, с мощным ревом идут бульдозеры и грейдеры, ровняя землю. Они кружатся по спирали вкруг болотца, от которого остается на виду уже немного, и сваливают в него коричневую, пронизанную корневищами трав землю. А еще ближе к ним бульдозеры, низко опустив ножи-резаки, с грохотом ударяют в стены придавленных глиняными плоскими крышами зданий и рушат их. Стены падают, разламываясь на куски. И так же, как у болотца, горбясь ковшами, один за другим подходят скреперы. Со скрежетом забирают они ковшами куски стен, отходят полукольцом к поросшей камышом низине и тоже засыпают ее. Ненужный, давно покинутый людьми кишлак на глазах исчезал с лица земли.

Я впервые вижу работу землеройных машин. Я вглядываюсь во всю эту дивную живую панораму. Передо мною лежит земля, ровная, коричневая, пахнущая солнцем, и нет уже на ней уродливых морщин, лик ее изменен. Готовится поле.

— Гектаров под пятьдесят будет! — Это говорит мой спутник, останавливая машину и с удовольствием поглядывая перед собой.— Остатки кишлака Керрак. Ты, вероятно, помнишь его. Теперь это земли колхоза имени Карла Маркса.

Машины останавливаются на «большой перекур», «землерои» собираются кружком вокруг Павла Михайловича. Мой спутник хорошо знаком им.

— Эх, и земля же! — говорит, здороваясь с ним, десятник Алексей Малиновский.— Режешь ее из-под самого низу, а она там еще жирнее. Втянул ты меня в эту работу, Павел Михайлович, никогда не думал, что землероем буду.

...Нигде не требует так много для себя человеческого труда земля, как на амударьинских побережьях. Чтобы изменить лик земли в один гектар, требуется с него срезать и переместить до четырехсот кубометров земли. По области это составит цифру в сорок миллионов кубометров. Земля жадна на человеческий труд. И хоть не бранно, не в ругань, а называли прежде дехкане свою землю мачехой. На земле и сейчас приходится работать круглый год: без этого она не дает урожая. Эта почва состоит не из маленьких комочков земли, как черноземные структурные почвы; тонкие корешки растения не могут их обойти, обхватить и углубиться дальше в поисках пищи и влаги. Растение здесь вынуждено пробивать почву, как буравом, посылая глубоко в землю основной, стержневой корень. Чтобы растение росло нормально, ему нужно создавать постоянно условия для дыхания. Потому так много и уходит труда здесь на культивацию почвы.

Потому на амударьинских полях так и боятся дождя летом, когда растет хлопчатник. Едва появится туча, едва сквозь изнуряющий жар дня почувствуется влажная прохлада, как дехканин с тревогой поднимает голову к небу:

— Эх, пронесло бы ее скорее!

Ведь что получится, если пройдет дождь! Он размоет мелкие взрыхленные лессовые комочки почвы, на рядках с растениями образуется сплошная глинистая корка. И тогда вновь принимайся за работу, пускай в дело пропашник-культиватор, чтобы открыть доступ воздуху для дыхания хлопчатника. Нет, на Аму-Дарье проще и лучше полить поля из оросителя. Опытный поливальщик пустит на поле столько воды, что она покроет только две трети рядка, на котором растет хлопчатник. Вода в междурядьях скоро просочится в землю, а верхушка рядка, не тронутая и не замытая влагой, попрежнему будет свободно пропускать воздух к корням.

Вторая причина — соль. Она залегает глубоко в почве, и как ни экономно, как ни умело орошают поля опытные поливальщики, все равно соль по несметным капиллярным сосудам поднимается снизу, близко подходит к поверхности земли и засолоняет ее. Вот почему и приходится промывать амударьинские поля ежегодно; как только наступает осень, землю заливают водой. Вода просачивается сквозь почву и уносит вниз с собою соль. Почва очищается — «простирывается», как говорят агрономы.

— Ты, наверно, помнишь это поле? — обратился ко мне Кадыр Овезов, председатель колхоза имени Кирова.— На нем было ровно девяносто постоянных арыков. У нас его тогда так и звали — «тагсын-арык». Ты помнишь?

— Помню,— ответил я Кадыру.

— Вот,— продолжал он,— девяносто постоянных арыков. А теперь вон, и то вдоль дороги, идут два временных. Они берут воду прямо из магистрального канала Куль-арык. Да вон и он за тем дальним полем. А ты даже и не заметил Куль-арыка. Он тянется от самой Аму-Дарьи на семьдесят пять километров. Прежде он на всем своем протяжении напоминал крепостные валы. Самого его и не было видно, одни валы стояли. Ну, теперь валов нет: гидромониторы размыли. Как это в русских песнях поется про поле: «Полюшко-поле, полюшко, широко поле!»? Ну вот. У нас таких слов не было в песнях. У нас вместо слова «поле» употреблялось «танап», делянки. Про них, конечно, и песни другие пелись. А теперь и у нас можно сложить песню про чистое поле. И про реченьку тоже. В ровных бережках бежит Куль-арык!

Пришли на поле поливальщики. Они кивнули председателю издали и открыли задвижки в блоках у края оросителя. Вода всхлипнула и заструилась широкими лентами в канавы на поле. Вот она добежала до конца канав, поднялась в них и заструилась медленно в междурядьях. Было отрадно видеть, как в междурядьях бежали навстречу друг к другу из канав, поблескивая на солнце, живые полосы воды. Вот они сомкнулись, вода поднялась, и все это большое зеленое поле вдруг оказалось заключенным в зеркальную разграфленную сетку влаги.

— Молодцы,— сказал в сторону поливальщиков Овезов,— хорошо поливают!

Мы идем по обочине поля, топча последние цветы лета.

В одном месте на канале работал землесос. Опустив кривой рукав трубы глубоко в воду, он засасывал песок и выбрасывал его по вздыбленной над берегом трубе вместе с водою.

— Таких землесосов,— оживился мой спутник,— на каналах только одной нашей области работает сейчас шестьдесят пять. Вот этот первым пришел на Куль-арык в тридцать четвертом году. С тех пор он и не выходил отсюда. Ветеран. Запомнил, как давеча Кадыр Овезов говорил об освобожденных теперь рабочих руках? Что это значит в цифрах? Нет, нет, именно в цифрах. Прежде, до введения механизации, в области на очистку каналов выходило двенадцать тысяч человек. Эти работы длились пять месяцев. Теперь эту работу выполняют шестьдесят пять таких вот небольших землесосов. А это значит, что они ежегодно выбрасывают до восьми миллионов кубометров песку и ила, которые приносит в каналы Аму-Дарья.

И тут Павел Михайлович рассказал увлекательную историю борьбы за новый магистральный канал. Он рассказал, как для этого была использована система существовавшего Куль-арыка, как выбрасывались целые ответвления его, спрямлялись кривизны, задерживающие ток воды, как спрямленные отрезки углублялись, как возникали на нем первые распределительные узлы, смывались гидромониторами вековые отвалы земли на его берегах.

Вечереет. Мы подъезжаем к главному заборному сооружению на Куль-арыке. Показались белый домик в зелени фруктовых деревьев и мощные опоры плотины. Приамударьинская лесная полоса земли тонет в легком тумане испарений. Чувствуется близость реки. Там шумит камыш, клубятся темной зеленью купы деревьев. На ночной присад пролетели утки.

Щиты на плотине подняты, и амударьинская вода с шумом врывается в канал.

В сумерках, после чаю, мы выходим слушать воду. Все уже тонет в сгущающемся мраке. Земля и вода остывают. Где-то недалеко затрещали тростники, раздался чей-то истошный вопль.

— Кабаны шакала полоснули. Придется почистить ружье: как бы они у меня картошку не «выпахали»,— сказал Константин Алексеевич Маклаков, техник главного сооружения.— Ну, как поет вода, славно?

Да, славно поет вода. Неумолчный лепет струй у берегов и мощный шум у плотины будят и волнуют чувства. Да, вода и земля здесь крепко обнялись. И не нужно идти далеко в пустыню искать необжитых мест. Как много здесь на берегах нужной и неотложной работы!

Пришел Чары Наврузов, старший вахтер узла. Он принес что-то тяжелое, мокрое и подвешивает позади нас на дерево. Скоро там по сухой земле что-то зашлепало. Я оглядываюсь. На дереве висит тыква. Из нее падают на землю тяжелые капли воды. Подле дерева стоит старый Чары Наврузов.

— Ты зачем это повесил? — спрашивает техник Маклаков.

— Хочу показать товарищу, как мы прежде отмеряли воду.

Маклаков смеется.

— Садись, Чары, будем говорить,— просим старика.

Он садится, и мы говорим. Мы говорим об Аму-Дарье — щедрой извечной поилице этой земли, о старых эминах — самоучках-строителях прежних каналов, о наших землеустроителях и машинах, о полях, о Павле Михайловиче Савельеве, о земле и люцерне. На Аму-Дарье кричит пароход.

А за нами, как бы отсчитывая минуты течения воды в канале, глухо шлепает на землю тяжелые капли тыква. Скоро она замолкает. Только Куль-арык шумит у плотины. Он ни на минуту не хочет стихать.

Саят, Чарджоу.

«Мы близки сердцами...»

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Вторая повесть о настоящем человеке

В польском городе Познани недавно опубликована «Вторая повесть о настоящем человеке». Автор повести З. Мыщцынова рассказывает о судьбе польского юноши Станислава Перунека. Попав под колеса поезда, он потерял обе ноги. Как быть? Что делать дальше? Кипит новая жизнь в маленькой деревне Лютогнев, важными делами заняты друзья из Союза польской молодежи, а Станислав не может встать с кровати...

Как-то друзья принесли Станиславу голубую книжку с белым самолетом, нарисованным на обложке. Это была повесть Бориса Полевого. Подвиг советского летчика вдохнул силы в павшего духом польского юношу. Он решил, что тоже научится ходить без палки, без костылей, как научился в свое время Алексей Мересьев.

Эта новость стала известной в каждом доме деревни Лютогнев. Все знали и любили Стаха Перунека, и все хотели видеть его снова жизнерадостным. В Познани для него готовили протезы, но он уже не мог лежать без дела. Стах связался с кружком Союза польской молодежи. Оказывается, он был нужен! Юноша много читал, учился. Его избрали казначеем. У его кровати часто проходили собрания.

И вот привезли протезы. Друзья помогли Стаху встать с постели, он сделал первые шаги — сначала с костылями, потом с палкой. Гимнастика утром, днем, вечером.

Теперь Стах ездит на мотоцикле и велосипеде и ходит без палки. Он много и хорошо работает.

«Вторая повесть о настоящем человеке» рассказывает не только о судьбе Стаха Перунека, она говорит о дружбе, о том, как члены Союза польской молодежи помогли своему товарищу вновь стать на ноги и в буквальном и в переносном смысле этого слова.

Они стали трактористами

Алексей Петрович Маресьев никогда не видел албанского юношу Али Аязи и все же знает его.

— Это храбрый юноша,— говорит Алексей Петрович,— и я могу рассказать о нем, потому что он мне часто пишет.

Али родился в деревне Влаши. С малых лет отец отдал его кулаку, так как есть в доме было нечего. Почти весь урожай с огорода кулак забирал за старые долги. Но ему хотелось завладеть огородом целиком, и выстрелом в спину он убил отца Али. Наверное, так же расправился бы кулак и с самим Али, но с гор пришли партизаны...

Вскоре Албания была провозглашена народной республикой, и Али стал солдатом. Его послали на юг страны, на границу...

— Впрочем, я покажу его письмо.

Алексей Петрович поднялся, взял папку и вернулся к столу...

«Если бы ты видел, Алексей, как меняется моя страна! На полях появились тракторы. Сказать по правде, у нас сейчас машин в деревне больше, чем раньше было ослов. Повсюду открываются новые школы... Но нам приходится охранять свою страну. Наши пограничники отвечают ударом на удар бандитов. Я был тяжело ранен в бою с врагами народной Албании...»

— Дальше здесь обо мне,— сказал Алексей Петрович.— А вот в конце письма:

«Лежа в госпитале, дорогой Алексей, я прочитал книгу «Повесть о настоящем человеке», и захотелось познакомиться с тобой. Из госпиталя я вышел без ноги. Не буду говорить о том, что я пережил, как я страдал. Ты сам все это испытал... После тяжелых дней меня послали в санаторий, на берег моря. И здесь я представил себе твой образ. Ты полз по снегу много дней и все-таки вернулся в строй. Вот Алексей, думал я, снова стал летчиком, Героем Советского Союза. Почему же я не могу стать трактористом? Об этом я и решил написать тебе...»

— Ну, а что дальше?

— Он стал трактористом,— ответил Маресьев.

Водит трактор теперь и Ярослав Чермак. О нем пишет известный чехословацкий писатель Иржи Марек:

«Он потерял до запястья обе руки. Он нам сам рассказывал, что считал это большим несчастьем, но после того как увидел фильм о Мересьеве, понял, что не может, не должен остаться за бортом. Он научился владеть трактором и сейчас стал хорошим водителем. Ярослав Чермак снова стал человеком, вкушающим радость жизни».

Письмо из Пекина

В длинном конверте, испещренном иероглифами, письмо из столицы народного Китая. Сун И-шен живет и работает в Пекине, в первом Фыншенском переулке, дом № 20. Есть у него мечта — переписываться с Алексеем Маресьевым,— потому что, как он пишет: «Мы близки сердцами, хотя нас разделяют большие расстояния».

Около десяти лет назад Сун И-шен в бою с японскими захватчиками потерял ногу. Вместе с другими ранеными его спрятали в пещере. Шесть дней провел он здесь без щепотки риса во рту. Его спасли китайские женщины. Теперь он снова работает и учится.

«Я узнал о ваших героических подвигах,— пишет Сун И-шен Алексею Маресьеву, — и они вдохновили меня. Вы являетесь не только Героем Советского Союза, вы и наш герой. Слава о вашем подвиге облетела всю нашу страну, и вас полюбили. Это имело большое воспитательное значение. Мы усердны в труде, и разве может кто-либо сомневаться, что мы построим коммунистическое общество и вечно народ наш будет жить прекрасной и счастливой жизнью!»

Это обрадует советских людей

Мила Ганчилова живет в Праге. Она преподает русский язык. Однажды ее познакомили с известной греческой партизанкой Катиной Каранрениду. Оказывается, Катина хочет изучить русский язык. Не один вечер провели они вместе. Когда Мила Ганчилова узнала историю жизни своей новой ученицы и подруги, она сказала ей:

— Ты должна написать об этом в Москву. Советские люди должны узнать о твоей борьбе, о твоем подвиге. Это их обрадует.

Катина отказывалась. Она считала, что нескромно писать в Москву о себе. Тогда Мила Ганчилова сама взяла карандаш и бумагу.

— Мы напишем в Москву вместе по-русски,— сказала она весело.

И вот первые строчки этого письма:

«Вы, наверно, не знаете, кто вам пишет, советские товарищи! Пишут вам две девушки: одна гречанка, другая чешка. А почему мы вам вместе пишем? Потому, что работа нас соединила, и мы подружились».

Из письма мы узнаем, что Катина участвовала в народно-освободительной борьбе греческого народа. Дважды она была ранена в боях, но возвращалась в строй. Но вот ее ранило в обе ноги. Не было врача, не было больницы.

«Я проехала без помощи, тяжело раненная, почти 300 километров,— пишет Катина,— и товарищи думали, что я погибну и все кончится. Но я была сильный человек, и я прибыла в больницу, подверглась операции. Ждало меня тогда много страданий.

Потом однажды врач принес мне книгу о настоящем человеке. Я видела в этой книге, как герой получил протезы и начал ходить, как начал танцевать и снова работать. Когда я все это узнала, я сказала себе, что тоже смогу так сделать».

* * *

Во всех этих рассказах и письмах так много силы, веры в человека, в его высокое призвание! В них вырисовывается облик настоящих людей, заслуживающих самого высокого уважения.

Ярослав Чермак.

ЛИЛИЯ-ТИГРИЛИЯ

Рассказ

Иван ЕГОРОВ

Рисунки Г. Храпака.

Среди небольшого дворика, на площадке между цветочными клумбами, дымится самодельная летняя печка с высокой трубой. Рядом у столика хлопочет Вишнякова, секретарь парторганизации МТС; она разделывает тесто для пирожков. Ей помогает, точнее, мешает, одиннадцатилетняя дочка Лиля.

Девочка исподлобья смотрит на мрачноватого гостя, бригадира тракторной бригады Рогова. Это отец Лели Роговой, которая учится вместе с Лилей. Мама пригласила Рогова на пирожки, он даже не поблагодарил, хотя и не отказался. Сел на табуретку, перелистывает какую-то маленькую книжечку и не читает, а злится то ли на книжечку, то ли на лилину маму. Видать, Рогов и мама поссорились.

Когда мама вынесла из дома книжечку и передала ее Рогову, между ними произошел довольно грубый разговор. Мама сказала: «Повторяю, что тебя лень заедает». На это Рогов сердито возразил: «Только у меня и делов, что книжки читать». После этого мама сказала: «Ну посиди маленько, сейчас будем есть пирожки с мясом». И вот Рогов сидит, курит и, видимо, не пирожков дожидается, а придумывает, какую бы грубость сказать маме.

Толстые черные брови Рогова сдвинуты к переносице, папироску он держит в уголке рта, дым от нее идет по направлению к левому глазу, потому Рогов прищуривает левый глаз, и от этого лицо его становится еще более сердитым и озабоченным. Правым глазом Рогов поглядывает то в книжечку, то на лилину маму. Лилина мама отсекает ножом небольшие кусочки теста, проворно обкатывает их ладонями, укладывает в ряд, чуть прихлопывая сверху.

Девочка вылепливает из теста какую-то птицу. Определив, что для хвоста птицы не хватает материала, она протягивает руку к большому куску теста. Мать отодвигает ее руку:

— Ты, Тигрилия, не лезь, куда тебя не просят!

— Как? — переспрашивает Рогов. — Как ты называешь свою дочку?

— Тигрилия. Это не имя, а кличка. Присвоена она девчонке за безграмотность.

Девочка пояснила:

— Все из-за тех вон цветов. Видите, которые оранжевые, с крапинками. Когда я была маленькая, я их называла лилии-тигрилии, а правильно, по-латыни, они называются лилиум тигринум.

— По-латыни?

Рогов с каким-то злым недоумением посматривал на Вишнякову.

— Выходит, Надежда Павловна, ты своего ребенка латынскому языку обучаешь? А ежели дите не тянет, так ты уж и дразнишься. Видать, ты всех поедом ешь за «безграмотность».

— Ага, всех поедом ем. А больше всего люблю есть пирожки с мясом и со свежим луком.

Вишнякова подошла к печке, приоткрыла одну кастрюлю, осторожно принюхалась к запаху пара, отодвинула в сторонку более крупную посудину, поставила сковородку и залила ее маслом; затем принялась стремительно, с какой-то особой, щеголеватой артистичностью начинять пирожки фаршем. Ее румяное лицо светилось веселой улыбкой.

— Лучше бы тебе готовить на электричке, — заметил Рогов.

— Тигрилия спираль попортила, а запасной нет. Да на той плитке не очень и развернешься. У нас сегодня не только бульон и пирожки, нужна еще и горячая вода для небольшой стирки.

Рогов внимательными глазами присматривается к ее работе, губы его чуть-чуть улыбаются. Приметив это, Вишнякова рассмеялась звонко и весело.

— Я знаю, Рогов, о чем ты сейчас думаешь.

— Может, и знаешь. Ты же все знаешь.

— Все знаю. Ты сейчас думаешь: вот тут, около печки, самое подходящее место для бабы. А она суется в политику, морочит нам, мужикам, головы. Ведь так же?

— Нет, не угадала. Про печку и про политику, я, конечно, думал, только по-другому. Я удивляюсь не тому, что ты партийную работу выполняешь,— кому это в диковину!— а вот стряпаешь ты, Надежда, оказывается, ловко, я бы сказал, квалифицированно. Не разучилась, значит?

— И никогда не разучусь. Люблю, грешница, всякие женские дела: сготовить что-нибудь вкусненькое, сшить хорошее платье или блузку, если понадобится, так и с вышивками могу — и гладью и по канве. Не веришь? Спроси вот у Тигрилии, она подтвердит, что я и себя и ее обшиваю.

Девочка подтвердила, что ее мать — первоклассная портниха.

На сковородке зашипело масло. Вишнякова, защищая ладонью лицо и сильно прищурив глаза, проворно заполнила сковородку пирожками.

— Вот как расшипелось, распенилось! Показать бы нашим сельповцам, спросить, чем они торгуют. Хорошо очищенное масло никогда не станет пениться...

Рогов молчал, думая о своем.

— Может быть, ты вчера правильно меня разгромила, раскритиковала. Только зло берет: зачем при учетчике ругала? Но не в этом дело. Глянул я сейчас на твою стряпню и вспомнил, как мы с тобой похлебку варили в степи и как ее дождем залило...

— Подвигайся к столу, вот сюда... Лиля, позови бабушку. Эх, жалко, наш папка в командировке, любит он бульон с пирожками... Да, а тогда голодновато было, как похлебку дождем залило.

Из дома по ступенькам осторожно, придерживаясь обеими руками за перила, сошла бабушка Вишнячиха, худенькая, слабая здоровьем, но спокойная, даже веселая. Присмотревшись, она кивнула головой:

— Петро пришел. Здравствуй, Петя! Редкий ты у нас гость.

— Редкий, бабушка, да меткий: в аккурат под пирожки угодил... Мы тут с Надеждой вспомнили про одну недоваренную похлебку. От той похлебки дума у меня пошла через всю жизнь, вот до сих пор... Вместе мы с тобой, Надежда Павловна, в пятилетке учились, ты в первом классе, а я уже в третьем. Подросли, вместе работали прицепщиками... Помнишь, тебе ногу диской прихватило, ты и давай реветь... Потом рулевыми-подручными. Самостоятельно я сел на колесный маленько раньше тебя. Потом ты после курсов тоже села на трактор. Так и шли ноздря в ноздрю... Да... И не заметил я, на каком повороте ты меня обставила на три корпуса, если не больше.

Вишнякова пополнила тарелку гостя пирожками.

— Ешь, Петро, да продолжай в том же духе. Тут, я гляжу, дело дойдет до самокритики. Это хорошо.

— Да брось ты, Надежда Павловна, тут не собрание, а так просто поглядел я: стряпаешь ты точь-в-точь как моя Наталья. И в академии учишься, — вон ведь куда прострельнула... Дите свое латынскому языку обучаешь. А я, гляди, и по-русски путем слова сказать не могу.

Заметив, что домашняя обстановка слегка разнежила Рогова и он не двинется дальше благодушных сопоставлений, Вишнякова подперчила беседу:

— Да, приотстал ты, Петр Кузьмич, крепко приотстал. Теоретически ты совсем слаб, и общее развитие продвигается плохо. Причина тут совершенно ясная: лень. Ленивый ты, Петр Кузьмич, да балованый, привык при нянькях жить.

— Чего? Опять про лень?

Рогов вскипел. Отодвинув тарелку, он уставился злыми глазами в лицо Вишняковой.

— Я ленивый? А ты ретивая? Ты эту чепуху скажи еще кому-нибудь. Мне орден до войны дали за мою «лень», второй после войны получил да с войны кое-чего принес. Ленивый... А у тебя, у ретивой...

— И у меня, Петро, кое-что есть. Да ты сиди и не скандаль, а то мы с Тигрилией не дадим тебе компота, тогда попляшешь.

Старая Вишнячиха замахала руками.

— Надя! Да что же это ты так человека распекаешь? У него, у Петра, золотые руки, а ты...

Вишнякова разлила компот и принялась расхваливать его составные части: сушеные абрикосы, вишни, груши, терн и свежие черешни.

Рогов с молчаливым пренебрежением выслушивал эти пустые россказни, видимо, рассчитанные на то, чтобы еще раз подчеркнуть: вот, мол, я какая — и повариха, и портниха, и политический работник. Расхвасталась...

Пока Вишнякова убирала и мыла посуду, Рогов рассеянно осматривал цветочные клумбы, занявшие почти всю свободную площадь двора. Его сопровождала Лиля. С вежливостью доброй хозяйки она рассказывала:

— Это львиный зев, а по-латыни называется антирринум майюс. Эта вот низенькая, а красивая какая, — виола одората. Одората — значит пахнет хорошо, понюхайте-ка... А это сальвия рубра...

— Ты в какой школе учишься? — спросил Рогов.

— Во второй, вместе с вашей Лелечкой.

— Там, что же, в школе, латынский язык, что ли, изучают?

— Нет. Да я и не умею ни читать, ни писать по-латински... Когда мама покупает цветочные семена, так на пакетиках написано по-русски и по-латински; мама читает, а я запоминаю наизусть.

Старуха спросила:

— Смотришь, Петя, на цветочки, да радуешься, да удивляешься?

— Нет, не удивляюсь. Чего же тут удивительного?

— Это вам, молодым, кажется не удивительно.

— Молодым, говорите? Мне уже сорок третий год.

— Все равно, Петя, есть удивительное. Жили мы в навозе, да в мякине, да бог знает в чем. Тут вот коровенка стояла, в катухе, там кобыла, вот тут, где ты стоишь, свинюшник был, хотя свиней и редко водили — чем их кормить? А вон там, где флоксы, курятник был. И радуешься, бывало, что коровка держится и курочки абы как, через силу живут; озадков бы им подсыпать, да самим зиму перегоревать надо, пущай куры-то сами себе харчи ищут...

Старуха тихонько рассмеялась и раскашлялась.

— А ноне флоксы, да виолы, да всякие тебе лилии-игрилии. А на столе пирожки с мясом, да еще булиён, и тоже мясной И каждому своя тарелка. У нас-то, бывало, на всю хату две деревянные чашки, и те пустые. А ноне чего делается... Вот эддак схитрили наши мужички, вот эддак словчили! Какую себе жизнь удумали! И комбайны у них, и тракторы, и разные там культиваторы... Надька моя на автомобиле катается и ведь не расшибется, знает, какой винтик куда повернуть. Значит, обучили ее, Надьку-то. И тебя, Петя, обучили, вон ты какой ноне стал: тоже на мотоциклетке катаешься и не боишься. До чего ж все ловкие да умные стали, это же просто удивительно!

Вишнякова, покончив с посудой, уселась под деревом и закурила.

— Иди, Рогов, покурим.

Старуха заворчала:

— Доброго-то много, да и плохого хоть отбавляй. Баба, а курит. Тьфу!

— Все это, мама, из-за них, из-за мужиков. Куда ни придешь, куда ни приедешь, они как начнут дымить, так голова раскалывается, тошнота берет, сил никаких нету. Начинаешь ругаться, а им смех. Ага, думаю, коли вы такие, так и я такая. Со злости взяла и закурила. Теперь меня на собраниях ничем не прошибешь, не выкуришь. Да оно мне и кстати: толстеть начала.

Рогов критически оглядел полную, но еще крепкую, хорошо собранную фигуру сорокалетней женщины.

— Да, увесиста стала.

— Ты это хвалишь или порицаешь?

— Чего же тут порицать? Харчи хорошие. Работа... ну не так, чтобы уж очень пыльная, а, можно сказать, умственная работа, словесная. Чего бы и не толстеть?

Вишнякова вздохнула:

— И в этих вопросах ты, Петро, совсем не разбираешься. Ты думаешь, коли женщина начинает полнеть, так это хорошо... Плохо это, Петя: молодость кончается, энергия идет на убыль.

— У тебя? На убыль? Еще кому скажи. А ежели тебе вышесредняя упитанность не нравится, так будь ласкова, иди ко мне на трактор, там живо протрясет, и будешь ты опять спичка спичкой, как была. Да и мне бы избавиться от твоей чертовой энергии, житья от нее никакого нету, честное слово. Особенно в нынешнем году ты на меня взъелась.

Лиля заметила, что дядя Петро опять начинает сердиться, опять сдвинул свои толстые брови, голос у него густой, низкий. Вообще очень грубый папа у Лели Роговой. Не стоило бы маме раздражать его. Лиля ушла вглубь цветника.

Вишнякова веселыми глазами посматривала на Рогова. «Ругаться пришел — это уже хорошо, куда лучше, чем самодовольное спокойствие маститого механизатора. Значит, подействовала вчерашняя встряска. Рогов заслужил ее. Нельзя проводить политбеседу с такой вялостью, с таким равнодушием, как это допустил Рогов. Говорит о борьбе за мир и наших задачах, но говорит так, будто жвачку жует, мямлит, «отбывает повинность» парт-группорга. Даже позевывает во время речи. Раз нет в тебе огонька, так нечего и чадить, нечего показывать свою лень», — так отчитывала его Вишнякова. Слово «лень» вызвало гнев и озлобление Рогова. Сегодня разговор продолжается.

— Так как же, Петр Кузьмич, не хочется тебе читать эту брошюру?

— Нет, почему же, я ее прочту.

— Прочтешь потому, что я тебе ее навязала?

— На то ты и секретарь.

— Допустим, что так. Ну, а почему это в нашей МТС я являюсь секретарем, а не ты?

Рогов пожал плечами:

— У каждого своя специальность.

— У нас с тобой, Петр Кузьмич, одинаковая специальность. Ты перед обедом вспоминал, как мы вместе учились в пятилетке, вместе работали прицепщиками, трактористами, бригадирами. Никакой другой специальности у меня не было и пока еще нет, может, она будет, если сумею окончить Тимирязевку, а я ее, конечно, окончу.

Вишнякова принесла корыто, уместила его на двух табуретках и принялась за стирку.

— Ну, давай, давай, хвались дальше,— потребовал Рогов.— Я ж и говорю, что ты очень способная девка, потому и обогнала меня.

— И ты, Петро, способный человек, да ленивый — вот в чем дело.

Рогов озлобленно крякнул, сплюнул и поднялся, собираясь уходить.

— Надоела мне эта твоя песня, и нет в ней ни складу, ни ладу, никакого смысла в ней нет. Так только зря кидаешься на человека, как все одно тигр, али, скажем... тигрилия. Вот ты и есть Тигрилия!

Услышав свою кличку, из дальнего угла цветника отозвалась Лиля.

— Я сейчас, дядя Петя, я вам букетик нарву для Лелечки.

Вишнякова, выкручивая лилино платьице, с особым нажимом сказала:

— Повторяю и буду повторять, Петр Кузьмич: ленивый ты человек, аполитичный. Больше шести лет прошло с тех пор, как ты вступил в партию. Я не раскаиваюсь, что дала тебе поручительство. Но иногда задумываюсь: а в чем твоя партийность?.. Гектарами рапортуешь... Да кто же нынче не рапортует гектарами? Ранними сроками рапортуешь... Но ведь об этом нынче даже в газетах не печатают, не успевают,— заметил? Восемнадцатого апреля ты рапортовал об окончании весеннего сева, который выполнил за шесть дней на высоком агротехническом уровне...

— А что, плохо?

— Хорошо. Хотя, конечно, никакой тут особой победы нет. Не велика доблесть — посеять в срок при таком колоссальном машинном парке. Ну, а с восемнадцатого апреля чем ты занимаешься? «Профилактикой», скажешь? Мы с тобой знаем, что это несколько дней хлопот, лишенных малейшего напряжения. Полтора месяца твоя бригада отдыхает, режется в карты. Негде тебе в этот период использовать свой машинный парк больше чем на одну треть, и то с натяжкой. Бездельничает твоя бригада. И в этом не ее вина: обилие техники у нас, на Северном Кавказе, на Кубани, на Дону; быстрей с хлебом управляемся... Вот тут-то и всплывают, Петро, наши с тобой недостатки. Раньше мы, производственники, работали день и ночь, и в рапортах писали «день и ночь», и доказывали, что нам даже газету прочесть некогда, мол: производственный труд поглощает нас с ручками и ножками. Тогда считалось: раз мы с тобой сократили сроки и перевыполнили нормы,—значит, проявили всю свою партийность, исчерпали способности организаторов и вожаков масс. Так оно и было. Но, Петро, эта «день-и-нощность» давно кончилась. Сядь, возьми карандаш, подсчитай, что сработано за год, да разложи на весь парк по дням, по часам, и ты увидишь, что работаем мы с тобой и все наши механизаторы меньше, чем заводские промышленные рабочие. Меньше, Петро, меньше!

Рогов с живым вниманием и нескрываемой заинтересованностью слушал эти высказывания Вишняковой. «Экая чертовка, опять придумала что-то новое, интересное для агитации! Ее, конечно, будут слушать, будут задавать вопросы, разгорится шумная, острая беседа... Что ни говори, ловко Вишнякова работает по своей специальности!»

— Допустим, — сказал Рогов, — что мы меньше заводских работаем. Но ты учти, Надежда Павловна, они, заводские, под крышей работают, а наша крыша — вот она, целое небо; как захочет, так и накуролесит.

— Это оно может. А у нас в каждой бригаде полевой стан с двумя общежитиями, с красным уголком, с библиотекой, с комнатой бригадира. Тепло, светло, уютно. Почему не сыграть в карты, ведь так же?.. У тебя, Петр Кузьмич, досуга больше, чем у любого заводского мастера. А как ты его используешь, свой досуг? Я не приглашаю тебя ехать со мной на сессию заочников в Тимирязевку. Но стыдно слушать, когда ты как будто щеголяешь своей малограмотностью, и общей и политической: «Мы механизаторы, у нас такая специальность, а которые по политике, — у тех своя специальность, умственная, словесная...» О четвертой главе «Краткого курса» ты говоришь: «Не про нас писано...» А про кого писано? Для кого писано? До каких же пор ты думаешь ходить в этаких «маломощных середняках»?..

Подошла Лилия-Тигрилия с большим, пышным букетом цветов.

— Вот, дядя Петя, передайте Лелечке.

Она положила букет в огромные, будто чугунные руки бригадира, пропитанные всеми видами горючих и смазочных.

Рогов с суетливой растерянностью поблагодарил девочку:

— Ах ты, умница! Такие хорошие цветочки, право... Красненькие, синенькие... Ну, будьте здоровеньки... Заглядывай в бригаду, Надежда Павловна, а брошюрку я прочитаю, что надо выпишу и верну.

Он дошел до калитки, неся цветы на вытянутых руках, как носят горячие головни или особо хрупкую посуду. Попробовал нажать на щеколду локтем и промахнулся.

— Лиля! — позвал Рогов. — Открой-ка. А то лучше так сделаем: вот эти цветы... ты их возьми и сама отнеси своей подружке: мол, это тебе подарок. Ладно?

Девочка охотно согласилась. Она шла рядом с бригадиром, стараясь шагать в ногу. Рогов смущенно поглядывал по сторонам: увидят люди, подумают: «Чего это к Роговым цветы понесли, может, Наталья родила, а может, кто помер...»

Лиля рассказывала, как долго могут стоять цветы в кувшине, если каждый день менять воду. Некоторые могут продержаться больше недели. Потом уж начнут осыпаться, тогда на стебельках получаются стручочки и разные шишечки с семенами. Но это будут недозрелые семена. Дозреть они могут только в грунте, на корню. Сейчас еще во всем дворе не найдешь зрелых семян, потому что весна была поздняя и лето позднее.

— Как начнут семена созревать, я их сейчас же в пакетики. И на каждом пакетике надпись, чтобы не спутать, какие цветы, какой сорт... А у вас, дядя Петя, цветы не растут?

— У нас не растут.

Лиля вздохнула: плохо, что у Роговых цветы не растут.

— Ну, ничего. Я и для вас семян наберу в пакетики и напишу, как называются. Пусть

Лелечка приходит, мы с ней вместе будем семена собирать — и в пакетики. Хорошо?

— Оно-то, конечно, неплохо, — согласился Рогов. — Только видишь ли, какое дело, Лиля, у нас, как бы это тебе сказать... почва не подготовлена.

Девочка улыбнулась: экая, мол, важность!

— А вы ее с осени вскопайте лопатами и комки не разбивайте, вот и все. А весной граблями раз, раз — и готово. Потом грядочки по шнурку разобьете. У вас шнурок такой длинный есть? Если нет, мы вам свой дадим.

Рогов озабоченно крякнул: «Вот же пристала. Дите, а до чего липучее — вся в мать. Так и норовит опутать своим шнурком... Тигрилия...»

Он покосился на цветы. Девочка несла их на сгибе руки. Чуть наклонив голову, она прикасалась ухом к букету, видимо, ощущала прохладу лепестков и радостно улыбалась. Придет это дите в богатый мужицкий роговский двор, переполненный всяческой крикливой живностью, и распорядится: «Все, дядя Петя, надо перепланировать по шнурочку, по шнурочку. Вот тут будут флоксы, а вот тут лилии-тигрилии...» Н-да, вся в мать. Гляди, еще начнет допытываться: «А почему вы, тетя Наташа, в академии не учитесь?» Изволь, разводи с ней дискуссию.

— Слушай, Тигрилия, — сказал Рогов. — Ты иди, милая, туда, до нас, до Лели, поиграй там с ней, насчет семян расскажи, а я пойду по своему делу, в эмтээс...

В АПТЕКЕ

Шутка

Стоял прекрасный летний день. Солнечные лучи играли на разноцветных склянках, в образцовом порядке расставленных на полках. Посетителей было мало. Аптекарь успел прочесть всю газету от первой до последней строчки, и никто его не побеспокоил. Невольно стали смыкаться веки. И вдруг в аптеку влетел мальчик:

— Дедушка, отпустите, пожалуйста, валерьянки!

— Дурно с кем? — сочувственно спросил Яков Михайлович.

Мальчишка молчал.

Аптекарь достал из шкафа маленький пузырек:

— Молодой человек, передай больному: не более двадцати капель на прием.

Мальчик схватил лекарство и пулей вылетел на улицу.

Через несколько минут торопливо вошел средних лет человек. Он еще с порога пробасил:

— Валерьянки!

Вслед за ним появились два мальчика. Пошептавшись о чем-то и пересчитав деньги, они подошли к окошку и в один голос попросили отпустить им валерьянки.

«Что такое?! Все валериана да валериана!» — подумал Яков Михайлович.

Он вручил пузырек ребятам и хотел было спросить что-то, но не успел раскрыть рта, как их и след простыл.

Дверь скрипнула, и в аптеку вошел учитель математики.

— Чем могу быть полезен, уважаемый Александр Александрович? — спросил Яков Михайлович, пожимая пухлую ладонь учителя.

— Мне нужна валерьянка.

— Стоит ли, уважаемый Александр Александрович, прибегать к этому дамскому нервоуспокаивающему?

Аптекарь завернул пузырек в бумагу и подал его учителю:

— Пожалуйста. Желаю успеха.

Слово «успех» будто острым ножом резануло Александра Александровича. Он хотел что-то сказать, но закусил губу и торопливо вышел.

В этот день в аптеке посетителей было значительно больше обычного. Тут побывали: продавец магазина сельпо Яковлев, парикмахер Сидоркин, главный механик МТС Булкин... И все они, будто сговорившись, спрашивали только валерьянку.

К концу дня полка с валерьяновыми каплями опустела.

Перед самым закрытием аптеки в дверь с трудом протиснулась жена председателя сельсовета.

— Уважаемой Аграфене Семеновне! Чем могу быть полезен?

— Валерьяночки бы.

— На этот раз, уважаемая Аграфена Семеновна, к сожалению, не могу вам услужить. Последнюю порцию только что отпустил бухгалтеру Ершову.

— Чего это он надумал прибегать к бабьим каплям? Как бык здоров! Целыми днями на реке прохлаждается.

— Завтра валерьянка непременно будет.

На следующий день повторилась та же история. Спрос на чудодейственное лекарство все увеличивался и увеличивался. Когда иссяк запас валерьянки, стали требовать анисовые капли.

К вечеру в аптеку зашел старик Егорыч:

— Валерьяночки бы мне.

— Вся. Ни капли! — разводя руками, виновато проговорил аптекарь.

— Очень жалко. Хотелось бы испробовать. Тогда анисовых.

— Грудь заложило?

— Грудь в норме. Дело хуже! К нашему секретарю — Ивану Филиппычу — товарищ приезжал. Три дня пробыл. Как видно, рыбак отменный. У нас совсем не клевало, а он несколько штук таких выхватил — по заслонке! Кто-то из наших рыбаков пронюхал, будто он в кашу валерьянку подпускал для приманки. Вот и набросились. Поверишь ли, вся вода в реке аптекой провоняла. Захотел и я испробовать.

Дверь распахнулась, и в аптеку ввалилась ватага ребят. Они наперебой просили отпустить им рыбьей приманки.

— Никакой рыбьей приманки у меня нет! — сухо проговорил Яков Михайлович и бесцеремонно выпроводил рыболовов.

Когда Егорыч и аптекарь остались вдвоем, он осторожно спросил:

— А по-твоему, Егорыч, как? Помогает?

Старый рыболов улыбнулся и беспомощно развел руками:

— Видно, кому как... У наших пока результатов незаметно...

С. МИНАЕВ

Рисунки П. Бунина.

Пропс

Рассказ

Владимир ФОМЕНКО

Рисунки И. Семенова

Великое дело — охотничья жилка! Может она много лет, не беспокоя, дремать в человеке и вдруг в благоприятный момент проявиться.

Приехал в командировку «на село» инженер Сергей Сергеич Тищенко, консультировал в степном объединенном колхозе строительство электростанции и как-то вечером согласился на уговоры двух трактористов, агронома и деда-воловника «сходить по уточке». В жизни не брал Сергей Сергеич ружья в руки; пошел просто за компанию.

Ночью грызет всю компанию августовская, злая, как собака, мошка, утром тоже грызет. Днем печет голову солнце, парит от стоячей, перегретой воды, и Сергей Сергеич, растирает пот и мошкару на покрытой волдырями шее, хлопает себя по щеке, по затылку, пытается чесать грязными руками между лопатками. Непривычные босые ноги Сергея Сергеича изрезаны камышом и осокой, новые глаженые брюки, которые он вначале аккуратно подкатывал до колен, давно уже по самый пояс заляпаны нефтяно-черной болотной грязью.

...Но искусанный, исцарапанный, Сергей Сергеич случайно сбил уточку. Даже не уточку, а паршивенькую черную нырушку. И все! И уже он не просто инженер Тищенко, а о х о т н и к, то есть человек, заглядывающий теперь в магазины «Динамо», покупающий для своего только что приобретенного ружья нужные и ненужные барклаи, закрутки, выколотки, рикаперы.

Услышав в троллейбусе приглушенный разговор двух военных о стрельбе по казаркам на озере Гудило, он уже имеет право повернуться к ним и законно спросить:

— А что, на Гудиле тянет казарка?

И ему, не зная, как его фамилия и кто он, как своему, ответят:

— Малость есть. Только сидеть надо не над водой, а на жнивье. Отрыть себе окопчик там, где они пасутся.

И хоть Тищенко, провоевавший всю войну, рывший всевозможные окопы, ни разу еще не отрывал окопчика под казарок, он, пожав плечом, сочувствующе вздохнет:

— Ну, куда!.. Разве без окопчика возьмешь?

*

Уже пять суббот Сергей Сергеич совершенно добровольно ездит из своей теплой квартиры в ночь, в слякоть, в такую погоду, когда, как правильно говорится, хозяин собаку не выгонит за ворота. Тищенко поспешно берет ружье, заранее увязанный рюкзак с патронами и харчами и, остановившись у двери, слегка дотрагивается до плеча жены, виновато говорит:

— На следующее воскресенье, Машенька, ей богу, останусь дома.

Постепенно в семействе Тищенко расширяется охотничье хозяйство. Появляется банка с притертой стеклянной пробкой для пороха «Сокол», потом длинные сапоги, потом стеганка, и однажды Сергей Сергеич, будто вдруг вспомнив, сказал за обедом:

— А что, если мы, Машенька, заведем собачку?

— Но ее ведь, Сережа, выводить на прогулки надо. С четвертого этажа...

— Это ерунда! Я сам буду.

Сергей Сергеич знал, что «сам» выводить собаку он не будет, потому что он постоянно в командировках; а жена, видевшая, что он врет, деликатно промолчала, и это великодушие угнетало его. А ведь все у него уже было решено, даже кличка. Джим или Джек не годится. При чем тут Джек, если он будет жить у Тищенко, ходить на охоту под хутора Бессергеневку и Никитовку? Лучше всего Пропс. Оно, правда, напоминает «мопс», но пропс, крепежный материал для шахт,— хорошее слово.

Начались выборы породы будущего Пропса.

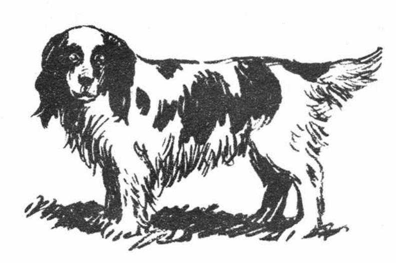
— Сеттер — это единственное, о чем можно говорить! — объяснял авторитетный собаковод, экономист Городецкий, показывая фотографии сеттеров на стойке по перепелу, на областных выставках, на походе у ноги хозяина.

И Тищенко всей душой остановился на сеттере, рыжем, волнистом. Много дней объяснял жене, что ей совсем не будет страшно одной: ведь в доме сеттер.

— Сеттер? — удивленно спросил встретившийся в трамвае тоже авторитетный собаковод Кочетов.— Куда вам этот телок? Заводите спаниэля! Собачка маленькая, портативная; посадили ее в рюкзак за спину — и куда угодно на велосипеде. Поедет кто-нибудь в Москву, попросите привезти щенка самолетом. Повозитесь, зато уж будете с собакой.

— Чепуха,— сказал на другой день Сергею Сергеичу слесарь домоуправления Захаров.— Единственная собака — курцхаар. Ваш

спаниэль — не на что смотреть: кролик! А репяхов наберется — не вычешешь. А курцхаар жесткошерстый, крепкий.

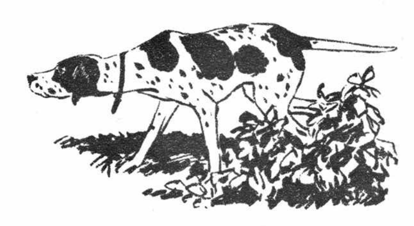
— Но ведь утку подраните — она нырнет, за камышину на дне зацепится,— говорит Сергей Сергеич,— ее ж только спаниэль достанет.

— Вы что ж, кроме утки, ничего стрелять не будете? А курцхаар и по утке ходит и по любой птице: болотной, степной... Он вам и

зайца поднимет... Универсал! Дело хозяйское, но не поговори вот с вами — и вляпались бы без курцхаара...

— Хочешь курцхаара? — презрительно отставил губу Иван Иванович Нечипоренко, представительный пожилой моряк, приятель еще покойного отца Сергея Сергеича.— Так заводи уж дворнягу!.. Будет дом стеречь... А на охоте ценится красота, культурная стоечка пойнтера.

— Иван Иванович, ведь курцхаар работает и в снегу и в ледяной воде.

— А тебе что, по тюленю ходить? Тебе, Сережа, по перепелу, по вальдшнепу нужно; чтоб пойнтерок тебе красиво нашел, чтоб он тебе культурную стоечку сделал! Вот зайдем, глянь щенков у моей Кетки... На Кетку глянь — человеческие глаза!.. Огонь!

Тищенко от Ивана Ивановича вернулся поздно.

— Машенька, пойнтерок!..

Достав из-под пальто, он выложил на пол упитанного чернопегого сосуна. Тот сразу присел и сосредоточенно напружинил спину.

— Ничего, я сам,— сказал Сергей Сергеич и побежал на кухню за тряпкой.

— Ты посмотри, Машенька, какой у Пропса щепец! А подвеса совсем нет, видишь? Ты понимаешь, Пропса пока выводить не нужно, даже нельзя. Можно только гулять... ему моцион нужен, я сам водить буду. А приучать к порядкам до четырех месяцев ни в коем случае: испортишь. Это ж порода!

Сосун сопит, тычется в руки. На его спине мягкие толстые складки, будто кожа шита на рост или предназначена для другой, гораздо большей собаки. Половина головы и одно ухо черные, другая половина белая, даже розовая, от проступающей сквозь шерстку чистой кожи. Губы солидно свисают книзу, и на каждой — пучок в пять — шесть волосинок: усы. Глаза мутные, неосмысленные.

— Огонь! — говорит Сергей Сергеич.— Ему, Машенька, надо в пищу подмешивать костяную муку. Я достану, приготовь только из-под крупы мешочек.

— Ты ж их все под дробь забрал!

— Ну, сошьем. А вот из чего ему придумать подстилку?.. Если от этой дорожки отхватить, вот так, а? Как раз квадрат получится — прилично, красиво. Резать, Машенька?

— Режь...

За обедом Сергей Сергеич бодро говорил:

— Приучать к разносолам не будем, без нежностей! Собака должна все есть. Налей ему борща, эта тарелка будет Пропса.

Тищенко сунул в борщ палец:

— Не горячо, как ты думаешь, Машенька? Попробуй! Ешь, Пропс. Пропс, возьми!

Сосун попятился.

— Собака любит строгость,— сказал Тищенко и, взяв Пропса за голову, сунул носом в тарелку.

Щенок вырвался, тряся длинными, мокрыми от борща ушами, брызгая на стены.

«Ничего,— думает Тищенко, опять побежав за тряпкой.— Вырастет — будет другом в поле. На охоте ведь без пойнтера, как без рук. Да и дома, может, сдружатся с Машенькой...»

Ночь Сергей Сергеич просидел за спешными бумагами, решив утром поспать лишних полчаса, до половины восьмого. Ровно в шесть сосун начал скулить. Тищенко окрикнул:

— Нельзя, Пропс!

— Пропс, не надо! — сказала Маша, покорно вставая с кровати.

Но Пропс взлаивал, орал все громче и напряженней. Его хозяин, избегая машиного взгляда, решительно натянул рубаху, поняв, что спать не придется.

Новый товарищ — Сергей Сергеич Тищенко — вступил на охотничью тернистую дорогу.

Рисунки Е. Ведерникова.

В Сибирь, в тайгу
Саянскую,
Я ехал на восток
По краю Красноярскому,
По множеству дорог.

Люблю необычайно я
В дороге к вечерку
На час заехать в чайную
И всласть попить чайку.

Заехал... Но, к несчастью,
Плита не горяча;
С неискренним участьем
Несут остывший чай...

А я люблю по-русски,
Чтоб был завар густой,
И сахарок вприкуску,
И кипяток крутой.

В другой с чайком
не скупо
И удружить хотят,
Но чай здесь вроде супа:
В кастрюлях кипятят.

А в третьей иль четвертой
Лишь то и выручает,
Что зав, к стене
припертый,
Пошлет домой за чаем.

Есть в пятой бухгалтерия
И зава кабинет,
Но — факту не поверил я! —
В ней вовсе чаю нет,
Зато всегда в избытке
Все прочие напитки.

Чтоб сделать все как
следует,
Сельповскую головку
Собрать я посоветую
На переподготовку.

А в смысле назидания
Картину с темой близкой
Крутите им
«Сказание»,
Что «о земле Сибирской».

В ней чайная просторная,
И радует уют,
И девушки проворные
Чай гостю подают.

А чайники — подарки,
Цветастые бока:
Поменьше — для заварки,
Большой — для кипятка.

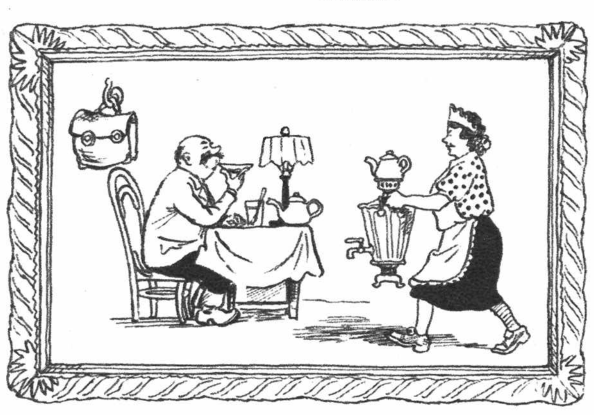
Тому, кто выпьет, к слову,
Стаканчиков пяток,
Чуть стукнет крышкой,
снова
Приносят кипяток.

И этого товара
Не пожалеют зря:
Два медных самовара,
Как два богатыря.

В такой приятной чайной
Сидел бы я до полночи,
И то-то мне печально:
В похожей не чаевничал.

Н. КАРМАЗИНСКИЙ

Москва.

Ястреб-рыболов

Этот любопытный случай произошел на притоке Камы — Иньве. Я удил с плота язей. Заметив, что поблизости «бьет» щука, я взял большую удочку, снял с лесы груз (так как предполагал, что щука гуляет в верхних слоях воды) и, наживив крючок небольшим ельцом, забросил.

Живец пошел тихонько по течению.

Вдруг послышался какой-то свист, напоминающий стремительное падение с высоты тяжелого тела. Не успел я разобраться, в чем дело, как увидел поднявшегося с реки в воздух ястреба. В то же время удилище соскользнуло в воду.

И вот вижу: удилище быстро плывет по реке, а леса от него уходит... вверх, к небу! Затем и удилище оказалось в воздухе, удаляясь от меня.

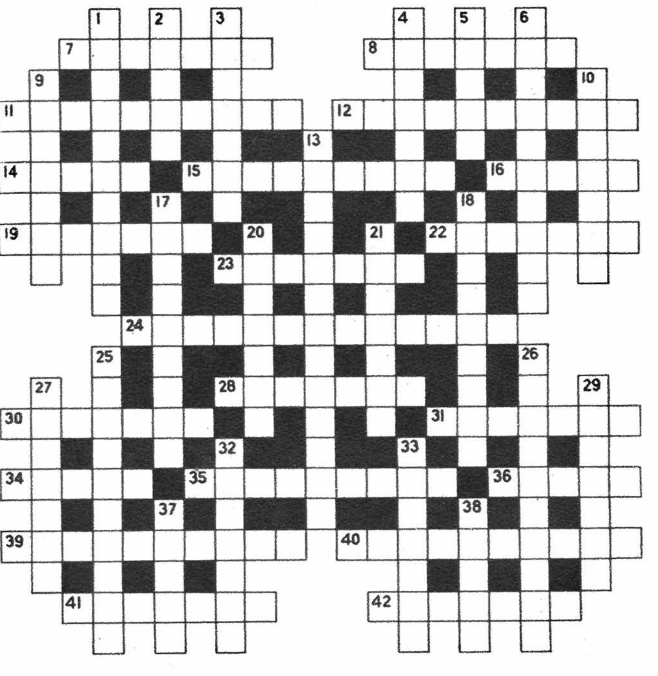
Я догадался, что это пернатый хищник, охотясь у реки, схватил моего живца, предназначенного для речного хищника.

Через некоторое время удилище упало на берег. Когда я подобрал его, живца на крючке не оказалось.

Арк. КУЗНЕЦОВ

Молотовская область.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Порода верховых лошадей. 8. Советский конструктор оружия. 11. Бегемот. 12. Псевдоним коллектива советских художников. 14. Город в Алтайском крае. 15. Образ мыслей, точка зрения. 16. Одно из главных действующих лиц в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам». 19. Военная специальность. 22. Ночная птица. 23. Судно. 24. Документ. 28. Основное, исходное положение теории, науки. 30. Комическое или сатирическое подражание. 31. Машина для земляных работ. 34. Птица. 35. Самопополнение выборного органа. 36. Русский композитор. 39. Величина, определяющая положение точки на плоскости. 40. Старательность. 41. Выдающийся русский математик. 42. Автономная советская республика.

По вертикали:

1. Слой атмосферного воздуха. 2. Барьер вдоль авансцены. 3. Военное укрепление. 4. Марка советского автомобиля. 5. Угольное месторождение в Киргизии. 6. Город в Запорожской области. 9. Член правительства. 10. Представитель северной народности. 13. Очень ценная вещь. 17. Обращение с призывом. 18. Один из поздних сортов яблок. 20. Место, с которого читают лекции. 21. Великий русский писатель. 25. Растение из семейства мальвовых. 26. Спор, препирательство. 27. Русский архитектор. 29. Продукт перегонки нефти. 32. Генерал, герой Великой Отечественной войны. 33. Геометрическое тело. 37. Заглавие книги. 38. Руководитель факультета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

1. Оскол. 6. Александров. 9. Космос. 10. Глянец. 11. Тикси. 12. Секатор. 14. Ниагара. 17. Ареометр. 18. Фарватер. 20. Светляк. 23. Скрипка. 25. Отава. 26. Киргиз. 27. Педаль. 28. «Современник». 29. Гурон.

По вертикали:

1. Оркестр. 2. Крамской. 3. Лодыгин. 4. Климат. 5. Поляна. 7. «Воскресение». 8. Севастополь. 12. Станс. 13. Олеся. 15. Игрек. 16. Аорта. 19. Владимир. 21. Легион. 22. Козерог. 23. Сапонин. 24. Рудник.

Иностранный юмор

Мемориальная доска

Друг Брамса посетил его венскую квартиру. Уходя вместе с композитором из дому, посетитель благоговейно воскликнул:

— Представляю себе, что будет написано после вашей смерти на доске, которую вывесят у входа в этот дом!

Брамс задумчиво ответил:

— Да... Вероятно: «Сдается квартира в наем...»

Виртуоз

Знакомый Вольтера, большой меломан, привел его на концерт модного музыканта-флейтиста, удивлявшего слушателей своей техникой. Знакомый в восхищении прошептал Вольтеру:

— Исполнение это ужасно трудно!..

Вольтер сокрушенно вздохнул:

— Я предпочел бы, чтобы оно было невозможно...

В этом номере на вкладках: репродукции картин А. М. Васнецова «Старая Москва», Н. А. Касаткина «Перед обыском», А. И. Куинджи «Степь», А. К. Саврасова «У колодца», И. И. Ендогурова «Белый мох» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05050. Подп. к печ. 8/IX 1953 г. Формат бум. 70×108⅙. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 704. Заказ № 2105. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Танки в походе.

Фото А. Григорьева и Ю. Скуратова.

ДЕНЬГИ ДЛЯ ПОЕЗДКИ НА КУРОРТ МОЖНО НАКОПИТЬ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ

Цена номера 3 руб.